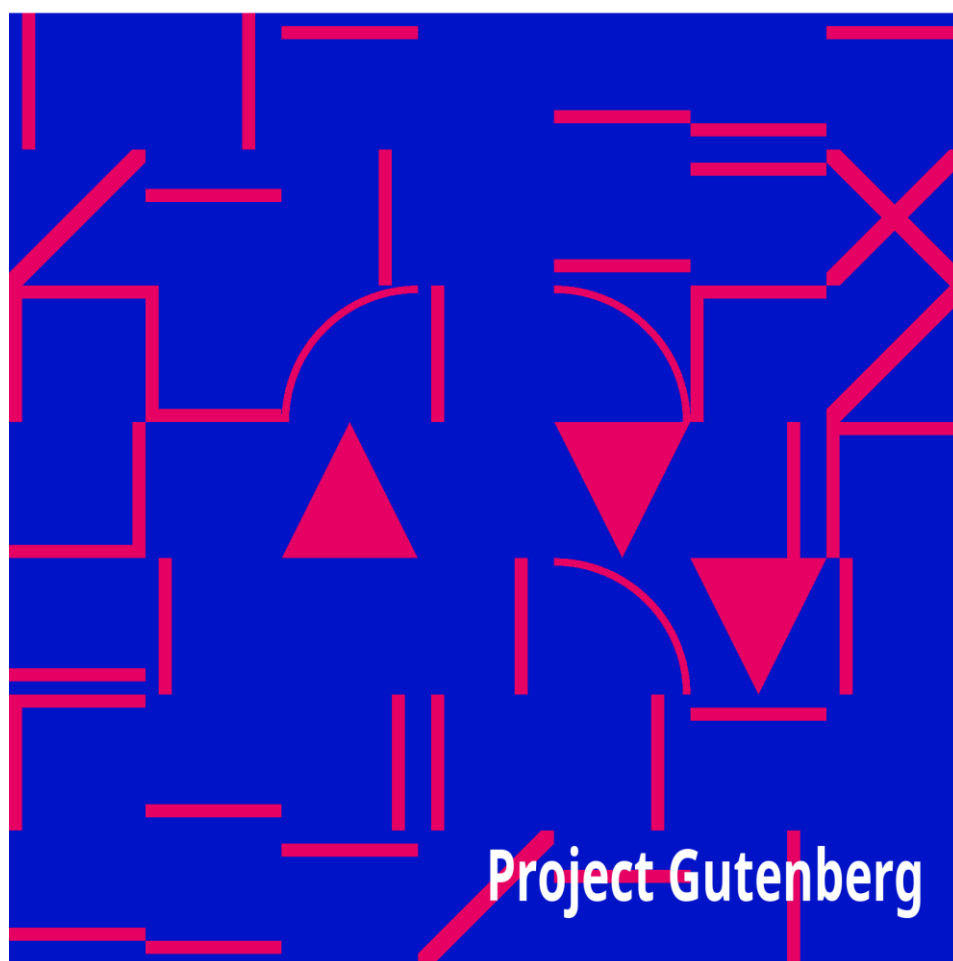

Французская революция. Краткая история

Р. М. Джонстон

The French Revolution: A Short History

R. M. Johnston

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Французской революции: краткая история

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Французская революция: краткая история

Автор: Р. М. Джонстон

Дата выхода: 1 октября 2006 [Электронная книга №19421]

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ" ***

[Примечание переписчика: номера страниц в этой книге обозначены цифрами, заключенными в фигурные скобки, например {99}. Они были расположены там, где в оригинальной книге происходили разрывы страниц, в соответствии с FAQ проекта Gutenberg-V-99. Это было сделано только в основных главах книги (I-XVII). В Предисловии и Указателе номера страниц указаны только в начале каждого из этих двух разделов.]

1. Voltaire. 2. Marie Antoinette on her way to the guillotine. 3. Fouquier-Tinville. 4. Carrier. 5. Danton before the Tribunal Révolutionnaire.

[Фронтиспис: 1. Вольтер. 2. Мария-Антуанетта на пути к гильотине. 3. Фукье-Тенвиль. 4. Перевозчик. 5. Дантон перед революционным трибуналом.]

Французская революция

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Бу Р. М. Джонстон

Магистр, КАНТАБ.

Доцент истории Гарвардского университета

НЬЮ-ЙОРК

ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ

1910 год.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1909 г.
ГЕНРИ ХОЛТОМ И КОМПАНИЕЙ

Опубликовано в мае 1909 г.
Второе издание, январь 1910 г.

Рейнеру Ниту В ПАМЯТЬ О СТАРЫХ ДНЯХ В ПЕМБРУКЕ

{v}

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги аналогична той, с которой несколько лет назад я написал краткую биографию Наполеона. Основные контуры Революции, пропорции и соотношение вещей, как правило, затемняются из-за происходящего сейчас накопления исторических деталей. Таким образом, это попытка выделить из массы деталей форму, движение, значение этого великого исторического катаклизма. Чтобы сохранить ясность в общих чертах, я намеренно избегал упоминания имен многих второстепенных действующих лиц; полагая, что, если с ними не связано ничего существенного, упоминание их имен только запутало бы дело. Аналогично с инцидентами, я опустил несколько, таких как беспорядки в Авиньоне, и изменил акцент на других, свободно оценивая их важность и не следуя по стопам моих предшественников, как в случае со взятием Бастилии, важность которой была сильно преувеличена ранними авторами на эту тему.

Конец Революции я отмечаю в Брюмере — такая же хорошая дата, как и любая другая, хотя, как и все остальные, открыта для критики. Однако будет обнаружено, что настоящее повествование сливается с повествованием о моем *Наполеоне*, которое образует его естественное продолжение после этой даты.

КЕМБРИДЖ, Массачусетс, февраль 1909г.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ПЕРСПЕКТИВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	1
II. VERSAILLES	11
III. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС	25
IV. СОЗЫВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ	35
Против . ФРАНЦИЯ ПРИБЫВАЕТ В ВЕРСАЛЬ	52
ГОДА VI. ОТ ВЕРСАЛЯ ДО ПАРИЖА	70
лет.VII. АССАМБЛЕЯ ОТМЕНЯЕТ ПРИВИЛЕГИИ	89
VIII. РЕЙС В ВАРЕНН	105
IX. НАЧИНАЕТСЯ ВОЙНА	123
X. РЕЗНЯ	139
XI. КОНЕЦ МОНАРХИИ	157
XII. ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ	170
XIII. ЦАРСТВО ТЕРРОРА	185
XIV. ТЕРМИДОР	202
XV века. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЪЕЗДА	222
XVI. ДИРЕКТОРИЯ	239
XVII. ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА	262
ИНДЕКС	279

{1}

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I

ПЕРСПЕКТИВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Масштабность события слишком часто зависит от его репортера, а репортеру часто не хватает чувства исторической пропорции. Чем ближе он к событию, тем большим авторитетом он обладает как свидетель, но меньшим - как судья. Только время может установить взаимосвязь и гармонию вещей. В частности, это относится к величайшему событию современной европейской истории, Французской революции, и первая задача историка, пишущего столетие спустя, - попытаться уловить его перспективу. Чтобы сделать это, проще всего будет посмотреть, как интерпретировалась Революция с момента ее завершения до наших дней.

Именно мадам де Сталь, находившаяся под влиянием Константа, первой заставила Европу прислушаться к голосу разума после реставрации Бурбонов в 1815 году. {2} Ее *"Размышления о французской революции"*, опубликованные в 1818 году, через год после ее смерти, были смелым, хотя и сдержанным призывом к делу политической свободы. В момент реакции, когда Священный союз провозгласил братство не людей, а монархов и прямое делегирование Божественным Провидением своих основных добродетелей Александру, Фридриху Вильгельму и Франциску, — в момент, когда члены Конвента были объявлены вне закона как цареубийцы, когда слово "якобинец" вызывало трепет ужаса у каждого респектабельного человека, дочь Неккера возвысила голос, чтобы сказать, что если в течение только что прошедших бурных лет народ Франции только и делал, что переходил от преступления к безумию и от безумия к преступлению, то вина не в этом, а в том, что он был виноват. в конце концов, ложись не на их сторону, а на сторону старого режима. Если французам не удалось продемонстрировать добродетели свободных людей, то это потому, что с ними на протяжении столетий веков обращались как с рабами. Это было в 1818 году, через три года после Ватерлоо.

Мадам де Сталь была памфлетисткой; вскоре за ней последовали историки. Тьер в 1823 году, Минье в 1824 году создали первые важные истории революции; первый более красноречив, более популярен; второй более подкреплён документальными свидетельствами, более {3} точен, более прозаичен, фактически и по сей день, в своей негативной манере, является одной из лучших общих историй этого вопроса. Оба этих писателя были слишком близки к своей теме и им слишком мешала реакционная обстановка того времени, чтобы добиться успеха при решении более масштабных вопросов, связанных с Французской революцией. Тьер, идя на шаг дальше мадам де Сталь, жадно сосредоточивался на героических аспектах своей темы. Именно с этим акцентом позже, при более либеральном режиме Луи Филиппа, он продолжил свою работу в эпоху Наполеона и написал свою чрезвычайно популярную, но крайне необоснованную историю консульства и империи. В 1840 году останки Наполеона были перенесены с острова Святой Елены в Париж и торжественно доставлены к Дому инвалидов в окружении ярких фигур и униформы горстки выживших ветеранов, приветствуемых звонкой риторикой Виктора Гюго, который в прозе и стихах ярко сформулировал наполеоновскую

легенду. И как раз до и сразу после этого события, созданного для того, чтобы поразить воображение и подготовить изменение мнений, вышла серия примечательных книг. Все они были похожи в том, что несли на себе печать романтизматридцатых и сороковых годов, интерпретируя историю с точки зрения {4} отдельного человека; но они отличались своими политическими пристрастиями. Эти работы были написаны Карлейлем, Луи Бланом, Ламартином и Мишле.

Французская революция Карлейля в гораздо большей степени относится к области литературы, чем к области истории. Его блеск все еще может ослепить тех, кто способен думать о Карлейле не более чем как о литературном художнике; он не ослепит тех, кто видит в нем прежде всего великого гуманиста. Он был слишком импульсивным художником, чтобы сопротивляться яркому освещению своей темы, и был загипнотизирован Версалем и гильотиной точно так же, как его современник Тернер был загипнотизирован великолепием пылающих закатов и набегających волн. Книга представляет собой великолепный поиск героя, которого невозможно найти, но это не Французская революция.

Французские современники Карлейля добавляют нотку партийного человека к его индивидуалистическому импрессионизму, и все трое являются убежденными апологетами революции. Ламартин превозносит жирондистов; Блан освящает Робеспьера, которого он ошибочно принимает за апостола социализма; Мишле, столь же восторженный, как и оба, но более широкий в своих взглядах и гораздо более глубокий как ученый, видит Революцию в целом и приветствует в ней возрождение человечества. Через несколько дней после публикации его первых томов Франция снова поднялась на революцию и провозгласила Вторую республику. Затем она в течение нескольких месяцев прошла через все фазы политической мысли, которые прославляли Тьер, Блан, Ламартин и Мишле, — демократическую, буржуазную, автократическую республику и, наконец, возвращение к империи — империи Луи Наполеона.

И, по сути, истории Революции, созданные этими авторами, были особыми мольбами в защиту побежденного дела, возникшими в 1848 году для нового утверждения. При Второй империи, когда автократия восторжествовала еще больше, чем при братьях Людовика XVI, они стали евангелиями непокорного либерализма Франции; Мишле - евангелием интеллектуалов, Блан - евангелием пролетариев. Де Токвиль присоединил свой голос к их, его "*Ancien Régime*" появился в 1856 году. Затем наступил 1870 год, падение Империи, и 1871 год, борьба между республикой среднего класса Тьера и пролетарской республикой Парижа. Последний, побежденный в очередной раз, исчез в кошмаре убийств и поджогов.

Именно под впечатлением от этой катастрофы Тэн приступил к исследованию прошлого своей страны, и особенно великой революции, на которой, казалось, было основано все остальное. Между 1875 и 1894 годами он выпустил книгу "*Истоки современной Франции*", которая в некотором смысле вытеснила все предыдущие работы о революции. За этим можно было ясно разглядеть огромные строительные леса эрудированного труда и работу интеллекта необычайной силы; но что было не так очевидно и теперь лишь постепенно осознается, так это то, что большая часть этой эрудиции была поспешной и вдохновлена предвзятыми мнениями, и что гений Тэна был скорее философским, чем историческим. Предполагая достоверность впечатлений, которые у него сложились, когда он был свидетелем агонии Парижа весной 1871 года, его история революции была мощным и блестящим подтверждением этих впечатлений. Но только философ формирует свое мнение до рассмотрения фактов, историк инстинктивно

меняет порядок этих явлений на противоположный. Как бы то ни было, великая работа Тэна оказала огромное влияние на интеллект его поколения, и почти все, что было написано о Революции со времен него, отмечено его именем. Его тезис состоял в том, что Церковь и государство были великими институтами, посредством которых грубый человек приобрел свою малую долю справедливости и {7} разума, и что подрезать под корень и государство, и Церковь было фатально; это могло привести только к диктатуре солдата или к диктатуре толпы. Из этих двух зол первое казалось ему меньшим, в то время как о последнем он мог думать только в терминах безумия и возмущения. Консерватизм Тэна был реакцией общественного мнения на насилие коммуны и слабые зачатки Третьей республики, подобно тому как либерализм Мишле был реакцией против орлеанистского и бонапартистского среднего класса и военного диктатора.

Что у нас было после великой книги Тэна, влияние которой в этом 1909 году только начинает ослабевать? Минувшую значительную и популярную "историю революции" фон Сибеля, мы рассматриваем *"Европу и французскую революцию" Сореля*, более историчную, более сбалансированную, чем работа Тэна, четкую по стилю и аранжировке, но в целом поверхностную по идеям и некорректную по деталям. Гораздо более глубокое значение имеет *История социализма* Жана Жореса, название которой слишком узкое; *"История народа"* или *"История классов утружденных"*, более точно определили бы рамки этого замечательного труда. Здесь мы имеем дело с новым явлением - историей, написанной для рабочего класса и с точки зрения {8} рабочего класса. И хотя "История" Жореса не свободна от налета партийного памфлета, не отличается исторической эрудицией, интеллектуальной силой или художественной композицией, она представляет Революцию в том аспекте, который дает наибольшую пищу для размышлений и который наиболее непосредственно соприкасается ее с проблемами современности.

Наконец, что можно сказать о трудах современного историка? Немногие из только что названных писателей смогли выдержать тесты, жестко применяемые к молодым людям, которых университеты в последние годы в большом количестве направляли в качестве технически подготовленных историков. Многие из них обратили свое внимание на обширное поле деятельности, предложенное Революцией, и некоторые проделали хорошую работу. Тенденция современных усилий, однако, состоит в том, чтобы прояснить детали, но избежать крупных проблем; установить, вне всякого сомнения, точный оттенок цвета бриджей Робеспьера, но отказаться от какого-либо мнения о Французской революции в целом как от недостижимого. Не иначе как здесь и там проделывается превосходная работа. Олар опубликовал важную историю революции, которая является хорошим дополнением к книге Тэна; Министерство общественного просвещения помогает в публикации документов, составленных {9} для руководства Генеральными штатами, масштабного мероприятия, которое проливает поток света на экономическое состояние Франции в 1789 году. Историки, по сути, достигли момента большей беспристрастности, большей отстраненности, более строгого изложения фактов; и с общим результатом, что специалист выигрывает, а публика теряет.

Сказанное должно объяснить, почему в наши дни рассматривать Революцию в целом кажется еще более трудным, чем это было во времена Тьера и Минье. Событие было настолько велико, потрясение было настолько сильным, что с того дня и по сей день Франция продолжает шататься от удара. Только в самые последние годы мы можем видеть происходящие на наших глазах последние колебания, медленное достижение нового демократического равновесия. Конца еще нет, но то, каким этот конец в конечном итоге должен быть, теперь кажется ясным

без всяких сомнений. Постепенное политическое просвещение и приход масс к власти - это процесс, который является логическим итогом Революции; а объединение рук крыла интеллектуалов с наиболее радикальной частью рабочих - это признак нашего времени, который нелегко обойти стороной. От Вольтера до революции до Анатоля Франса, в {10} настоящее время, традиция и развитие непрерывны и логичны.

Теперь остается сказать, что если это линия, по которой следует искать перспективу Революции, то это не то место, где детали этой перспективы могут быть адекватно изложены. Это следует приберечь для истории гораздо больших масштабов и гораздо более медленных достижений, о которой уже написано несколько страниц. В этом томе не может быть предпринято ничего большего, чем краткий очерк, дающий общее представление о Революции вплоть до 1799 года, когда Бонапарт захватил власть.

{11}

ГЛАВА II

ВЕРСАЛЬ

К концу 18 века Франция была ближе к своему расцвету, чем любой из ее великих европейских соперников; она была гораздо больше похожа на современную Францию, чем мог бы поначалу предположить англичанин, американец или немец, думающий о том, чего достигла его собственная страна в 19 веке. Ее население, составлявшее около 25 000 000 человек, было в три раза больше, чем в Англии. Париж с населением 600 000 или более человек был намного ближе к современному городу по размерам, чем любая другая столица Европы, за исключением Неаполя. В социальном, экономическом и политическом плане, несмотря на грубые злоупотребления, наблюдалось значительное развитие; и реформатор, перестроивший институты Франции в 1800 году, заявил, что административная машина, созданная Бурбонами, была лучшей из всех, когда-либо созданных человеческой изобретательностью. Крупные промышленные города и ряд действующих портов указывали на наступление великого экономического периода.

{12} Однако все это зиждилось на весьма несообразном основании. Феодализм, средневековье, автократия создали структуру кастовых различий и классовых привилегий, которым обычаи, возраст, застой и невежество придавали вид предопределенной и необходимой стабильности. Церковь, самая привилегированная из всех корпораций, превратила свои чудеса и ужасы, как настоящие, так и будущие, в самую мощную опору структуры общества. Знать, высшая каста, почти разделила влияние с Церковью. Эти двое, рука

об руку, господствовали во Франции за пределами крупных городов. В каждой деревне были свой кюре и свой сеньор. Кюре собирал свою десятину и насаждал религиозные заповеди, заповеди, которые в конце 18 века проповедовали бурбонизм как одно из важнейших проявлений Провидения на земле. Сеньор, как правило, владевший большей частью всей собственности, находящейся в свободном владении, не только имел вес как землевладелец, но и пользовался многими исключительными привилегиями и применял самые суровые санкции ко всему в качестве местного отправителя правосудия. Были сотни набожных священников и гуманных сеньоров, но часть, бросающаяся в глаза, хотя и небольшая, была иной; и система давала такую возможность для совершения зла, что мнение, естественно, но несправедливо, {13} превратило дурные поступки немногих в характеристику всего класса.

Кульминацией этой системы, ее видимым и выразительным символом, закрепившимся за Парижем подобно огромной раздутой опухоли, разъедающей сердце Франции, был Версаль. Но по сравнению с классовыми привилегиями, Церковью и сеньором Версаль был недавним явлением, изобретенным Людовиком XIV немногим более чем за сто лет до начала Революции. В начале 17 века французская монархия несколько внезапно вышла из религиозных войн, чрезвычайно окрепнув. Способные государственные деятели, Генрих IV, Сюлли, Ришелье, Мазарини, Людовик XIV, победили ее в борьбе с феодальной аристократией. До начала религиозных войн французский дворянин все еще был средневековым в том смысле, что принадлежал к касте военных специалистов и что его провинциальный замок был одновременно и его резиденцией, и его цитаделью. Сама борьба поддерживалась в значительной степени его усилиями, военной и политической властью знати, Гизов, Монморанси и других. Но когда борьба завершается, и религия, и ее причина, и великий аристократ, ее сторонник, несколько отходят на задний план, в то время как внимание привлекает король, царственная власть. И {14} новая монархия божественного права, восторжествовавшая над феодальным солдафоном и с радостью принятая средним классом в качестве восстановителя порядка, приступает к работе, чтобы закрепить этот успех; результатом является Версаль.

Впечатляющий дворец, построенный Людовиком XIV, придавал триумфальной монархии гламур и престиж. Она отвлекла великую знать от их замков и крестьянства и превратила их в придворных, функционеров и должностных лиц. Поймать луч королевской милости означало заручиться золотой каемкой отличия, и поэтому даже литература, теология, интеллект Франции быстро научились вращаться вокруг ослепительного короля-Солнца Версаля Людовика XIV.

Однако Версаль не смог надолго сохранить те элементы жизнеспособности, которыми он обладал. Он быстро выполнил свою работу над феодальной аристократией, но только дорогой ценой. С уходом Людовика XIV она начала разрушаться от коррупции внутри, от критики извне. Людовик XV превратил дворец в самый великолепный из публичных домов, а его обитателей - в самых презренных и деградировавших блудниц и сутенеров. Политика Франции, все еще королевской при Людовике XIV, была отмечена жадностью, распутством и неспособностью Ришелье и Дюбуа, Помпадур и Дюбарри. Когда {15} истекающий кровью труп Людовика XV был поспешно перевезен контрабандой из Версаля в собор Сен-Дени в 1774 году, это, казалось, ознаменовало окончательное разложение бурбонско-версальского режима. Этот режим уже ударил в ноздри общественному мнению, новой силе, которая на протяжении полувека добивалась быстрого прогресса во Франции.

Великая религиозная и военная борьба 16-го и 17-го веков привела в одном направлении к повышению престижа и кристаллизации могущества французской монархии. С другой стороны, это привело к еще более прочному утверждению нового интеллектуального положения Европы, духа исследования, критики, свободы мысли. Римская доктрина о верховной власти была поставлена под сомнение, и поставлена успешно. Пройдет совсем немного времени, прежде чем доктрина власти Бурбонов также будет поставлена под сомнение. Даже если французская мысль и литература на мгновение воздали должное трону Людовика XIV, последние годы столетия были отмечены именами Лейбница, Бейля и Ньютона; подвижный интеллект Франции не мог долго оставаться в застое, когда подобные силы оказывали свое влияние на европейскую цивилизацию. {16} Наступил новый век, регент Филипп Орлеанский недолго находился у власти, прежде чем Франция показала, что Версаль перестал контролировать ее литературу. Монтескье, новый Рабле с шепелявостью 18 века, приправив свои *Личные письма* пикантным соусом, состоящим из непристойности и стиля, преуспел в том, что заставил публику проглотить несколько зажигательных кусочков. Король Франции, заявил он, черпал свою власть в тщеславии своих подданных, в то время как папа был "старым идолом, которому воскуряют благовония просто по привычке"; ничего более сильного до сих пор сказано не было. Несколько лет спустя, в своем "*Духе Луи*", он опубликовал работу с европейской репутацией, которая в конечном итоге оказалась одним из основных каналов распространения английских конституционных идей среди мыслящих классов Франции.

Еще большее влияние, чем Монтескье, оказал Вольтер. Он оказывал непреодолимое очарование на интеллектуальный класс непревзойденной ясностью и логикой своей мощной, но остроумной прозы. Он довел здравый смысл до гениальности, отбросил очарование интеллекта на материализм своего века и всегда с наибольшим рвением хватался за перо, когда на карту ставился вопрос гуманности и либерализма. У него были слабые стороны, он был материалистом как в жизни, так и в мышлении, и в его характере не было ничего от мученика; тем не менее, в своей манере он боролся с мракобесием со всем рвением реформатора. Фактически он был преемником Кальвина. Но со времен Кальвина протестантизм был почти искоренен во Франции, так что постепенный рост духа исследования, все еще продолжавшийся под поверхностью, вывел его за пределы протестантизма. Вольтер отстаивал именно атеизм, и с того дня и по сей день для подавляющего большинства жителей Франции альтернатива лежала между жестким католицизмом, с одной стороны, и жестким атеизмом - с другой. Бесчисленные оттенки перехода между этими крайностями, в которых английский и немецкий протестантизм проложили путь первопроходцев, оставались для них закрытой книгой. В своих *Письмах об англичанах*, опубликованных в 1734 году, Вольтер останавливается не столько на конституционных, сколько на религиозных вопросах. Свобода совести - это то, за что он борется, и он понимает не только то, что нападать на Церковь более благоразумно, чем на государство, но и то, что это более важно; религия лежит в основе монархической системы, даже если правитель 18 века склонен забывать об этом. А Церковь дает Вольтеру широкие возможности для нападок. Епископы и придворные настоятели достаточно часто бывают {18} скептиками и распутниками, хотя время от времени они оборачиваются и наносят яростный удар, чтобы поддержать престиж и дисциплину своей древней корпорации. И когда за несколько богохульных слов они отправляют такого мальчика, как шевалье де Ла Барр, на эшафот, где его изуечат и убьют, голос Вольтера звучит с полным отзвуком оскорбленного человечества и цивилизации: *Ecrasez l'infâme!* Он верил, что Революция, которую он, как и многие другие, предвидел, начнется с нападения на священников. Это была естественная

ошибка мыслителя, литератора, озабоченного больше идеями, чем фактами, теологией, чем экономикой.

Прежде всего, Вольтер выделялся как реалист в современном смысле этого слова, и если он и ненавидел Церковь, то в основном потому, что она олицетворяла неправду. Он не отклонялся от общественного мнения в той же степени, что его великий современник Руссо, но он представлял его в большей степени; и из людей Революции именно Робеспьер, правивший менее четырех месяцев, поддерживал Руссо, в то время как Бонапарт, правивший четырнадцать лет, был истинным вольтерьянцем.

Рядом с Вольтером стояли энциклопедисты во главе с Дидро и д'Аламбером. {19} Великая справочная работа, которую они выпустили, проникла во все интеллектуальные круги не только Франции, но и всей Европы и принесла с собой доктрины материализма и атеизма. Как бы сильно они ни были пропитаны идеями Церкви и государства в римско-бурбонской форме, многие из их читателей неосознанно поколебались в своих фундаментальных убеждениях и были готовы подвергнуть сомнению, критиковать и, когда здание начало сотрясаться, принять Революцию и доктрину прав простого человека.

Вольтер, Дидро, д'Аламбер в глубине души были, по сути, аристократами; для них обычный человек был ненадежным скотом с низменными инстинктами, и их революция означала бы смену аристократии меч аристократией интеллекта. Руссо придерживался противоположной точки зрения. Для него только деспотизм унижал человека. Устраните неблагоприятные условия, и обычный человек быстро проявил бы присущую ему доброту и дружелюбие; таким образом, нежность к нашим собратьям, или братство, была отличительной чертой мужественности. Неудержимое изобилие доброты Руссо вылилось из его романов и эссе в мощный поток модной чувствительности. В последующие годы ужасного стресса, во время резни на гильотине и в Великой армии, было модно быть мягкосердечным, и даже такой огнядец, как Мюрат, при малейшей провокации заливал жилеты своих друзей слезами. В своем *социальном* контрасте Руссо постулировал существенное равенство правителя и управляемых. Но его сентиментальное отношение к человеку было соответствующим отношением к Божееству; неспособный принять католицизм или даже христианство, он искал убежища от атеизма в объятиях *Высшего* Мира. Именно этому Высшему Существо Руссо предстояло стать официальным божеством Франции в последние дни правления террора.

Влияние театра несколько отличалось от того, которое оказывали эти писатели. Столетие стало свидетелем возвышения представителя среднего класса и его попыток самовыражения. Кофейня и масонская ложа предоставляли возможности для бесед, дискуссий, выражения мнений; а растущее число газет снабжало эти круги информацией о ходе политических событий. Но сами газеты, возможно, не рискнули бы высказывать опасное мнение, а у быстро растущей общественности, особенно в {21} городе Париже, не было возможности прокомментировать или критиковать события того дня. В предварительном порядке театр доказал, что является возможным средством коммуникации. В 1730 году Вольтер поставил свою трагедию "Брут". Она провалилась из-за линий

...et je porte en mon coeur
a liberté gravée et les rois en horreur.

Публика была слишком лояльна к бурбонизму, чтобы принять эти чувства; раздался громкий ропот; и *Брута* пришлось отозвать. Еще в 1766 году пьесу на тему Вильгельма Телля ставили в пустом зале; никто не захотел пойти посмотреть на героя-республиканца. Но с шестидесятих годов ситуация быстро изменилась. Зрители проявляют большой энтузиазм по поводу соперничества в искусстве, актеров, авторов, мнений и время от времени аплодируют или освистывают чувства, которые затрагивают священные основы социального и политического порядка. Наконец-то на сцене появляется автор, проницательный, остроумный, беспринципный, находчивый, способный уловить растущее настроение публики и сыграть на нем ради собственной славы и выгоды.

Бомарше, Мирабо, Дюмурье, Бонапарт - вот типы авантюристов Революции, и первый относится только к периоду вынашивания, а также к области литературы. Брошенный в войну за независимость Америки своим двойным призванием тайного дипломатического агента и спекулянта военными припасами, он поддерживал дело американского народа с энтузиазмом, который всегда вспыхивал ярче всего, когда на карту были поставлены личные интересы. Его энтузиазм по поводу свободы Америки легко перерос в энтузиазм по поводу свободы его собственного класса, и, чтобы подтвердить это, он поставил "Фигаро" на сцене.

Первое публичное исполнение "*Ночи Фигаро*" в 1784 году стало кульминацией трехлетней борьбы. Людовик XVI объявил пьесу подрывной, и автор поднял бурю протеста в ее защиту. Для двора было устроено специальное представление, и парижская публика, раздраженная тем, что ее таким образом исключили, тогда впервые подняла крик о тирании и угнетении. Когда, наконец, правительство в своей слабости пошло на последнюю уступку и разрешило публичное представление, спрос на места был выше, чем когда-либо прежде. Театр был переполнен. Знатные лорды и леди сидели локоть к локтю с буржуа и светскими дамами; и когда Фигаро выступил с речью против социальной несправедливости, противоположные партии в палате представителей бурно выразили одобрение или неодобрение. Фигаро - это Бомарше, это человек низшего или среднего класса, у которого нет ничего, кроме собственного ума, чтобы пробиться сквозь барьеры, воздвигнутые привилегиями на каждом пути, по которому он пытается продвинуться. Будучи камердинером графа Альмавивы, он видел этого привилегированного человека вблизи и убедился в его гнилости и неспособности. Поскольку вы знатный сеньор, говорит он, вы считаете себя великим гением; но, господин граф, чему вы на самом деле обязаны своими великими привилегиями? За то, что ты подвергла себя неудобствам, связанным с рождением, и не более того. Я, со всеми моими способностями и силой, я, кто может работать на себя, на других, на свою страну, я отстранен от любого занятия.

Вот что хотел сказать напористый авантюрист и остроумный драматург, но по всей стране тысячи простых, неприметных людей, врачей, юристов, торговцев, фермеров, даже кое-где попадались крестьяне или дворяне, лучшие представители глубоко укоренившейся цивилизации Франции, ее острого ума, честности, человечности, внутренне возмущались неумелостью и несправедливостью ее правительства. С их точки зрения, вся система, казалось, вращалась вокруг Версаля, резиденции {24} короля Бурбонов, счастливых охотничьих угодий привилегированных придворных, блестящей обители порока и разврата, сточной канавы, через которую постоянно утекали бесчисленные миллионы, в то время как бедняки голодали, знака бесчестия и неспособности, который слишком часто приписывался поведению Франции как в военное, так и в мирное время. Двадцать пять миллионов за воротами смотрели на сто тысяч внутри, и чем больше они смотрели, тем громче и язвительнее становились их комментарии,

тем тусклее и безвкуснее казался им блеск всего этого, и тем слабее и нерешительнее становилось отношение ста тысяч, когда они пытались с помощью наглости и высокомерия сохранить позу унаследованного превосходства.

{25}

ГЛАВА III

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Даже при таких условиях монархия Бурбонов могла бы просуществовать гораздо дольше, если бы в один конкретный момент она не потерпела сокрушительное поражение. Сам Наполеон заявил, что *старый режим* потерпел крах благодаря управлению финансами; и хотя в течение длительного периода историки предпочитали акцентировать политические и социальные аспекты революции, в последние годы экономический был в центре внимания. И именно для рассмотрения финансовой проблемы в 1789 году были созданы Генеральные штаты; в то время как большинство беспорядков, вспыхнувших в Париже в том же году, были вызваны нехваткой продовольствия.

Редакторы Энциклопедии не пренебрегали экономическими вопросами и предоставили много работы ряду авторов, считавшихся экономистами или физиократами. Среди людей, наиболее интересовавшихся этими вопросами, были Кенэ, врач мадам де Помпадур; Тюрго, самый способный министр Людовика XVI, и маркиз де Мирабо, отец более знаменитого сына. Они занимались, среди прочего, теориями сельского хозяйства, в значительной степени основанными на условиях их страны. При своем большом населении Франция с трудом могла производить достаточное количество продовольствия для своего народа. Пшеница, которую она производила, поступала на рынок при чрезвычайно плохих условиях распределения и оплаты. Столетие было свидетелем того, что казалось бесконечной чередой неурожаев и следовавшего за ними голода. Рассматривая эти условия в целом, мыслители-экономисты пришли к выводу, что основы государства должны покоиться на сельском хозяйстве, и они быстро выдвинули требование поощрять производство пшеницы и свободное обращение ее в обращение.

К концу правления Людовика XV начало ощущаться влияние этих экономических доктрин. Было предпринято несколько попыток снять ограничения на оборот пшеницы. Эти усилия, однако, оказались безрезультатными до окончания совещания Генеральных штатов, и это в значительной степени из-за могущественных интересов, которые были заинтересованы в

сохранении вопроса о пшенице в том виде, в каком он существовал в то время. Условия были любопытными и имеют большое значение в {27} их связи с началом революции.

Пшеница стала главным средством финансовых спекуляций. Это был товар, поступивший на рынок в установленный срок в больших количествах, хотя, как показал опыт, их редко было достаточно для удовлетворения потребностей в последующие двенадцать месяцев. Таким образом, капиталист, который мог заплатить за него наличными и у которого были средства для его хранения, был почти уверен в умеренной прибыли, а в случае голода - в экстравагантной. Этот капиталист по необходимости принадлежал к привилегированным классам. Часто религиозные общины пускались в подобные предприятия и использовали свои просторные здания в качестве зернохранилищ. Образовывались синдикаты, в которые входили спекулянты всех мастей, от буржуазного лавочника провинциального городка до придворного и даже короля. Но народное негодование, горький крик голодающих дали им всем одно и то же название: от Людовика XV до не приметного монаха все они были *помощниками бле*, *загонщиками пшеницы*. И их прибыли росли, как росли голод и измором. Было выдвинуто предположение, что в 1789 году половина населения Франции знала по опыту значение слова "голод"; можно ли удивляться, что проклятие целого народа было наложено на любого человека, о котором можно было сказать, что он был *помощником бле*?

Привилегированное лицо, король или сеньор, епископ или аббат, взимало феодальные пошлины на дорогах и водных путях, так что судно с вином, следовавшее из Прованса в Париж, по пути должно было платить пошлину не менее сорока раз. Ему принадлежало право заседать в качестве судьи в городе или деревне и командовать вооруженными силами, которые приводили судебные решения в исполнение. Там, где он не владел собственностью на ферму, он обладал деспотическими феодальными правами на нее и в конце концов вновь появлялся в официальном обличье одного из армии чиновников, главной обязанностью которых было не столько обеспечение справедливости, хорошего управления или благоустройства на местах, сколько вытягивание побольше денег из налогоплательщиков. Главными из всех этих должностных лиц были королевские интенданты, работавшие под руководством Генерального финансового управления.

Контролер был самым важным из королевских министров и отвечал почти за все внутреннее управление королевством. Он не только собирал доходы, но и постепенно подчинил все остальные функции правительства этой функции. Поэтому он взял на себя ответственность за общественные работы, торговлю и сельское хозяйство, а также руководил работой армии полицейских, судебных и военных чиновников — и все это для более пышного содержания Версаля, Трианона и придворных.

В провинциях его представлял интендант. Обязанности этого должностного лица в определенной степени варьировались в зависимости от его округа или *администрации*. В управлении Франция демонстрировала переход от феодализма к централизованному монархизму. Провинции приобретались одна за другой, и многие из них все еще сохраняли местные привилегии. Главной из них было владение провинциальными поместьями, и там, где этот обычай преобладал, главная обязанность Поместий заключалась в исчислении налогов. Там, где провинция не была *государственной*, налоги распределял интендант. Он принудительно собирал их; руководил *маршалом*, или местной полицией; заседал в суде, когда вспыхивали беспорядки; набирал ополчение и принуждал к прокладке дорог за счет *барщины*.

Тридцать интендантов правили Францией; и современная система с ее префектами - всего лишь небольшая модификация, разработанная Наполеоном в великой централизованной и административной схеме монархии Бурбонов.

Налоги образовывали несколько сложную систему {30}, но для настоящей цели их можно сгруппировать следующим образом: налоги, которые взимались с сельскохозяйственных предприятий; прямые налоги; габель; феодальные и церковные налоги.

В 1697 году началась практика передачи косвенных налогов в аренду на шесть лет подрядчикам, *ферме жено*. Они заплатили вперед и окупали себя, перемалывая налогоплательщиков до предела. Они обманывали общественность в таких монополиях, как табачная, которая была грубо фальсифицирована; и они заставляли платить не только грубо и насильственно, но и с полным пренебрежением к разорению, которое влекли за собой их поборы. Правительство увеличило урожайность *фермы* чуть менее чем за столетие с 37 до 180 миллионов ливров или франков[1], и все же состояние шестидесяти фермеров продолжало увеличиваться. Они образовали наиболее заметную группу плутократов, когда разразилась революция, и были одними из первых жертв народного возмущения. Из прямых налогов самым важным во всех отношениях был *тайный*. При Людовике XVI он принес около 90 миллионов франков. Исторически это представляло собой фундаментальное право французского монарха облагать налогом своих подданных, делегированное ему Сословиями королевства в 15 веке. В силу этих делегированных полномочий именно Королевский совет каждый год устанавливал, какая сумма *подати* должна взиматься. Оно применялось жестко и таким образом, чтобы препятствовать благоустройству земель. Это также было признаком социальной неполноценности, поскольку на протяжении веков большая часть более богатых представителей среднего класса выкупала или выторговывала себе освобождение от налога, так что его уплата была определенным признаком низшего класса или *ротауи*. *Taillable, roturier* были условиями социального ostracизма, которые нетерпеливо переносили тысячи людей.

Другими прямыми налогами были подушная подать, приносящая более 50 миллионов, *дикси*, *безвозмездный сбор*. Но более важным, чем любой из них, был большой государственный косвенный налог, монополия на соль, или *габель*. Всевозможные льготы приводили к тому, что цена варьировалась в разных частях Франции, но в некоторых случаях за годовую сумму, в которую оценивалось физическое лицо, взималось до 60 франков, при этом одно и то же лицо зачастую зарабатывало не менее 5 франков в неделю. *gabelle* произвела столько контрабанды, мошенничества и сопротивления закону, что потребовалось 50 000 чиновников, полиции и солдат, чтобы справиться с этим. В 1783 году не менее {32} 11 000 человек, многие из которых были женщинами и детьми, были арестованы за нарушение *законов габелле*.

Наконец, к этому бремени добавились десятина и феодальные сборы. Священник содержался землей. Права сеньора были многочисленны и варьировались в разных частях страны. Наиболее сильно они пострадали в центральной и северо-восточной частях Франции, наиболее слабо - на юге, где римское право преобладало над феодальным, и вдоль большей части атлантического побережья, как, например, в Нормандии. Об этих феодальных сборах будет сказано позже, в связи со знаменитой сессией Генеральных штатов 4 августа 1789 года.

Во всей этой системе налогообложения существовало только одно правило, имевшее универсальное применение, и оно заключалось в том, что бремя должно быть возложено на плечи бедняка. Духовенство объединилось с короной. Дворяне или чиновники были ассессорами, и независимо от того, выполняли ли они свои обязанности от имени короля, провинциальных поместий или от самих себя, они тщательно следили за тем, чтобы их собственные взносы в королевскую казну были даже менее пропорциональны, чем это могло быть от них по закону. И после того, как все деньги были переведены в казну, было слишком болезненно очевидно, что с ними стало {33}. Фермеры и фавориты боролись за миллионы и щеголяли своим великолепием перед теми, кто за это платил. Экстравагантность Двора могла сравниться только с его неумелостью. Надлежащая отчетность не велась, потому что все, кроме налогоплательщиков, были заинтересованы в расточительстве. При мадам де Помпадур возникла практика, согласно которой приказы о денежных выплатах, подписанные только королем, должны оплачиваться наличными, а не проходить через счетную палату, как это было раньше. Пенсии стали серьезной утечкой доходов и к концу правления Людовика XVI быстро выросли до более чем 50 миллионов долларов в год. Нередко они предоставлялись по нелепым или скандальным причинам, как в случае с Дюкрестом, парикмахером старшей дочери графини д'Артуа, которой после ее смерти была назначена ежегодная пенсия в размере 1700 франков; ребенку тогда было двенадцать месяцев; или со слугой актрисы Клеро, которого однажды утром привели в Ойль-де-Беф, чтобы он рассказал Людовику XV сомнительную историю о своей любовнице; король так смеялся, что приказал назначить этому парню пенсию в 600 франков!

Со своими финансами в таком состоянии монархия Бурбонов в 1778 году ввязалась в войну с Англией {34} и, ради удовлетворения потребностей Йорктауна и независимости Соединенных Штатов, потратила 1500 миллионов франков, что составляло доход почти за четыре года. В тот момент было подсчитано, что народ Франции ежегодно платил налогов на сумму около 800 миллионов долларов, примерно половина из которых поступала в казну короля. Но бремя долга было настолько велико, что к 1789 году ежегодно выплачивалось почти 250 миллионов долларов в виде процентов.

Чтобы справиться с этой ситуацией, правительство перепробовало многих людей и многие меры. Было несколько частичных отказов от долга. Денег стало меньше, что принесло большую прибыль импортерам из Амстердама и других центров бережливости. Неккер уступил место Калонну, а Калонн - Неккеру. Но эти имена подводят нас к течению событий, которые привели к созыву Генеральных штатов Людовиком XVI, и это должно стать темой другой главы.

[1] Франк входит в обиход в период Революции. Он будет использоваться повсеместно вместо *ливров* в качестве стандартного номинала.

{35}

ГЛАВА IV

СОЗЫВ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

Людовик XVI, внук Людовика XV, взошел на трон в 1774 году. Он продемонстрировал некоторые, но не все, черты своей семьи. Он обладал вялым интеллектом и чрезвычайно медлительной, если не сказать смущенной, речью. Он был плотного телосложения и с чертами лица. Двумя его большими увлечениями были слесарное дело, которому он научился еще мальчиком, и охота на оленей и кабанов в великих королевских лесах Сен-Жермен, Фонтенбло, Рамбуйе. У него была *беззаботность*от Бурбона, и он мог прервать важное обсуждение в Совете из-за безразличия, некомпетентности или нетерпения отправиться на охоту. Хуже всего то, что для автократа в его натуре не было ни капли тех качеств, которые составляют человека действия, решительности, энергии, мужества, беззаветности. В этом он олицетворял упадок своей расы, пресыщенной властью, жертвы системы, за установление которой она так долго и упорно боролась. В лучшем случае у него были проблески здравого смысла, которые, к несчастью для него самого, он никогда не был способен воплотить в жизнь. Он был полон благих намерений, определенной скрытой честности и доброжелательности, но все это было несколько затемнено его хамской внешностью и манерами. Как и его предки, он ненасытно ел и пил, но, в отличие от них, его не интересовали женщины. Поначалу он даже проявлял некоторое безразличие к своей жене, но позже, когда она родила детей, он предстал перед публикой в образе хорошего отца семейства. В этой и некоторых других его чертах характера убыли элементы популярности, и в некотором смысле он оставался популярным почти до момента суда над ним в 1792 году.

Мария-Антуанетта Австрийская, его жена, была совсем другого склада; и в ней все способствовало непопулярности. Она начинала при наихудших обстоятельствах. Французская общественность ненавидела австрийский союз, в который мадам де Помпадур втянула Францию, и почувствовала на себе всю тяжесть национального позора во время Семилетней войны, так что брак с семьей Габсбургов-Лотарингцев после завершения этой войны был очень плохо принят. В довершение всего свадебная церемония была отмечена катастрофой, и во время большой иллюминации, устроенной мэрией Парижа, произошла давка, в результате которой погибли сотни человек. Австрийская принцесса, *Отричьенна*, как ее называли с самого начала, своим поведением дела не исправила. До тех пор, пока несчастье не отрезвило ее и не выявило ее более сильную и добродетельную сторону, она была неизлечимо легкомысленной. Она всегда была на грани *faux pas*, и ее враги не преминули обвинить ее в частых срывах за грань. Титулованный сброд, украшавший двор Людовика XV-Дюбарри, был сметен с поста молодой королевы, но только для того, чтобы быть замененным новой кликой, такой же алчной, как старая, и не намного более назидательной. Ришелье и д'Эгийон уступили дорогу только Лозену, Полиньякам и Водрею. И если то, что Версалем правила королева высокого

происхождения, а не куртизанка низкого происхождения, было улучшением, то разница была невелика в вопросе внешнего достоинства, и особенно в расходовании государственных денег. Миллионы, которые невозможно подсчитать из-за отсутствия надлежащих счетов, были потрачены на развлечения королевы и ее фаворитов, мужчин и женщин.

Это был Контролер, в функции которого входило наполнять бездонный кошелек Суда. В условиях этого напряжения и американской войны в офис был вызван человек скромного происхождения, но с хорошей репутацией экономиста и бухгалтера, женеvский банкир Жак Неккер. В течение трех лет он пытался взвалить на себя бремя войны, осуществляя небольшую экономию во многих точках, что привело к минимальному результату при максимуме трений. Наконец, в 1781 году королева отстранила его от должности. Неккер сам предоставил оправдание, опубликовав свой *Отчет*, брошюру, в которой впервые честно представил общественности финансовый кризис.

Все, что общественность знала до этого времени, это то, что, хотя Двор сохранял свое величие и экстравагантность, экономическая и финансовая ситуация быстро ухудшалась. Не проводилось систематического аудита, не составлялся бюджет, не публиковался годовой отчет, так что финансы оставались закрытой книгой, частным делом, касающимся только короля Франции. Но здесь, в брошюре Неккера, был отчет об этих финансах, который в определенной степени раскрывал положение дел и, что было еще более важно, представлял собой призыв к общественности судить об управлении короля. Людовик был взбешен поступком своего министра и не только уволил его, но и изгнал из Парижа.

{39} С 1783 по 1787 год финансы находились в руках Калонне, чье управление оказалось решающим и роковым. Его доминирующей идеей была идея придворного — всегда выполнять любое требование, предъявляемое к казне королем или королевой. Сделать меньшее было бы недостойно *джентльмена* и преданного слуги их Величеств. Итак, Калонн, грациозно кланяясь и ободряюще улыбаясь, встал на роковой путь, занимая, где мог, упреждая в одном направлении, не выполняя в другом, но всегда и каким-то образом добывая луидоры, необходимые для наслаждения настоящим моментом. Он подошел к концу своей карьеры ближе к концу 1786 года.

Именно во время правления Калонне произошло знаменитое дело с бриллиантовым ожерельем. Это была вульгарная афера, устроенная авантюристкой мадам де Ла Мотт Валуа против кардинала де Роана. Воспользовавшись его доверчивостью и придворными амбициями, она убедила его приобрести бриллиантовое кольцо, которое, как ему сказали, королева очень хотела, но не могла себе позволить. Мария-Антуанетта была представлена в секретном интервью, данном Роану, и мадам де Ла Мотт завладела бриллиантами. Вскоре ювелиры начали требовать от Роана оплаты, и секрет выплыл наружу. Король пришел в ярость и отправил Роана в королевскую тюрьму Бастилия, в то время как мадам де Ла Мотт была передана в руки парижского парламента.

Этот инцидент вызвал большой ажиотаж и был сильно искажен общественными сообщениями. Он оставил два неизгладимых впечатления, одно из которых касалось мадам де Ла Мотт, другое - королевы. Авантюристка была слишком очевидным козлом отпущения, чтобы ее можно было пощадить. В то время как Роану разрешили покинуть Бастилию после непродолжительного тюремного заключения, женщина предстала перед судом и была приговорена к публичному избиению кнутом и клеймению. Ее казнь была проведена неумело, и у подножия лестницы,

ведущей в суд, откуда десять лет спустя так громко прозвучал голос Дантона в его борьбе с так называемым Правосудием, произошла позорная сцена. Толпа видела, как Ла Мотт билась в руках палачей и каталась вместе с ними по канаве, слышала, как она издавала громкие крики, когда к ее плечам наконец приложили клеймо. Впечатление, произведенное этим отвратительным зрелищем, было глубоким и усиливалось всеобщим убеждением, что Мария-Антуанетта была виновна в одном не меньше, чем мадам де Ла Мотт в другом. Вспышка клеветы против королевы продолжает накапливаться с этого момента со все возрастающей силой вплоть до ее смерти восемь лет спустя. Возникает легенда, которая становится все чернее и чернее и достигает кульминации в чудовищных обвинениях, выдвинутых против нее Эбером перед Революционным трибуналом; Мессалина и Семирамида объединены в одно целое, чтобы обеспечить подходящую основу для сравнения. И население Парижа размышляет над этой легендой, и когда приходит революция, делает из Марии-Антуанетты символ всего чудовищного, позорного и жестокого в системе бурбонов; делает из нее отмеченную жертву народной мести.

Тем временем Калонн изо всех сил старался держаться на плаву и в процессе вступил в конфликт с парламентами, или корпорациями судей. Наконец, в 1786 году, он пошел к королю, признался, что у него нет денег, что он больше не может занимать и что единственная надежда заключается в фундаментальной реформе. Поэтому он предложил ряд мер, наиболее важными из которых были сбор средств за счет гербового сбора, введение земельного налога в качестве основы доходов и применение его ко всем собственникам, дворянам, священнослужителям и третьему сословию, без каких-либо исключений. Однако при нынешнем положении дел не было никаких шансов убедить парламент зарегистрировать указы для этих целей, поэтому Калонн предложил королю созвать собрание знати Франции, чтобы поддержать эти реформы. И здесь, хотя Калонн и Луи этого не осознавали, была апелляция к общественному мнению; монархия бессознательно следовала примеру философов, драматургов и Неккера.

В январе 1788 года нотабли собрались, "чтобы узнать намерения короля", сто пятьдесят человек, в основном дворяне и официальные лица. В феврале Калонн изложил им свой план, а затем, к своему великому удивлению, обнаружил, что они отказались оказать ему поддержку, которая была всем, чего он от них хотел, и что, напротив, они хотели обсудить его проект и, фактически, придерживались о нем крайне неблагоприятного мнения. В этом отношении нотабли не были фракционерами; у них просто было достаточно чувства серьезности ситуации, чтобы понять, что необходимо реальное средство правовой защиты, и что предложение Калонне его не дает. Его идея была достаточно хороша абстрактно, но на практике возникло по крайней мере одно непреодолимое возражение, которое заключалось в том, что налог на землю не мог быть установлен до тех пор, пока не была проведена кадастровая съемка Франции {43} — сложная и длительная операция. Очень скоро Калонн и the Notables вступили в соревнование, которое постепенно становилось все более жарким, пока, наконец, Калонн не обратился от имени Notables к общественности, напечатав и распространив свои предложения. Знатные люди ответили протестом и заявили, что настоящая реформа заключается в экономии и что Контролер должен представить им надлежащую отчетность. Это стало концом Калонна, его позиции долгое время были слабыми, теперь он свергнут, и его заменил Ломени де Бриенн, архиепископ Тулузы.

Ломени был приятным придворным, и его очень любила королева, но он также был либералом, энциклопедистом и членом Ассамблеи знати. Ему удалось получить одобрение этого органа на

заем в размере 60 000 000 франков, а затем, 1 мая 1787 года, он распустил его. Новый министр, однако, пришел к мнению, что программа его предшественника была единственно возможной, и как только он избавился от знати, своих покойных коллег, он попытался добиться от парижского парламента регистрации новых законов.

Парламент оказал сопротивление, и народное недовольство стало серьезной чертой ситуации. Чучело канцлера Ламуаньона было сожжено толпой {44}. В июле 1787 года парижский парламент потребовал созыва Генеральных штатов королевства. В течение целого года борьба между судьями и министрами становилась все жарче и жарче. Арест д'Эпремениля, одного из лидеров парламента, в мае 1788 года привел к серьезным беспорядкам в Париже, и только энергичное применение полиции и войск спасло ситуацию. Не только провинциальные парламенты поддержали Париж в его сопротивлении двору, но и сами провинции начали волноваться, и, наконец, через месяц после ареста д'Эпремениля большое собрание в Гренобле решило созвать старые поместья провинции, провинцию Дофине.

Это была почти гражданская война, грозившая вернуть Францию в условия двухсотлетней давности. Правительство отправило войска в Гренобль для подавления движения. Однако главнокомандующий, прибыв в город, счел ситуацию настолько тревожной, что согласился на компромисс, согласно которому Сословия должны были провести собрание, но не в столице провинции. Соответственно, 21 июля в деревне Визиль собралось несколько сотен человек, представляющих три сословия: дворянство, духовенство и {45} Третье сословие провинции; и из них предварительно было решено, что Третьему сословию должно быть разрешено двойное представительство.

Ведущей фигурой ассамблеи Визилия был Жан Жозеф Мунье. Он был человеком из среднего класса, юристом, честным, умным, но умеренным, который чувствовал необходимость реформ и был готов трудиться ради них. Он руководил всеми процессами в Визилле и, как секретарь Сословий, принимал главное участие в составлении его резолюций. Они требовали созыва Генеральных штатов Франции, обязывали провинцию отказаться от уплаты всех налогов, за которые не проголосовали Генеральные штаты, и призывали к отмене произвольного тюремного заключения по приказу короля ордером, известным как *lettre de cachet*.

Действие резолюций ассамблеи Визилия по всей Франции было немедленным. Они были простыми, прямыми и выражали общее мнение; они также указывали на то, что настал момент для вмешательства в хроническое бесхозяйственность. Их сила была столь непреодолима, что Ломени де Бриенн и король приняли их почти без борьбы. Сейчас полномочия министра подходили к концу, и в августе срок его полномочий подошел к концу. Перед {46} уходом с должности он приостановил выплаты и издал указ о созыве Генеральных штатов на 1 мая 1789 года. Его сменил Неккер.

К несчастью для монархии Бурбонов, в этот великий кризис король и министр собрались вместе, обоим не хватало инициативы, обоим не хватало мужества, и в то же время они даже не сочувствовали, а, напротив, не испытывали взаимного доверия и отказывали друг другу во взаимной поддержке. И если Луи не хватало управленческой энергии, то Неккер всегда был склонен теряться в цифрах, деталях, словах, тонких чувствах и пренебрегать существенным ради неважного. У него были благие намерения, но ограниченность, и он просто следовал течению событий. Со всех концов Франции к нему поступали советы и представления относительно условий, при которых должны быть созваны Генеральные штаты. Их последняя

встреча состоялась еще в 1614 году, так что, естественно, существовала большая неопределенность в процедурных вопросах. Отчасти для того, чтобы прояснить этот вопрос, отчасти для того, чтобы найти какую-то поддержку своей собственной робости, Неккер снова созвал знаменитостей. Они встретились в ноябре и помогли согласовать условия, при которых должны состояться выборы {47} в Генеральные штаты и их созыв.

Старая конституционная теория Генеральных штатов заключалась в том, что это было собрание всей французской нации, представленной делегатами и разделенной на три класса. Таким образом, она была племенной в том смысле, что включала в себя каждого француза в пределах своей компетенции, и феодальной в том смысле, что формировала кастовые различия, дворянство, духовенство, народ. Другими словами, у него было мало оснований для сравнения с английским парламентом; точка, в которой он приблизился к нему ближе всего, касалась права голосовать за налогообложение, взимаемое короной; но это право Генеральные штаты утратили еще в 15 веке.

Эта фундаментальная концепция влекла за собой другую, которая заключалась в том, что делегаты нации не были членами парламента или дискуссионного собрания, а были просто мандатариями, на которых избиратели возлагали конкретную задачу, которая заключалась в представлении королю определенных представлений. Это означало, что на этапе, предшествующем избранию этих делегатов, избиратели должны были составить заявление о своих жалобах и мандат или инструкции для своих представителей. Это было фактически сделано, {48} и многие тысячис *cahiers*, как их называли, были составлены по всей Франции, в которых были изложены требования как можно большего числа частных лиц, или корпораций, или объединений избирателей. Они были сведены к трем кавалерам для каждой провинции и, в конечном итоге, к трем, по одному от каждого ордена, для всей Франции, и эти последние три были в свое время представлены Людовику XVI.

Как источник информации об экономическом и социальном состоянии страны, *cahiers* являются самым замечательным собранием документов, доступных историку. Многие из них были более или менее добросовестно опубликованы, и в настоящее время французское правительство щедро помогает в работе по их обнародованию. Но в произведении такого масштаба невозможно подробно описать положение дел, которое они изображают; можно затронуть только самые характерные черты.

Итак, во-первых, следует сказать, что кахье одновременно демонстрируют поразительную однородность и широкое расхождение. Согласие заключается отчасти в их общем духе, а отчасти в повторении определенных формул, проповедуемых по всей стране энергичными памфлетистами и подающими надежды политическими лидерами. Это расхождение можно разделить на три основные группы: заметно отличающийся характер значительной части {49} представителей духовенства от представителей двух других сословий; провинциальные различия и особенности местных обычаев; требования сохранения местных привилегий. Из последнего класса Марсель, порт со многими коммерческими и политическими привилегиями, представляет собой, пожалуй, самый яркий пример. Единообразие особенно заметно в общем духе этих жалоб королю. Читая "Кахье", чувствуешь единоплеменные многострадального народа, стремящегося к освобождению от невыносимого дурного правления, — более того, стремящегося модернизировать свои институты, но все в духе полной лояльности и преданности королю и всему мудрому, и хорошему, и славному, и благодетельному, что он,

казалось, все еще олицетворял. Иллюзия бурбонизма была в тот момент, насколько это могло показаться на первый взгляд, практически нетронутой.

Знать и духовенство проводили свои выборы посредством небольших собраний и выбирали своих делегатов из своей среды. Высшие слои общества избирали в качестве своих представителей людей из верхушки среднего класса и профессионального сословия; низшие классы, невежественные и политически необразованные, не были представлены и принимали опеку с большей или меньшей готовностью — больше в провинции, меньше в Париже. Но, кроме того, небольшое число мужчин, принадлежащих к привилегированным слоям общества, искали и получали мандаты от низших сословий. Сийес и несколько других священников, Мирабо и несколько других дворян были избраны в Генеральные штаты Третьим сословием.

Сийес, обладавший сильным умом, изучавший конституционализм, немногословный и логичный в выражениях, оставил заметный след в период выборов своей брошюрой "*Что такое уровни Etat?*" Что такое Третье сословие? Его ответ был таким: Это все; это было ничем; это должно быть чем-то. Это было разумное и убедительное изложение взглядов двадцати пяти миллионов. Мирабо, с вулканическим темпераментом и моралью, с инстинктом государственного деятеля и совестью преступника, жадный до власти, как до денег, с громовым голосом, готовой риторикой и острым восприятием, отвернулся от своего собственного ордена к народу ради своего мандата. Он с самого начала достаточно ясно видел, что реформа не может ограничиться финансовыми изменениями, но должна открыть правительство Франции для большого класса интеллигентных граждан, которыми наградила ее развитая цивилизация.

Выдающийся факт, выявленный этим проникновением дворянства и духовенства в Третье сословие, был очевиден: депутаты Генеральных штатов, к какому бы сословию они ни принадлежали, почти все были представителями образованного среднего и высшего класса Франции. Часть депутатов дворянства выступала за классовые привилегии, как и несколько большая часть представителей духовенства. Но многие представители обоих этих сословий придерживались тех же взглядов, что и депутаты Третьего сословия. Это были умные и патриотически настроенные французы, проникнутые учением Вольтера, Руссо и Монтескье, убежденные как глазами, так и интеллектом, что бурбонизм должен быть реформирован ради него самого, ради Франции и ради человечества.

ГЛАВА V

ФРАНЦИЯ ВСТУПАЕТ В ВЕРСАЛЬ

В начале мая тысяча двести четырнадцать представителей Франции прибыли в Версаль. Из них шестьсот двадцать один, то есть более половины, принадлежали к Третьему сословию, а из шестисот двадцати одного более четырехсот имели какое-либо отношение к закону, в то время как менее сорока принадлежали к фермерскому сословию. К ним почти не готовились; король продолжал ухаживать за своими гончими и лошадьми, королева - за своими балами и нарядами, а Неккер - за своими столбцами цифр, своими надеждами и иллюзиями. Но прибытие этого грозного отряда людей с тренированным интеллектом в королевский город теперь, когда это произошло, сразу вызвало определенное беспокойство. Когда они любопытными группами прогуливались по городу, казалось, что Франция критически рассматривает феномен Версаля; при первом же удобном случае придворные, почувствовав это, принялись за дело, чтобы преподать урок депутатам Третьего сословия, поставить их на место.

4 и 5 мая состоялись церемонии открытия, шествия, месса, проповедь, речи; и политика Суда, если таковую можно было назвать, была раскрыта. Был задействован мощный механизм, известный как этикет, чтобы указать депутатам, какое положение и какое влияние в государстве, по замыслу короля, они должны занимать. Возможно, это было величайшим проявлением врожденной слабости бурбонизма; система в своем упадке стала немногим больше, чем этикетом, и Людовик XVI, увиденный усердно работающим в рубашке без пиджака, разрушил бы иллюзии веков. И вот, с помощью бесчисленных ухищрений церемониймейстеров и придворных герольдов Третьему сословию старательно давали почувствовать свою социальную неполноценность, свое политическое ничтожество.

Третье сословие отметило эти проявления Суда с должной трезвостью и прямо встретило атаку. Но в то время как со стороны Двора такой подход к великой национальной проблеме никогда не достигал большего достоинства, чем политика булавочных уколов, у Третьего сословия он сразу же превратился в конституционный вопрос фундаментальной важности. Должно ли было сохраняться различие между тремя сословиями {54}? был ли дворянин или священник лицом с социальными и политическими привилегиями? или все депутаты должны были собираться в одном собрании и иметь равные голоса? Это был важный вопрос, поскольку Третье сословие решило сформулировать его, и в переводе на исторические термины он означал не что иное, как переход феодального устройства общества с разделением на отдельные касты в новую систему, известную в наши дни как демократия.

Почти все сенаторы Третьего сословия и многие представители знати потребовали этой меры, и Третье сословие, собравшись для проверки мандатов своих членов, немедленно призвало два других ордена присоединиться к нему в этом процессе. Борьба по этому вопросу продолжалась с 5 мая по 9 июня, прежде чем был сделан какой-либо решающий шаг. Но по мере того, как шли дни, очевидно, в бесплодных дебатах, на самом деле происходило постоянное смещение влияния в пользу Третьего сословия. На первом заседании отчет о положении дел, сделанный Неккером, произвел очень плохое впечатление. С тех пор министры ничего не предприняли, за исключением попытки путем слабого вмешательства разделить приказы. И все это время Третье сословие постепенно осознавало свою собственную силу и слабость противника. И вот,

наконец, 10 июня Сийес внес предложение, поддержанное Мирабо, о том, чтобы дворянство и духовенство были официально призваны присоединиться к Рядам, и чтобы 12-го числа состоялась проверка полномочий всех Генеральных штатов.

Соответственно, 12-го числа под председательством астронома Байи, старшего представителя города Парижа, ярусы приступили к проверке мандатов депутатов. 13-го числа трое представителей духовенства, три сельских священника, попросили о допуске. Их приняли с величайшим энтузиазмом, и в течение нескольких дней их пример оказался широко распространенным. 14-го числа был сделан новый шаг, и депутаты, принадлежащие теперь к органу, который явно больше не был *Tiers Etat*, сами проголосовали за *Национальное собрание*. Это было, в некотором смысле, завершением Революции.

Теперь Ярусы так быстро привлекли к себе остальные части Собрания, что 19-го Духовенство официально проголосовало за воссоединение. Это привело к обострению растущего беспокойства и тревоги при Дворе. Влияние Неккера теперь шло на убыль. Младший брат короля, граф д'Артуа, в этот момент находившийся в хороших отношениях с королевой, и сама Мария {56} Антуанетта были за то, чтобы положить конец безобразиям, прежде чем они зайдут дальше, и они одержали верх. Было решено, что король должен вмешаться и еще раз разделить Генеральные штаты на составные части путем осуществления королевской власти.

Утром 20 июня, под проливным дождем, депутаты, прибывшие в свой зал заседаний, обнаружили двери закрытыми, а рабочих на месте. Это была презрительная манера, в которой Придворные намекнули им, что ведутся приготовления к королевскому заседанию, которое должно было состояться двумя днями позже. Встревоженные и возмущенные депутаты направились на расположенный неподалеку дворцовый теннисный корт — *Jeu de Paume*, — и там последовало бурное обсуждение. Сийес, впервые в своей карьере проявивший неосторожность, предложил Ассамблее переехать в Париж. Мунье, консерватор в душе, понимая, что это означает гражданскую войну, тянул время и увлек Собрание за собой, предложив торжественную клятву, в соответствии с которой присутствующие поклянутся не расходиться до тех пор, пока не примут конституцию Франции.

23-го числа состоялось королевское заседание. Был проведен большой показ войск и церемонии. Депутаты собрались в зале, и {57} была зачитана речь короля. Это был тщательно подготовленный документ, объявлявший о заслуживающих внимания уступках, а также заслуживающих внимания оговорках, но искаженный двумя вещами: уступки были сделаны слишком поздно; оговорки не были оперативно и эффективно приведены в исполнение. Король заявил, что за прошедшие два месяца Генеральные штаты не добились ничего, кроме пререканий, и поэтому настало время призвать их к исполнению своих обязанностей. Его королевская воля заключалась в том, чтобы сохранить различие между тремя орденами, и после объявления ряда финансовых и других реформ он приказал депутатам немедленно разойтись. Затем король покинул зал, поддерживаемый своими слугами, а также большей частью знати и высшего духовенства. Далее последовала запоминающаяся сцена, чтобы понять которую, необходимо немного вернуться назад.

По прибытии депутатов в Версаль они сразу же начали объединяться в группы, столовые или клубы для принятия пищи, в социальных и политических целях. Ассоциация такого рода, Бретонский клуб, названный так по провинции его основателей, вскоре приобрела значительное значение. Здесь видные деятели ассамблеи встречались и обсуждали; и сюда,

просачиваясь по бесчисленным каналам, приходили новости из дворца, сплетни в Трианоне и на Острове Беф, решения королевского совета. При каждом кризисе во время борьбы в Версале руководители собрания заранее знали, что думают король и его министры и какие меры они приняли. Поэтому все, что было необходимо, - это тайно согласовать шаг, наиболее вероятный для срыва королевской политики, и с помощью красноречия, убеждения, мольбы склонить огромную массу членов церкви последовать примеру более активных умов. Речь короля 23 июня не стала неожиданностью для ассамблеи, и лидеры подготовили эффективный ответ.

Поэтому, когда Людовик XVI покинул зал, приказав депутатам разойтись, большая часть из них осталась на своих местах, и когда церемониймейстер Дре Брезе, заметив это, призвал президента удалиться, Байи ответил, что собрание находится на заседании и не может прервать его без соответствующего предложения. Пока продолжалась дискуссия между Дре Брезе и Байи, Мирабо повернулся к представителю короля и своим громоподобным голосом произнес знаменитую речь, которую он, несомненно, подготовил накануне вечером. "Мы здесь, - заключил он, - по воле народа, и мы уйдем только под острием штыка". После этого де Брезе удалился и явился к королю за распоряжениями. Но Луи сделал достаточно для одного дня, и единственный вывод, к которому он мог прийти, заключался в том, что если депутаты откажутся покинуть зал, то лучшим выходом для них будет остаться там. И там они на самом деле и остались.

Сразу после этой сцены Неккер подал в отставку. Утром 24-го об этом стало известно в Париже, что вызвало переполох и беготню по банкам. Чтобы успокоить общественность, Неккер был немедленно восстановлен в должности на том основании, что Луи должен согласиться, поскольку теперь это казалось неизбежным, с объединением орденов. 25-го большая группа дворян во главе с герцогом Орлеанским и графом де Клермон Тоннером присоединилась к ассамблее, а неделю спустя Национальное собрание было полностью сформировано, три ордена слились в один.

В течение двух месяцев, в течение которых длилась эта великая конституционная борьба, ассамблея обладала огромной моральной силой, которая быстро стремилась стать чем-то большим. Зима 1788-89 годов была одной из самых суровых за столетие. Наблюдалась не только почти хроническая нехватка хлеба, но и необычайно суровая погода. {60} Сообщается, что в городе Париже Сена замерзла намертво, в то время как страдания его жителей были беспрецедентными. Как неизбежное следствие этого, вспыхнули беспорядки. В январе во многих частях Франции произошли продовольственные бунты, которые серьезно подорвали военные ресурсы правительства. Они продолжались в период выборов и иногда сопровождалась большим насилием. И когда депутаты собрались в Версале, за ними стояла огромная народная сила, уже наполовину раскрепощенная, которая обратилась к Генеральным штатам за умиротворением или руководством.

Процедура, на которую наткнулись Третье сословие и Национальное собрание, дала этой народной силе возможность проявить себя. Публика была допущена на первое заседание, иона продолжала приходить на последующие. С публичных галерей раздались самые громкие аплодисменты, приветствовавшие патристического оратора. Парижская публика быстро решила отправиться в Версаль, чтобы присоединиться к этим демонстрациям, и вскоре перенесла их из зала ассамблеи на улицу снаружи. Мирабо, Сийес, Мунье и другие популярные члены постоянно удостоивались оваций — и вскоре научились {61} превращать их в

политическое оружие; в то время как члены, которых подозревали в реакционных тенденциях, особенно высшее духовенство, встречали враждебный прием. И все это, хорошо известное как Двору, так и собранию, было лишь слабым отголоском великой силы, неуклонно грохочущей в двенадцати милях отсюда, в городе Париже.

Лидеры ассамблеи без колебаний использовали это давление общественного мнения, народное насилие, чего бы оно ни стоило. И при том положении, в котором они находились, неудивительно, что они должны были это сделать. Депутаты были всего лишь небольшой группой людей в огромном королевском городе, расквартированном со всеми традициями французской королевской семьи и, кроме того, с 5000 саблями и штыками. Было естественно, что тогда они обратились за поддержкой, даже если эта поддержка означала насилие, беззаконие или восстание.

Таким образом, Париж поощрял ассамблею, а ассамблея - Париж. Брожение в столице достигло лихорадочного накала как раз в тот момент, когда ассамблея одержала свою победу над орденами. Рабочий класс жаждал пропитания, банкиры, капиталисты и торговцы видели в Генеральных штатах единственную надежду избежать банкротства, интеллектуальный и профессиональный класс был взволнован больше, чем кто-либо другой. Кафе и букинистические лавки Пале-Рояля с каждым днем становились все более переполненными, все более возбужденными. А 30 июня в самой армии начали проявляться симптомы следования за общим движением.

Полк французской гвардии представлял собой подразделение солдат, постоянно расквартированное в столице. Таким образом, солдаты находились в более тесном контакте с населением, чем это было бы в обычных полках. Их командир в этот момент был не только аристократом, но и солдафоном, и он совершенно не сумел удержать свой полк в руках. В рядах уже давно назревали неприятности, кульминацией которых стал мятеж в конце июня. Воспользовавшись положением в Париже, многие взбунтовавшиеся гвардейцы взяли себя в руки и отказались возвращаться в казармы. Ясно, что между свершившимся восстанием Третьего сословия, зарождающимся восстанием Парижа и открытым мятежом войск что-то должно было быть сделано.

Возвращение Неккера в министерство было навязано Двору, и хотя его политика принятия слияния орденов была соблюдена, его влияние на самом деле было незначительным. Королева и граф д'Артуа вскоре набрались храбрости после своего первого поражения и снова взялись за политику репрессий; но поскольку теперь было очевидно бесполезно пытаться остановить волну с помощью речей или указов, они убедили короля, что единственным средством является сила. Используя армию, он мог бы избавиться от Неккера, избавиться от Национального собрания и навести порядок в Париже.

Соответственно, маршал де Бройль, ветеран Семилетней войны, был назначен ответственным за военные вопросы, а старый швейцарский офицер, барон де Безенваль, был назначен непосредственным командующим войсками. Полки были стянуты с разных сторон, и к концу первой недели июля меры двора развивались так быстро и казались такими опасными, что ассамблея проголосовала за то, чтобы король вывел войска и санкционировал формирование гражданской гвардии в Париже. Ответ короля, доставленный 10-го числа, был отрицательным и безапелляционным; его войска должны были быть задействованы для подавления беспорядков.

В этот кризис действия ассамблеи и Парижа стали более определенно согласованными. Управление городом находилось в руках несколько устаревшего правления, возглавляемого главой купечества. Оно было слишком оторвано от существующего движения, чтобы иметь какое-либо влияние, и так остро ощущало свое бессилие, что охотно {64} отказалось бы от своей власти. Во время выборов в Генеральные штаты правительство разделило Париж на шестьдесят избирательных округов, чтобы избежать возможности проведения крупных митингов. Эти секции, как они назывались, сформировали комитеты, и эти комитеты к середине июня снова собирались неофициально и стремились к постоянству. 23 числа того же месяца, когда в городе нарастали беспорядки, они провели совместную встречу в Отель де Вилль, городском доме, и муниципалитет предоставил им там постоянное помещение, надеясь, что их влияние поможет сдержать беспорядки.

Когда 11-го числа до Парижа дошла весть о том, что Людовик отклонил требование ассамблеи о выводе войск, центральный комитет секций взял дело в свои руки и проголосовал за формирование гражданской гвардии города Парижа. В тот же день король, готовый теперь ускорить кризис, уволил и сослал Неккера и призвал к власти реакционера Бретея. 12-го числа в Париже вспыхнуло открытое восстание.

Именно Камилла Демулен поднесла факел к пороху. Этот молодой юрист и памфлетист, блестящий писатель, великодушный идеалист, почти единственный разумный республиканец в Париже того времени, был одной из самых популярных фигур в толпе посетителей Пале-Рояля. 12 июля, стоя на столике кафе, он объявил новость об увольнении Неккера, о движении войск на Париж, со страстью и красноречием выступил против правительства и призвал всех добропорядочных граждан взяться за оружие. Он возглавлял большую процессию от Пале-Рояля до Отель-де-Вилль.

Целью переезда в Отель де Вилль было приобретение оружия. Комитет секций проголосовал за создание гражданской гвардии, но для того, чтобы гражданская гвардия действовала, требовались мушкеты. Войска Безенваля теперь наступали на город и почти окружили его. Через несколько часов вечно голодный Париж может погрузиться в пучину голода, и войска, возможно, начнут стрелять залпами по улицам. Солдаты французской гвардии, встав на сторону народа, уже вступали в перестрелки с немцами из королевских полков, поскольку армия, действующая против Парижа, была скорее иностранной, чем французской, и швейцарские и немецкие полки были поставлены во главе колонн из опасения, что французские солдаты не будут стрелять по горожанам. Ройял-Этрангер, Райнах, Нассау, Эстерхази, Ройял-Аллеман, Ройял-Кравате, Дизбах - таковы были некоторые из названий полков, посланных Людовиком XVI, чтобы убедить свой добрый народ Парижа подчиниться. Неудивительно, что толпа закричала, когда Демулен сказал им, что немцы разграбят Париж этой ночью, если они не будут защищаться.

В ночь с 12-го на 13-е Париж был охвачен волнениями. Писатели-роялисты рассказывают нам, что оружейные магазины были разграблены толпой, писатели-республиканцы - что владельцы оружия добровольно распространяли его. Безенваль, не имея инструкций от Бройля и колеблясь перед лицом того, что ему предстояло сделать, сделал мало или вообще ничего; но Париж намеревался быть готовым встретить его, если он начнет действовать на следующий день.

13-го числа беспорядки и возбуждение продолжались. Комитет в Отель де Вилль взял в свои руки формирование батальонов для каждой части города, в то время как Безенваль по-прежнему оставался почти бездействующим у ворот. 14-го восстание достигло кульминации и одержало то, что оказалось решающей победой.

На восточной окраине Парижа стояла Бастилия. Это было средневековое подземелье устрашающего вида, вооруженное множеством пушек и господствовавшее над выходом из густонаселенного Сент-Антуанского предместья в сельскую местность за его пределами — одним из устьев голодающего Парижа. В нем находился большой запас пороха и гарнизон примерно из 100 швейцарцев и ветеранов. Крепость имела дурную репутацию государственной тюрьмы. Хотя в июле 1789 года почти все его камеры были пусты, популярная легенда гласит, что в его стенах покоились многочисленные жертвы королевского деспотизма, произвольно заключенные в тюрьму. Таким образом, это был символ королевской власти в Париже, угроза Сент-Антуанскому предместью и свободному перемещению продовольствия из восточной части города, склад оружия и боеприпасов. По всем этим причинам толпа, не потревоженная Безенвалем, повернулась, чтобы напасть на него.

Первая попытка оказалась напрасной. Хотя гарнизон Бастилии, за исключением его командира, маркиза де Лоне, не был склонен открывать огонь по толпе и испытывал такую нехватку провизии, что сопротивление было бесполезно, нападавшим удалось немногим больше, чем завладеть некоторыми хозяйственными постройками крепости. Стрельба, которой руководил губернатор из цитадели, оказалась сильнее, чем хотелось бы толпе. Но первая волна атаки вскоре была подкреплена другой. Из французских полков армии Безанваля непрерывный поток дезертиров теперь хлынул в Париж через все ворота. Некоторые из этих солдат и солдат полка французской гвардии {68} были привлечены к Бастилии звуками стрельбы и теперь повели атаку системно и энергично. Эли, унтер-офицер королевского полка, отдавал приказы при поддержке Халлена, Марсо и других; были подняты две небольшие пушки, солдаты и несколько горожан выстроились локоть к локтю, орудия развернули напротив большого подъемного моста перед лицом мушкетной пальбы, и на этом Бастилия сдалась. Де Лоне попытался взорвать свой магазин, но был остановлен своими людьми. Был поднят белый флаг, подъемный мост опущен, и осаждающие хлынули внутрь.

Последовали большие беспорядки. Де Лоне и один из его офицеров были убиты, несмотря на усилия Эли и солдат. Шум в Париже усилился после победы. На противоположной стороне города был достигнут другой успех; инвалиды были взяты, а вместе с ними и 30 000 мушкетов. Ими быстро вооружалась гражданская гвардия под руководством комитета секций. Отель де Виль был центром волнений, и глава купечества, потеряв всякий авторитет, стремился передать свою власть новому повстанческому правительству. Поздно вечером он тоже был принесен в жертву {69} неистовству толпы и, выведенный из Отель де Вилль, был быстро убит худшими и наиболее легковозбудимыми элементами населения.

ГЛАВА VI

ИЗ ВЕРСАЛЯ В ПАРИЖ

Последствия парижского восстания были немедленными. Безенваль, не имея инструкций и запуганный жестокостью восстания, сдерживал свои войска; в то время как Людовик, как всегда, избегавший насилия и встревоженный дезертирством в армии, решил склониться перед бурей. Он настроил себя на определенную и решительную политику, но в тот момент, когда эта политика привела к логическому доказательству кровопускания, он отступил; его доброта, его неспособность к действию сильно проявились.

Неккера снова отозвали, и он снова слабо поддался тому, что быстро превращалось в фарс. Король без церемоний предстал перед Национальным собранием и объявил, что в связи с событиями предыдущего дня он отзывает своего министра и приказывает вывести войска Безенваля. Ассамблея выразила свое удовлетворение и направила депутацию во главе с Байи, чтобы сообщить эту добрую весть в Париж. И в тот же день началось первое эмиграционное движение побежденной касты придворных, возглавляемой графами д'Артуа и де Бретей.

Депутация от ассамблеи вскоре прибыла в Париж и была принята комитетом секций в Отель-де-Вилль. Последовали поздравления, произнесение речей, беспорядки и возбуждение; и из этого восстания выросли политический руководитель и военачальник Байи и Лафайет.

Байи был предложен и одобрительно принят на пост мэра Парижа. Эта должность была новой и, следовательно, революционной, но поскольку глава купечества явно ушел навсегда, необходимо было найти ему замену, а что могло быть лучше этого? Новый мэр соответствовал своим обязанностям только по двум фактам: он был старшим депутатом Национального собрания от города; он обладал неиссякаемым запасом гражданского и комплиментарного красноречия. За этим номинальным руководителем секции вскоре сформировали новый муниципалитет или городской совет, состоящий из делегатов от секций, численность которых в разное время варьировалась.

Парижу также требовался военачальник, и на этот пост было выдвинуто имя маркиза де Лафайета. Лафайет - персонаж, которого легко похвалить или обвинить, но не оценить справедливо. В этот момент он пользовался всем авторитетом благодаря своей блестящей связи с делом независимости Америки десять лет назад и своей приверженности идее свободы. Его враги, а их было немало в придворных кругах, достаточно легко могли заметить тщеславие, присущее его натуре, но ни они, ни его друзья не могли распознать или оценить в нем тот самый истинный либерализм из всех, который заключается в терпимости. Лафайет уже усвоил урок, на усвоение которого Франции потребовалось столетие: свобода подразумевает свободу мнений для других и что разумный компромисс является истинной основой конструктивной политики. Когда позже казалось, что он отклоняется от курса или противоречит сам себе, это часто происходило просто потому, что он испытывал угрызения совести истинного

приверженца свободы против навязывания какой-либо политики. На какое-то время он стал народным кумиром, великодушным, храбрым, благородно мыслящим молодым рыцарем, борцом за народное дело. Он должен был командовать гражданской гвардией города Парижа, 40 000 вооруженных граждан, национальной гвардией, какой она стала благодаря тому, что остальная Франция последовала примеру Парижа. Его первым действием было вручить им кокарду, добавив королевский белый цвет к красному и синему городскому, таким образом образовав {73} тот же триколор, под которым он уже сражался в другой борьбе за свободу десять лет назад.

Вывод войск королем подразумевал политику примирения, и поэтому он не смог устоять перед требованием продемонстрировать свое согласие с событиями в Париже официальным визитом в город. Неохотно и наполовину ожидая насилия, он вошел 17-го числа между рядами вооруженных граждан, представляющих все классы его парижских подданных, и направился к Отель де Вилль. Это был случай, когда немного королевской милости или немного королевской смелости, которыми отличались столь многие из его предков, могли бы разжечь пламя сдерживаемых народных эмоций. Но ничего подобного нельзя было найти в апатичном Луи. Запасы ораторского искусства Байи пришлось использовать беспрепятственно для того, что король оказался не в состоянии предоставить сам, и почести того дня, которые он так легко мог бы получить, вместо этого были возложены на лихого Лафайета. Как бы то ни было, Людовик благополучно вернулся в Версаль, встретив отнюдь не недружелюбный прием, но не сумев приспособиться к новой ситуации, что он и должен был попытаться сделать, однажды отказавшись от политики силовых репрессий.

{74} Шум 14 июля не мог внезапно смениться спокойствием, что бы ни предпринимали Людовик XVI, Лафайет и Байи. Серьезные беспорядки вспыхнули во многих частях Франции, и сцены насилия продолжались в Париже. 20-го граф Лалли внес резолюцию о пресечении совершавшихся эксцессов, но ассамблея, не имея никакого чувства ответственности за ведение дел, — напротив, непосредственно заинтересованная в ослаблении исполнительной власти, — отклонила ее. В Париже эти сцены достигли кульминации 23-го числа, когда Фулона, который был финансовым контролером, привезли в город из его загородного поместья, где он был схвачен. Фулон олицетворял все худшее, что было в старом режиме. Будучи комиссаром французской армии, а позже и во внутреннем управлении страной, он проявил самую бессердечную алчность. Его отношение к низшим классам нашло отражение в высказываниях, которые широко цитировались. Народ, заявил он, мог бы питаться сеном, пока он был министром; — теперь народ поймал его в свои лапы. Напрасно Байи и Лафайет во время долгой агонии в Отель-де-Вилль пытались спасти его; толпа не сдавалась. Наконец Фулона схватили; его подвесили к уличному фонарю, а позже его {75} голову с набитым сеном и крапивой ртом с триумфом пронесли по улицам.

В то время как в Париже разыгрывались подобные сцены, и в то время как по всей Франции многочисленный класс бедняков и преступников, созданный бурбонизмом, совершал еще худшие бесчинства, ассамблея занималась решением задачи возрождения Франции путем принятия конституции. Эта задача казалась сравнительно простой, и за нее взялись с легким сердцем; лишь постепенно ассамблея обнаружила стоящие на пути трудности, и оказалось, что только после двух лет напряженного труда она смогла добиться принятия своей конституции. И даже тогда это оказалось почти бесполезным.

Конституцию можно оставить на время, чтобы рассмотреть ее, когда в 1791 году она вступит в силу. Общая тенденция ассамблеи, однако, заключалась в том, чтобы отмежеваться от практических забот правительства, интересоваться политическими теориями и как своим отношением к событиям дня, так и своей конституционной политикой ослаблять исполнительную власть. Исполнительная власть и режим Бурбонов были синонимами, и поэтому члены Национального собрания, не несущие, как казалось, никакой ответственности за хорошее правительство Франции, {76} изо всех сил старались в тот момент, когда энергичная и способная исполнительная власть была более чем необходима, свергнуть существовавшую слабую. Это была Немезида, которую бурбонизм навлек на себя сам.

В разгар этих дебатов практический вопрос о беспорядках еще раз выдвинулся вперед в очень настойчивой форме и с очень замечательными результатами в ночь на 4 августа. В некоторых частях Франции волнения приняли форму обычной Жакерии, в которой больше всего пострадали изолированные загородные дома и семьи аристократии. Накапливались подробности, и той ночью перед собранием развернулась ужасная картина. Как нужно было бороться со злом?

Именно сами пострадавшие указали средство правовой защиты, пожертвовав собой. Дворяне собрания, возглавляемые Ноайем, д'Эгийоном, Богарне, Ламетом, Ларошфуко, заявили, что если народ напал на собственность дворян, то только потому, что эта собственность олицетворяла беззакония феодализма, что вина лежит именно на них и что средством правовой защиты является не подавление народа, а подавление института. Поэтому они предложили Собранию вместо издания прокламаций, призывающих народ к {77} восстановлению порядка, проголосовать за декреты об отмене феодализма.

И вот феодализм, или то, что прошло под этим названием, прошел мимо правления среди сцен дикого энтузиазма. Все сеньориальные права, накопленные за тысячу лет господствующей военной кастой, право на правосудие, привилегия командовать армиями, охотничьи привилегии, муравейник, голубятня, крепостное право были принесены в жертву на алтарь патриотического возрождения. Бремя веков внезапно было снято с плеч *Жака Бонома*.

Люди, предложившие этот отказ от своих прав, которые уже, присоединившись к Рядам, сделали так много для завершения великой социальной революции, заслуживают большего уважения как класс, чем история, как правило, им уделяла. Французское дворянство в конце 18 века насчитывало в своих рядах огромное количество замечательных людей, замечательных своей верностью, интеллектуальностью, великодушием. Это правда, что самые заметные из них, те, кто составлял Двор или получал выгодные назначения, заразились версальской чумой, и что даже среди провинциальной знати было много подражателей моде придворных. Но были и другие представители ордена. Наиболее заметным был тот многочисленный класс либеральной знати, который сыграл столь важную роль в первые дни революции. Все десять депутатов, избранных парижской знатью в Генеральные штаты, принадлежали к этой категории: серьезные, образованные люди, писатели и мыслители, сведущие в вопросах политики, экономики, религии и образования, опытные во многих деталях практического управления, солдаты и местные администраторы, проникнутые мыслью о протестующем и гуманном веке. Некоторые, как Лафайет, сыграли заметную роль и совершили революцию в процессе становления; другие, как Ларошфуко, овладели всеми тонкостями политической и филантропической мысли; а некоторые, как Кондорсе, проявили себя среди магистров науки

своего времени. Графы, маркизы, герцоги - они были готовы отложить все в сторону ради непреодолимого требования страдающего человечества избавиться от всех его бед. И рядом с ними, более преданные своему королю, хотя и менее преданные человечеству, не менее достойные восхищения, хотя и немного отставшие в знаниях и развитии, были те сотни сельских джентльменов, многие из которых были бедняками, которые, когда настал день невзгод, сплотились перед своими суверенами, встали за них перед гильотиной или отдали свои жизни {79} под бесстрашным знаменем Анри де Ларошжаклена. Положение французского дворянства и та роль, которую оно сыграло, были слишком сильно забыты. Его наиболее умная часть едва не возглавила Революцию, которая позже попала в руки юристов и теоретиков, затем демагогов и, наконец, солдат.

Из только что сказанного не следует, что действия Национального собрания в ночь на 4 августа были в целом достойны восхищения. Пример знати оказался заразительным. Всепоглощающий пыл самопожертвования охватил каждого члена палаты. Архиепископы, епископы и настоятели бросились к трибуне и предложили все, что могли. Десятина, плюралии и всякого рода церковные привилегии были принесены в жертву. Непривилегированный класс отчаянно, но тщетно пытался выстоять в борьбе и не мог найти ничего другого, от чего можно было бы отказаться, кроме как от некоторых особых привилегий и привилегий, предоставленных определенным провинциям и городам королевства.

Все это было великодушно и достойно восхищения — это одна из самых великодушных и достойных восхищения страниц в истории. Это было даже больше. Это было решительное и правильное заявление о том, что привилегии и классовые различия были корнем всех зол старой системы и были {80} осуждены французской нацией. Но у него не было ни одного из качеств практической государственной мудрости. Это не способствовало уменьшению беспорядка, а наоборот; и на данный момент, когда реформа продвигалась так успешно, порядок был первым соображением. Последствия указов были катастрофическими и усугубили плохие условия в стране. В лесные массивы немедленно вторглись армии лесорубов и заготовителей топлива. Дичь была истреблена. Бедный сельский священник обнаружил, что его жалованье пропало. Самодело о *габелле* было проигнорировано. Местному правосудию пришел конец. И вот правительство, со всей своей дополнительной нагрузкой, обнаружило, что и без того падающие доходы почти полностью перекрыты. Крестьяне и народ Франции толковали декреты по-своему, отказывались платить налоги и злоупотребляли утраченными привилегиями.

В течение августа и сентября ассамблея продолжала свои конституционные дебаты, являясь одним из трех действующих лиц этой великой политической трагедии; двое других, Париж и король Людовик, наблюдали за ее ходом с растущим нетерпением. Обеспокоенный растущими волнениями в столице, теперь уже всенародными криками о том, что король должен жить в Париже, и конституционными требованиями, которые ассамблея постепенно формулировала и накапливала, Людовик решил ввести {81} часть войск в Версаль для своей защиты, причем эта обязанность была возложена на фландрский полк. Это был достаточно незначительный вопрос по сравнению с грандиозными приготовлениями де Бройля и Безенваля тремя месяцами ранее, но он послужил цели немедленного объединения двух противоположных течений мнений.

В Париже были сильные страдания. Был собран хороший урожай, и во многих отношениях экономическая ситуация улучшилась. Но была засуха, и мукомолы, зависевшие от воды для

привода своих мельниц, не могли производить муку. Произошло внезапное сокращение расходов двора и аристократии, так что парижский наемный работник остался без работы. Эмиграция выгнала многих слуг со своих мест. Париж голодал еще до окончания летних месяцев, и агитаторы и политические лидеры не замедлили указать на Версаль как на причину. Этот город, благодаря присутствию короля, всегда был сравнительно хорошо снабжен провизией; если бы только Людовика удалось доставить в столицу, Версаль мог бы умереть с голоду, а Париж ожиреть. А зима быстро приближалась.

В Версальском дворце оскорбленная гордость и возрождающаяся надежда направлялись к Фландрскому полку. 1 октября {82} наступил кризис. В тот день ассамблея направила королю декларацию прав, на которую требовалось его согласие. Вечером во дворце был дан банкет с участием офицеров королевской телохранительницы, фландрского полка и национальной гвардии Версаля, который вылился в демонстрацию. Король и королева посетили собравшихся офицеров и были приняты с большим энтузиазмом. "*О Ричард, о мой король*" прозвучала песня, которую Блондель поет Ричарду, королю Англии, заключенному в тюрьму, в популярной тогда опере Гретри, и офицеры национальной гвардии были вынуждены сменить свою трехцветную кокарду на белую с изображением короля. Все это, если и не было очень опасным, то было захватывающим; это было безмерно раздуто слухами. В Париже популярные ораторы вскоре вызвали в воображении видения крупного роялистского заговора и возобновления военных действий против города.

5 октября король, сопротивляясь давлению ассамблеи, прислал условное согласие на предложения 1-го, сделав некоторые оговорки относительно декларации прав. Он не знал, что в тот самый момент Париж снова восстал и уже шел маршем к Версалю, чтобы {83} похитить его и доставить обратно в столицу.

Восстание 5 октября имело довольно неясные истоки. Однако некоторые из его ведущих факторов выделяются достаточно ясно. Во-первых, медленно нарастала волна народного нетерпения, ощущения, что после всех усилий и успехов весны и лета положение дел все еще не стало лучше, и что для его улучшения король должен приехать в Париж; все это значительно усилилось с 1 октября. Кроме того, был тот факт, что вечером 4-го Париж знал, что Людовик откажется или частично откажется от требований собрания, и поэтому было необходимо найти ответ на ход короля. Последним был голод. И именно та часть парижан, которая больше всего пострадала от голода, на самом деле подняла знамя восстания.

Женщины острее мужчин ощутили приближение голода, и женщины сыграли заметную роль в формировании тех глубоких слоев общественного мнения, или инстинктов, на которых, в свою очередь, каждая из революционных партий должна была строить свою власть. Женщины были первыми, кто направил пушки против короля, и они были последними, кто поднял ужасный вой гильотины над заключенными, когда они {84} проходили через тюремные ворота, чтобы взойти на эшафот. И причину далеко искать не надо. Именно они должны были присматривать за домашним хозяйством, ухаживать за больными, кормить детей, и именно они день за днем, год за годом выстраивались в длинную процессию, ожидающую своей очереди попасть в лавку пекаря или мясника. Довольно часто они стояли и боролись часами, иногда всю ночь, их сердца болели за любимых дома, — в конце концов, ничего не оставалось, и они возвращались с пустыми руками. Еще в 1795 году был период в несколько месяцев, в течение которого индивидуальный рацион для тех, кто мог заплатить, и для тех, кому повезло, составлял всего 2

унции черного хлеба в день; в то время как мясо у мясника во многих случаях совершенно не годилось и всегда было дорогостоящей роскошью. Подробности массового голода широко разбросаны по страницам современников, и на каждом шагу появляется женщина, несчастная, стонающая, разъяренная, жаждущая пищи, сражающаяся за нее и грабящая, ее сердце переполнено горечью, а рот искажен проклятиями в адрес тех, на кого ей указали как на причину всех ее страданий. Луи, Мария-Антуанетта, Бриссо, Верньо, Эбер - ее мало заботило, как их зовут, но она в равной степени была готова растерзать их, когда ей говорили, что они выступают за голодную смерть {85} ее детей, ее больных или ее мужа. И ее было достаточно легко убедить, что за это ответственен какой-то один человек. Утром 6 октября она была убеждена, что этим человеком был Луи.

Рано утром того же дня группа женщин, одна из которых била в барабан, а другие заунывно скандировали "боль, боль", "хлеб, хлеб", появилась на улицах Парижа. Увеличиваясь по мере продвижения, они превратились в зарождающуюся толпу женщин, мужчин и мальчиков и направились к Отель де Вилль; возможно, там они найдут облегчение? Но облегчения не последовало, только суматоха, пока Майяр, патриотический агитатор, известный как один из тюремщиков Бастилии и с тех пор, не обратился к ним с речью. Майяр, который поддерживал связь с ведущими политиками секций, сказал женщинам, что в Отель де Виль им нечего делать, но что он отведет их в Версаль, где они смогут увидеть короля и убедить его дать им хлеба и вернуться с ними в Париж.

Пестрая процессия выехала из Парижа, следуя за Майяром по проселочным дорогам и деревням по пути в Версаль. К женщинам присоединились вооруженные мужчины, было найдено несколько пушек, которые они тащили вручную. {86} Тем временем Лафайет, за которым всегда посылали в экстренных случаях, прибыл в Отель де Виль; в то время как до Версаля начали доходить тревожные слухи о приближении парижанок. К Лафайету быстро присоединились большие силы национальной гвардии, и пока он ждал инструкций и время от времени успокаивал их разглагольствованиями, Байи и его советники обсуждали, какой курс избрать. Наконец, около пяти часов пополудни было решено, что Лафайет и его люди должны проследовать в Версаль, чтобы поддерживать порядок и действовать по обстоятельствам.

Задолго до прибытия парижских войск Версаль был взят штурмом женщинами. Они топали под проливным дождем, многие отстали или упали в изнеможении в пути, и сразу же отправили депутации к ассамблее и королю. Они хотели еды, и они хотели указов, которые положили бы конец голоду. Солдатам Фландрского полка, выделенного для защиты дворца, они объявили то же самое, и их призывы были настолько неотразимы, что через несколько часов полковник полка, заявив, что он больше не может отвечать за своих людей, получил разрешение вернуться в казармы.

{87} Но к этому времени Лафайет уже прибыл на место происшествия и разместил свои батальоны для защиты дворца. Прошла тревожная ночь. В толпе были очень опасные элементы. Решетки и стены, дворы, территория и здания дворца занимали обширную территорию. Организация обороны была несовершенной; *гвардейский корпус* заслуживал доверия, но был немногочисленным; король отдавал мало приказов, да и те были доброжелательными или робкими; волнения и давление толпы были непреодолимыми. Ранним утром решительная группа мужчин проникла во дворец и немедленно начала пробиваться к апартаментам королевы.

Когда открылся день 6 октября, во дворце разыгралось большое волнение. *Корпусные гвардейцы* были уничтожены, прикрывая бегство королевы в апартаменты короля. За Лафайетом послали в спешном порядке, и какой-то порядок был восстановлен. Но тем временем толпа вторглась в главный двор, и потребовалась вся огромная популярность Лафайета и его такт, чтобы предотвратить смертельную вспышку. Как бы то ни было, он убедил Людовика, что единственный выход - это принять народное требование о его переезде в Париж; он обратился с речью к толпе; он убедил короля и королеву показаться в окне; он изящно поцеловал королеву руку; и в конце концов он одержал победу.

В полдень Париж снова начал возвращаться из Версаля в столицу, но теперь Людовик и его семья были в гуще толпы. В огромной грохочущей карете, окруженные толпой, Людовик с женой и детьми ехали из Версальского дворца в Тюильрийский; эпоха французской истории подходила к концу. Австрийская принцесса, выглянув в окно и увидев представителя народа, едущего на подножке ее кареты, презрительно заявила, что это был первый случай, когда человек без бриджей до колен, человек без *кюлот*, занимал столь почетное положение. Клич *sans culotte* был подхвачен и одобрен на месте как символ достойного гражданства. Но банальная фраза, которая наиболее близко относится к событию 6 октября, заключалась в том, что парижане торжествующе объявили, что теперь они приняли в свою среду *буланже*, *буланжер* и *маленького митрона*— пекаря, жену пекаря и маленького мальчика-повара.

{89}

ГЛАВА VII

СОБРАНИЕ УНИЧТОЖАЕТ ПРИВИЛЕГИИ

В предыдущей главе акцент был сделан на экономических причинах, которые привели к изгнанию бурбонов из Версаля; в этой главе необходимо подчеркнуть политическое значение события. В истории Революции так было всегда; политические и экономические факторы постоянно перетекают одно в другое.

В некотором смысле произошло то, что бедняки, демократия, скажем, Парижа, теперь заполучили короля в город и попали под их влияние; не только король, но и ассамблея, поскольку она последовала за Людовиком и была установлена в здании, примыкающем к Тюильри. И ассамблея быстро осознала тот факт, что Париж теперь чрезмерно давит на представительство Франции, и под руководством Мирабо попыталась заявить о себе. Это был первый слабый шаг к приходу к власти, кульминацией которого три года спустя стало

назначение {90} Комитета общественной безопасности. Собрание заняло промежуточное положение между королем, с одной стороны, и толпой - с другой. Она проголосовала за изменение титула Людовика с короля Франции, милостью Божьей, на короля Франции в силу Конституции; она подавила беспорядки, объявив военное положение; но в продолжение своих конституционных дебатов она недвусмысленно заявила о своем составе среднего класса. Горстка демократов, Робеспьер, Грегуар и менее дюжины других, отстаивали права многих, но ассамблея отказалась их слушать и почти единогласным голосованием подтвердила рекомендации своих комитетов по составлению декларации прав и конституции. Таким образом, большая часть французских граждан была объявлена обладающими только пассивными, а не активными правами и была исключена из избирательного права. Квалификация для голосования устанавливалась при уплате налогов, равных 3 дням труда, а для должности депутата - при уплате налогов в размере одной марки серебра, около 54 франков.

Протест против этого законодательства был настолько громким и повсеместным, что показал, какие подлинные политические устремления были присущи массе парижского населения. Большая часть этого населения была лишена права голоса {91}. Ибо, не говоря уже о том факте, что около 120 000 жителей были отнесены к категории нищих, случилось так, что подушный налог был отменен на несколько лет, оставив в списке избирателей только зажиточных лавочников, некоторую часть профессионалов и класс капиталистов. Рабочие Сент-Антуанского предместья подписали петицию с требованием разрешить им платить налоги, чтобы получить право голоса. Робеспьер, узкий, ханжеский, ревнивый, пуританский, но способный юрист из Арраса, вместе с такими журналистами, как Демулен и Лусталло, выступал против того, что они называли несправедливым классовым законодательством, которое исключило бы из советов французской нации Жан-Жака Руссо и даже этого *нищего* Иисуса Христа. Но ассамблея была непреклонна и, по сути, оставалась средним классом в своей точке зрения на протяжении всей революции, за исключением тех случаев, когда на нее оказывалось непреодолимое давление.

Журналисты, однако, гораздо быстрее стремились к демократии, чем депутаты. Журналистика возникла из июльских событий. После этой даты брошюры Камиля Демулена в результате естественной метаморфозы превратились в журналы. Однако их популярность не достигла популярности книги Лусталло *"Парижские революции"*, один номер которой, как говорят, разошелся тиражом в 200 000 экземпляров. *"Друг народа"* Марата, впервые опубликованный в сентябре, вскоре стал самым грозным органом общественного мнения и оставался таковым вплоть до возвышения Эбера и его жестокого *отца Дюшенна*, в более поздний период. Эти газеты и их редакторы сыграли большую роль, и на них часто будут обращать внимание, но пока все, что нужно сказать, это то, что их расцвет в этот период является одним из симптомов огромных перемен, произошедших в Париже.

Париж до 1789 года был, в некотором смысле, средневековым, провинциальным. Несмотря на то, что город был крупнейшим городом Франции, ее столицей, центром мысли и искусства, курортом для многих французских и иностранных гостей, он все еще оставался в некотором смысле местным центром, изолированным, не связанным с остальной Францией. Суд там не располагался, отправление правосудия, особенно правосудия, было в значительной степени децентрализовано, и Париж был обителью парижанина почти в том же узком смысле, в каком провинция была обителью провинциала. Но теперь все это стремительно менялось. Прибытие двора и Национального собрания внезапно превратило Париж в сердце Франции. Лихорадка

революции заставила это сердце биться чаще, и быстрый поток лучшей жизненной крови нации начал циркулировать из провинции в Париж и из Парижа обратно в провинцию, принося с собой энергию и расширяя симпатии к ней. И если бросить взгляд на Европу в тот же период, в течение двадцати пяти лет, последовавших за началом Французской революции, то можно увидеть тот же процесс в действии, но в большем масштабе. Старый застой, феодальная перегруженность Германии и Италии, неподвижность населения преодолены, старые барьеры разрушены; великие централизованные государства направляют официальные, экономические и национальные действия туда и сюда; огромные армии бродят по всей Европе; дороги строятся во всех направлениях, чтобы облегчить их передвижение, люди начинают узнавать друг друга, смешиваться, формировать более широкие представления о человечестве.

Самым мощным из факторов, осуществивших это изменение в Париже, была непосредственная работа самих депутатов. Переезд в столицу сопровождался формированием нескольких четко выраженных течений мнений среди депутатов. Одним из них было движение протеста — протеста и отчасти робости. Насилие и принуждение, примененные к королю, и все, что подразумевал переезд в Париж {94} при таких обстоятельствах, привели к уходу около 200 членов ассамблеи. Главарем из них был Мунье; он вернулся в свою провинцию Дофине и попытался спровоцировать конституционные действия, чтобы освободить короля от господства Парижа. Его усилия не увенчались успехом, и в конце концов ему пришлось покинуть страну. Однако эта группа, самым смелым членом которой был Мунье, представляла собой всего лишь негативную силу, рассеяние; другая, столь же многочисленная, отстаивала нечто более конкретное.

Бретонский клуб начал очень быстро развиваться после переезда в Париж. Его члены, называвшие себя *сторонниками Конституции*, в конце концов обосновались в удобных помещениях рядом с дворцом в якобинском монастыре. Здесь клуб быстро превратился в дискуссионную ассоциацию и штаб-квартиру партии. В начале 1790 года оно начало развивать систему членских клубов по всей Франции, и к августу того же года основало 150 якобинских колоний в прямой переписке с материнским обществом. К 1794 году это число выросло до тысячи, и якобинство стало вероучением. Но в 1789 и 1790 годах якобинцы были еще умеренны в своих взглядах; это были люди, которые хотели создать конституцию при монархии; в тот период ими руководили такие люди, как герцог де Ноай, герцог д'Эгийон и Мирабо.

Мирабо выделялся в ассамблее как единственный конструктивный государственный деятель, единственный человек, который мог бы преодолеть пропасть, которая все еще отделяла депутатов от ответственности за власть и практику правления. Если бы было возможно конституционное или парламентское министерство, если бы и король, и ассамблея признали в этом практический шаг к восстановлению порядка и обеспечению эффективности реформы, Мирабо был бы необходимым руководителем такого министерства. В период, последовавший за прибытием короля в Париж, он в полной мере продемонстрировал как свои способности, так и недостатки для такой должности. Неотложные вопросы давили на собрание со всех сторон, и в обсуждении их Мирабо принимал львиную долю участия.

Финансы были важнее всего. Неккер больше ничего не мог сделать. Необходимо было найти фундаментальное средство для удовлетворения потребностей казначейства. 7 октября ассамблея проголосовала за то, чтобы земли короны стали собственностью нации, в обмен на что королю будет передан гражданский список. Тремя днями позже Талейран-Перигор,

скептически настроенный {96}, но способный епископ Отена, предложил поступить аналогичным образом с церковной собственностью. В одном смысле это было, как и предыдущий шаг, утверждением национальных интересов над особыми привилегиями; в другом смысле это был всего лишь еще один шаг в тех многочисленных секуляризациях церковной собственности, которые осуществил утилитарный и нерелигиозный 18 век. Предлагалось передать в пользование государству все имущество Церкви и взамен выплачивать жалование ее священникам. Это представляло собой приобретение недвижимости, оцененной в общую сумму в 2 100 000 000 франков; но поскольку это приносило только капитальную стоимость, а не наличные деньги в кассе, это не давало какого-либо немедленного облегчения потребностей правительства. Затем был опробован другой прием - призыв к патриотическим подаркам, и это, хотя и привело к изрядному всплеску патриотических эмоций, мало что сделало для заполнения зияющей пропасти банкротства. Наконец, в декабре были приняты решительные меры. Некоторые платежи государства были временно приостановлены; было приказано продать церковь и другие земли стоимостью 400 миллионов долларов; был санкционирован заем в размере 80 миллионов долларов; и было выдано 400 миллионов ассигнаций.

Ассигнатом в этой первой форме была {97} начальная ипотечная облигация. Она приносила проценты; она была гарантирована государством; предполагалось, что она будет обеспечена общим образом национальной собственностью; и она должна была циркулировать как деньги и приниматься в качестве платы за национальные земли. Если бы оно было строго обеспечено тщательной оценкой и зарегистрированным иском в отношении указанного имущества, это, несомненно, оказало бы постоянную поддержку финансам правительства. Как бы то ни было, поначалу это оказался успешный шаг, и только постепенно и из-за неразумных мер он в конечном итоге потерпел неудачу. В апреле 1790 года ассигнации стали законным платежным средством; несколько месяцев спустя они перестали приносить проценты - другими словами, оставаясь на первый взгляд облигациями, они на самом деле стали бумажными деньгами. В сентябре 1790 года было выпущено еще 800 миллионов, а в июне еще 600, причем мелкими купюрами, и с этого момента они начали быстро падать в цене. До января 1791 года их было более 90; в июле 1791 года - 87; в 1792-93 годах, годах величайшего кризиса, они быстро падали; в 1795 году они почти обесценились, а в период Директории ассигнаты почти обесценились: за одну зарегистрированную транзакцию было выдано 3080 франков бумажками за 20 золотом.

{98} За финансовой политикой ассамблеи стоял Мирабо. Он долгое время был связан с банкирами и промоутерами Парижа, выпускал брошюры в поддержку их финансовых проектов. Выпуск облигаций ассамблеи и возможная продажа крупных блоков недвижимости представляли большой интерес для этих групп, и Мирабо был их естественным связующим звеном с ассамблеей. Он был самым решительным сторонником ассигнационных мер, и какой бы интерес к ним ни проявляли его друзья, нет необходимости сомневаться, что он считал их полезными и мудрыми.

Двор в своем новом затруднении, беспомощно запутавшийся в Париже, лишь немного наученный опытом, теперь обратился за помощью к Мирабо. Он тайно посоветовал королю проявить инициативу и провести политику умеренной конституции по английскому образцу с ответственным министерством. Если это приведет к конфликту или если его ситуация иным образом сделает целесообразным покинуть Париж, ему следует искать убежища в

благоустроенной провинции Нормандия, а не в армии на границе с Германией. Совет Мирабо не был необоснованным, и он подразумевал в качестве шага формирование министерства Мирабо, Неккера и Лафайета.

{99} Но Мирабо был слишком сильно ограничен своим прошлым. Ассамблея относилась к нему с укоренившимся подозрением и неприязнью, и по этой причине Суд не мог выбрать худшего агента. В конце ноября ассамблея проголосовала за декреты, исключаящие ее членов из королевского министерства, тем самым преградив Мирабо путь и тем самым еще раз подчеркнув его собственное деструктивное отношение к правительству. Если оно не хотело участвовать, даже косвенно, в работе исполнительной власти, то отчасти потому, что в глубине души стремилось спустить эту исполнительную власть на землю.

Несмотря на эту проверку, Мирабо продолжал оказывать влияние на ассамблею своей выдающейся личностью и государственной мудростью. В начале 1790 года он упорно боролся за то, чтобы привести депутатов в соответствие с возникшим тогда вопросом иностранных дел — вопросом о Нутка-Саунде. Это касалось всех традиций внешней политики Франции и ее системы союзов, *семейного договора*; но ассамблея увидела в нем всего лишь текст, на основе которого можно сформулировать ограничения, которые она намеревалась наложить на королевскую власть в вопросе международных отношений. В этот момент Двор возобновил свои тайные контакты с Мирабо, между ним и королевой состоялась даже одна секретная {100} беседа, и ему были переданы крупные суммы в качестве платы за его советы. Эти суммы он растратил расточительно, таким образом афишируя факт, о котором общественность и без того подозревала больше, чем следовало, и быстро разрушая свое общественное мнение.

Зима была гораздо мягче предыдущей, продовольствия было меньше, денег - больше благодаря выпуску ассигнаций, общественное доверие значительно возросло. Но напряженность между королем и собранием не ослабевала; ни с одной из сторон не было предпринято серьезных попыток воспользоваться улучшением ситуации для достижения примирения. Ассамблея приняла закон против представителей аристократии, которые, следуя примеру графа д'Артуа, эмигрировали. Вместо того чтобы помочь правительству принять полицейские меры, которые сделали бы их проживание во Франции безопасным, оно постановило конфисковать их арендную плату, если они не вернутся в течение трех месяцев. Это был первый из длинной серии законов, направленных против эмигрантов.

Переходя от одного привилегированного ордена к другому, ассамблея продолжила нападки на структуру Церкви, начатые самими церковниками в августе и октябре 1789 года. Отказ от десятины, (101) 70 000 000 франков ежегодно, самым тяжелым образом сказался против бедного сельского священника и в пользу землевладельца, который нес бремя его жалованья. Захват церковных земель государством больше всего ощутили высшие духовные лица и монашеские ордена. В феврале 1790 года последние были подавлены, а их члены были освобождены от своих обетов собранием, которое теперь откровенно взяло курс на антиклерикальную политику. Оно само по себе не признавало, что было менее представительным для Франции в вопросе религии, чем в любом другом; ибо только интеллектуальный и профессиональный класс, к которому принадлежали почти все депутаты, был вольтерьянцем или антикатоликом, масса народа Франции все еще была привязана к своей древней вере. Во время затяжных дебатов, которые происходили по церковному вопросу весной 1790 года, ассамблея несколько раз пыталась уклониться от ответа католических членов на

вопрос о том, признает ли она существование Церкви. Наконец, с большой неохотой, в июне ассамблея проголосовала за то, чтобы католическая религия была религией Франции; но вслед за этим она приняла то, что было известно как *Гражданская конституция духовенства*. Этот указ предусматривал, что все священники должны получать свое {102} жалование от государства; что старые епархии Франции должны быть распущены и приведены в соответствие с новым департаментским делением, которое заменило старое провинциальное; что епископ должен быть назначен голосованием выборщиков его департамента; и что папа не должен осуществлять никакой власти над епископами или священниками.

Не нужно большого знакомства с историей, чтобы понять, насколько преднамеренно подрывным был этот план. Содержание духовенства за счет десятины вывело его из сферы государственного контроля и помогло сохранить древнеримский интернационализм; тогда как разрыв прямой связи папы с епископами носил наиболее ярко выраженный характер галликанства. Папа Пий VI недвусмысленно заявил, что проведение любого подобного закона во Франции было бы равносильно расколу, и передал это мнение Людовику XVI.

Ложность положения короля стала невыносимой из-за дилеммы, в которую он теперь был поставлен. Формальной конституции тогда еще не существовало, была только революционная ситуация, в которой собрание узурпировало значительную часть королевских прерогатив. Однако обе стороны фактически согласились с тем, что в соответствии с {103} принятой конституцией король должен иметь право вето, и по молчаливому согласию это соглашение было с самого начала введено в действие. Ассамблея голосовала за декреты и отправляла их королю на подпись. Но на самом деле право вето, даже до его строгого конституционного существования, было не более чем фикцией. Ситуация была революционной. Обе стороны были настроены враждебно, и почти без исключения каждая подпись короля была актом морального принуждения. Однако до сих пор его принятие ситуации не означало ничего большего, чем склонение перед политической бурей; теперь дело стало серьезнее, речь шла о расколе, а следовательно, и о ереси.

Людовик был верующим в римское богословие, а также в божественное право королей, и он изо всех сил старался не ставить свою подпись под гражданским уставом духовенства. И когда через несколько недель он наконец сдался, это вызвало протест. С этого момента он занял позицию человека, действующего сдержанно, который не придает обязательной силы действиям, вытекающим из принуждения.

Принятие королем гражданского устройства духовенства не завершило дело. Поднялись яростные протесты. На юге {104} Франции епископы, священники и национальная гвардия в течение нескольких недель угрожали началом религиозной войны. Ассамблея встретила этот беспорядок более решительно, чем тот, который был вызван экономическими и политическими причинами. Ближе к концу года он наложил на духовенство клятву верности гражданской конституции, и оказалось, что ее приняли только четыре епископа. В январе 1791 года были назначены выборы для замещения мест тех членов Церкви, которые отказались от присяги, и в настоящее время Франция оказалась с двумя группами духовенства, официальным и неофициальным, конституционным и антиконституционным.

Завершая главу, посвященную разрушительным усилиям собрания представителей среднего класса против прерогатив короля и двух привилегированных сословий, можно отметить, что 19 июня 1790 года по предложению представителей знати все титулы были отменены. В

дальнейшем Мирабо - Оноре Рикетти, *преемник* графа де Мирабо; а Камиль Демулен, расторопный, колоритный и дерзкий, логично применяет этот процесс к самому королю и переименовывает Людовика в *господина Капета л'Айне*.

{105}

ГЛАВА VIII

ПЕРЕЛЕТ В ВАРЕНН

14 июля 1790 года на Марсовом поле в Париже состоялся первый великий праздник Революции - федерация национальной гвардии. "Федерация" - так назывались в прошлом году по всей Франции окружные или ведомственные собрания или смотры, на которых недавно сформированные национальные гвардейцы проходили парадом и с большой церемонией приносили патриотические присяги. Теперь это повторилось в более грандиозном и централизованном масштабе, в ознаменование падения Бастилии двенадцатью месяцами ранее. На военном полигоне недалеко от Парижа собрались 14 000 национальных гвардейцев. Был воздвигнут алтарь, у которого Талейран, епископ Отена и его заместитель, совершил богослужение. Лафайет возглавлял военную процессию. Людовика заставили играть почти подчиненную роль. Национальная гвардия принесла присягу на верность Лафайету, Закону и Людовику XVI; градация была преднамеренной и значительной.

{106} Фестиваль был, в некотором смысле, всего лишь отголоском политики, которую ассамблея проводила в отношении армии. Армия была важным фактором в сложившейся ситуации; рано или поздно, как и в большинстве революций, она, скорее всего, окажется решающей. С самого начала давление вооруженных сил на Париж действовало как мощный раздражитель, и для ослабления власти короля ничто не казалось более важным, чем лишить армию присяги. Мятеж и дезертирство в июле 1789 года дали ассамблее хорошую отправную точку; весной 1790 года войска были приведены к присяге повиноваться закону и королю, а не действовать против граждан. Это, однако, не имело решающего значения, поскольку на северо-восточной границе, далеко от Парижа, среди крепостей Эльзаса и Лотарингии, была собрана значительная часть армии. Там французские и иностранные полки были хорошо перемешаны, поддерживался боевой дух, командовали стойкие лоялисты, и вполне возможно, что войска откликнутся на призыв Людовика, если король призовет их к себе на помощь.

Так думал Марат, да и многие другие. Автор книги "*Друг народа*" выразил опасения населения, что армия на северо-восточной границе разрушит национальное дело. {107} Все в карьере Марата вело к тому, чтобы сделать его признанным пророком царства подозрительности,

которое теперь быстро укоренилось. В течение многих лет он изучал естественные науки и философию и приобрел писательский дар, безуспешно стучась в двери академий. Начало революции застало его озлобленным и готовым обрушить ядовитое перо на всех, кто удерживает власть. Болезненная жилка быстро переросла в манию преследования и подозрительности, и именно дав волю своему воображению в этом отношении, он сравнился с безумием голодающих женщин и декламирующих демагогов, готовых поверить любому обвинению и разорвать на части любого *пособника*.

Жестокость Марата стала настолько велика вскоре после взятия Бастилии, что новый муниципалитет Парижа возбудил против него уголовное дело. Затем он начал скрываться, незаметно переезжая с места на место, обитая в подвалах, одно время даже прятался в водостоке. На несколько недель он сбежал в Лондон. Но весной 1790 года он вернулся в Париж и в разгар летнего кризиса опубликовал яростный памфлет "*Это свершившийся факт*" "С нами все кончено", в котором истерически требовал истребления всех предателей и заговорщиков как единственного средства спасти Париж от мести короля и действий его армии.

Ассамблея осудила брошюру, и были приняты меры для судебного преследования ее автора. Марат неудачно выбрал момент для своих разоблачений, поскольку через несколько дней после публикации его брошюры армия подняла открытый мятеж против своих генералов. Командовал Буйе, убежденный роялист и опытный солдат. Его люди постепенно деморализовывались демократической пропагандой. Наконец, 31 августа в нескольких полках гарнизона Нанси вспыхнул мятеж.

Буйе проявил огромную энергию, справляясь с трудным и опасным кризисом. После ожесточенных боев он ворвался в Нанси и без промедления расправился с нарушителями, когда восстановил контроль. Один французский полк он расформировал. Швейцарский полк Шатовье он передал военному трибуналу его офицеров, которые приказали расстрелять большое количество своих солдат или отправить их на галеры.

Эти события вызвали большое волнение. Ассамблея, теперь встревоженная результатом собственной работы по дезинтеграции, провела официальное голосование {109} с выражением благодарности Буйе. Демократическая партия, однако, заняла противоположную сторону, решительно возглавляемую Cordeliers, популярным секционным клубом. Последовали шумные демонстрации в поддержку побежденных солдат, а распущенность и недисциплинированность превозносились как добродетели свободных людей. Это больше, чем что-либо другое, сломало старую королевскую армию, и с этого момента кавалерийские и пехотные офицеры начали отказываться от своих чинов и эмигрировать. И, между прочим, еще один осколок старого режима исчез во время той же бури; Неккер, все еще королевский министр, неважный и дискредитированный, был убит толпой 2 сентября, в результате чего подал в отставку и бесславно уехал из Франции в свою родную Швейцарию.

До зимы 1790 года революция не проявляла признаков того, что становится антимонархической, но на рубеже лет республиканизм наконец поднял голову. В отношении французов к этому вопросу следует иметь в виду имеющиеся у них исторические прецеденты. Французское общественное мнение было прочно пропитано очевидными уроками великой

революции, произошедшей в Англии немногим более ста лет назад. Там республика, основанная в результате восстания против некомпетентной монархии {110}, потерпела неудачу и уступила место военной диктатуре, которая также потерпела неудачу, которая была заменена восстановленной монархией. И, наконец, конечный успех был достигнут в результате сделки или компромисса между высшим и средним классом, с одной стороны, и королем - с другой. Это был наиболее известный исторический прецедент, который, как правило, занимал главное место в умах членов национального собрания.

Но был и другой прецедент - американская революция, и она развивалась в противоположном направлении. Действительно, мало кто понимал, что Вашингтон преуспел там, где потерпел неудачу Кромвель; и событие было слишком близким по времени, слишком далеким в пространстве, слишком отдаленным по обстановке, чтобы иметь то значение, какое оно должно было иметь. И все же произведенное впечатление было значительным. Колоритный и достойный республиканизм Бенджамина Франклина не был забыт: его простая одежда и здравый смысл, его жизнерадостный припев *ça ira*—все в порядке—, который так скоро станет песней самих французских республиканцев. Солдаты армии Рошамбо тоже подхватили заразу, видели республиканство на войне, храбрых и способных командиров, независимо от их положения в жизни; и в этой армии было много рядовых, подавленных режимом Бурбонов, которым вскоре предстояло стать победоносными генералами Французской Республики. И снова были проведены консультации, изучены конституционные документы американцев — декларации прав, конституции штатов. И все это вело к республиканизму.

Однако даже американский пример не означал республиканизма в демократическом смысле. И движение, которое стало столь заметным примерно в декабре 1790 года, было явно направлено к демократической республике. Многие известные журналисты придерживались такого образа мыслей. Демулен придерживался его даже в 1789 году. Ограничения избирательного права, которые ассамблея вносила в Конституцию, придали газетам хороший текст. Было указано, что, несмотря на то, что все французы были допущены к голосованию в Генеральных штатах, согласно предлагаемой конституции, избирателей было бы всего два миллиона. Почему бы бедняку не иметь права голоса? Почему даже женщины не должны иметь права голоса? Разве не должно быть равенства прав и отсутствия завистливых различий?

Начали появляться брошюры в поддержку республики. Были сформированы и вошли в моду народные общества с программой всеобщего избирательного права и братания как социальной характеристики. Допускались женщины, иногда дети; члены церкви называли друг друга братом и сестрой, отказавшись от более формальных способов обращения; устраивались популярные банкеты. Влияние женщины, о котором кое-что уже говорилось, расширилось благодаря действиям этих обществ; это влияние немного позже привело к тому, что Революция приобрела исторический характер.

Профессиональные политики не проявляли особого желания следовать примеру *Народного общества*. Ассамблея оставалась строго придерживающейся взглядов среднего класса. Якобинский клуб придерживался той же позиции, хотя некоторые из его членов теперь склонялись к демократии, и один из них, Робеспьер, уже не такой изолированный, как несколькими месяцами ранее, выступил в качестве его официального рупора. В апреле 1791 года он выступил с речью, напечатанной в форме брошюры, в которой умело отстаивал

демократическое избирательное право. Его приветствовали как защитника и друга бедняков, апостола братства.

С тех пор как он был вынужден принять гражданское устройство духовенства, восстание короля стало более заметным. Он заявил своим друзьям, что при таких условиях он скорее стал бы королем Меца, чем Франции. Подъем демократического движения зимой, как правило, не развеивал его страхов, и к {113} весне 1791 года он решил, насколько это было в его натуре, уехать из Парижа и найти какой-нибудь выход из своих затруднений. Его надежды на побег были сосредоточены на северо-восточной границе. Там, в Меце, в 200 милях от Парижа, находилась штаб-квартира энергичного Буйе; а за Мецем был Рейн, где император Леопольд, его шурин, уже собирал войска, которые могли оказать дальнейшую поддержку.

При таких перспективах было естественно, что Двор, а в данном случае под Двором подразумевалась королева, попытался согласовать меры с Веной; призрак австрийского союза, столь ненавистный во времена Семилетней войны, появлялся вновь. Мария-Антуанетта проводила многочисленные совещания с иностранными послами на эту тему и часто писала письма своему брату, призывая его на помощь; обо всем этом в той или иной степени подозревала или знала общественность за пределами дворцовых стен.

Париж, действительно, очень ревностно охранял своего короля. Марат постоянно проповедовал подозрительность. Ревностные части сформировали сторожевые комитеты, которые держали дворец под пристальным наблюдением. Если король попытается покинуть Париж, необходимо будет применить насилие, чтобы удержать его там. Роялисты предложили королю свою защиту; {114} и в феврале в стенах дворца произошла жестокая драка между двумя фракциями.

Инциденты продолжали происходить. В марте ассамблея проголосовала за то, чтобы король был первым государственным чиновником и, следовательно, как и другие должностные лица, отвечал за выполнение определенных обязанностей. Одним из них было объявлено, что он должен проживать в пределах 20 лиг от собрания. В одном смысле эта мера была ограничительной; с другой стороны, казалось, что она немного ослабила оковы короля. Чтобы проверить, не сможет ли он воспользоваться этим указом и увеличить радиус своего передвижения, было решено, что Людовик предпримет послеобеденную экскурсию до Сен-Клу.

Во всем этом вопросе с Мирабо советовались. Его советы были постоянными и правильными. Если бы король захотел, чтобы его отъезд из Парижа совпал с началом настоящей реформы, он мог бы заручиться наибольшей поддержкой и вызвать наименьшее противодействие, отправившись в Руан, столицу Нормандии, очень доступный пункт; поездка в Мец означала затронуть ту же самую струну, которая подтолкнула Париж к открытому восстанию в июле 1789 года.

Но хотя совета Мирабо спросили, к тому, что он сказал, прислушались лишь наполовину. Никто не мог доверять ему сейчас, никто не мог поверить ему — и, кроме того, он умирал. Сражаясь в ассамблее за меры конструктивной государственной политики, проводя свою жизнь на улице с чрезмерной расточительностью, его жизненные силы теперь иссякли, и лихорадка унесла его 2 апреля. Его смерть вызвала большую сенсацию, хотя мало кто сказал бы хоть слово похвалы великому оратору. Он понял, что его смерть лишила монархию последней возможной надежды,

и сам Людовик, когда Мария-Антуанетта выразила свое удовлетворение этим известием, упрекнул ее и заявил, что потерял друга.

Оставшись без друзей, что теперь мог сделать Луис? Малоизвестный Робеспьер, изворотливый, фанатичный и упорный, приобрел известность; до сих пор гигант Мирабо подавлял маленького человека и его маленькую группу своей широтой, своей энергией и сокрушительными призывами: "*Молчание во всем мире*"! Но теперь, когда Мирабо ушел, Робеспьер внезапно оказался чуть ли не первой фигурой собрания; и Робеспьер олицетворял набирающую силу волну демократии. Что мог сделать Людовик? Побег из Парижа казался единственным выходом.

Король время от времени бывал в Сен-Клу в 1790 году, и недавний указ ассамблеи формально гарантировал ему свободу передвижения на гораздо большие расстояния; оставалось только проверить, попытаются ли жители Парижа помешать ему действовать обычным образом и в рамках его конституционных прав.

Проверка оказалась убедительной. Большая толпа, включая несколько национальных гвардейцев, собралась у дворца в пасхальное воскресенье. Было объявлено, что в этот день король посетит Сент-Клауд, чтобы послушать мессу, которую отслужат священники, не принявшие гражданскую конституцию. Ему не разрешили продолжить. Просидев несколько часов в своем экипаже в ожидании момента, когда толпа даст ему проехать, он вернулся в свои апартаменты побежденным.

Луи был пленником. Он не только был заключенным, но и был вынужден собранием содержать во дворце только священников, которых он считал раскольниками, и был вынужден явиться на собрание и там торжественно заявить, что он является свободным агентом и пользуется полной свободой действий. Это привело его к определенной цели, и теперь тайно начались приготовления к полету в Мец.

20 июня было совершено покушение. Брату короля, графу Прованскому, который впоследствии стал Людовиком XVIII, удалось удачно скрыться, и он был изгнан через границу в Нидерланды — опыт, который ему предстояло повторить в 1815 году. Приготовления короля были переданы в руки шведского дворянина, приближенного к королеве, графа Ферсена. Были получены фальшивые паспорта. Королевская семья была тайно вывезена из дворца переодетой. Несколько телохранителей, одетых как курьеры, выполняли функции сопровождения. Большая дорожная карета была готова. Был успешно начат выезд на великую северо-восточную дорогу.

Все шло благополучно, пока беглецы не достигли Варенна, деревни в пограничном округе, не более чем в 15 милях от Вердена, где у Буйе был сильный гарнизон. На этом этапе план дал сбой. Буйе должен был иметь возможность выставить большой кавалерийский эскорт вокруг королевской кареты в Варенне, но его приготовления были ошибочными и пошли наперекосяк. Это была не только его вина, поскольку Людовик потратил впустую много драгоценного времени в пути и не проявил ни малейшего чувства решимости, которого требовали обстоятельства. И, наконец, патриоты выяснили, кто был этот путешественник; почтмейстер Сен—Менхульда узнал короля, выехал вперед, поднял национальную гвардию Варенна - и теперь игра была окончена.

{118} После небольшой стычки между отрядом кавалерии Буйе и национальной гвардией Варенна Людовика отправили обратно в Париж, окруженного вооруженными отрядами из всех близлежащих деревень. Весь ход Революции на мгновение заколебался, колеблясь, повернуть в ту или иную сторону. Теперь она повернула в направлении, в котором нельзя было ошибиться.

Сам Людовик, разговаривая с одним из чиновников Варенна, сказал ему: "Если мы вернемся в Париж, мы умрем".

Ранним утром 21 июня Париж узнал, что король покинул столицу; возникло сильное волнение. Не могло быть никаких сомнений в значимости этого события; сам король позаботился о том, чтобы их не было, оставив после себя пространное воззвание, результатом которого было то, что все подписанные им указы были недействительны из-за принуждения. Люди отреагировали на это так, как и следовало ожидать: по всему городу были снесены все королевские эмблемы.

Собрание находилось в состоянии величайшей неопределенности. Ему предстояло столкнуться с двумя опасностями: одна исходила непосредственно от короля, другая - от народа, менее непосредственная, но требующая большого благоразумия. В этот момент кризиса и сомнений были предложены многочисленные решения политической проблемы, некоторые из которых требуют внимания.

Марат в "*Ами народа*" заявил, что военный диктатор был единственным выходом из сложившейся ситуации; удивительно логичное представление о том, каким должен был стать исход революции. Это мнение не имело никакого успеха.

Герцог Орлеанский предложил другое решение. Этот персонаж был главой ветви французских Бурбонов, которая стояла рядом с той, что занимала трон. Он долгое время был в плохих отношениях с двором и усердно культивировал популярность среди парижан. Зимой 1788-89 годов он потратил много денег и усилий на благотворительность и помощь нуждающимся, и получил свою награду на ассамблее Генеральных штатов, на которой, в то время как королева была принята в каменном молчании, он был встречен овациями. Он сделал все возможное, чтобы создать орлеанскую партию, претендовать на трон, и посвятил на эту цель большие суммы денег, которые предоставил в его распоряжение его огромное состояние. При каждом кризисе революции небольшие группы, в основном субсидируемые, пытались спровоцировать демонстрации в его пользу. И теперь, 21 июня, когда трон был брошен, он решил, что его шанс настал, и демонстративно прошелся парадом по центральным кварталам города в надежде на народное движение. Но народное движение так и не возникло. Герцога слишком хорошо понимали; его пороки были слишком хорошо известны; его предательство кузена не вызвало энтузиазма; народ хотел более полного решения.

Это более полное решение было озвучено Клубом Кордельеров и его грозным представителем Дантоном. Как и Мирабо, Дантон был крупного телосложения и зычного голоса, оратор по натуре, человек, чьи необычные, хотя и далеко не красивые черты завораживали толпу. Но, в отличие от своего великого предшественника, он смог завоевать расположение народа, более того, он оказался одним из немногих заметных лидеров, против которых народ не отвернулся в день отправки на гильотину. Юрист из адвокатской семьи, он занимался прибыльной практикой, когда разразилась Революция, прекрасный адвокат, не слишком щепетильный в методе, гибкий, но широкоплечий, великодушный сердцем, неотразимый в мужестве, сильный в политических инстинктах, человек величайших возможностей. Он поддерживал народное дело, причем народное дело в демократическом смысле. Он поддерживал секции, выступавшие против центральной коммуны; он защищал Марата и свободу прессы; он на каждом шагу выступал против буржуазного режима и Лафайета {121}; он повел батальон секции Кордельеров к Тюильри, чтобы предотвратить визит Людовика в Сен-Клу в апреле 1791 года.

Таков был человек, который теперь возглавлял депутацию Клуба Кордельеров в ассамблее и представил петицию с требованием низложения Людовика XVI.

Требование кордельеров о низложении короля не понравилось собранию. Ситуация была вдвойне сложной, поскольку, помимо неопределенности относительно местонахождения короля и возможности гражданской войны, существовали трудности с Конституцией. В течение двух прошедших лет ассамблея упорно трудилась, чтобы завершить работу, которую она поклялась выполнить клятвой *Жеу де Пом*. Теперь эта работа была почти завершена, но была почти столь же непопулярна в массах, сколь и ненавистна королю. Он даже не был разработан в духе компромисса между крайними притязаниями автократии, с одной стороны, и демократии - с другой, а представлял собой откровенно мещанский закон. Но король был важной частью конституционного механизма, и его бегство произошло как раз вовремя, чтобы разрушить Конституцию, когда она входила в порт, — таково было преобладающее мнение {122} членов ассамблеи. Когда 24-го стало известно, что Людовика остановили и он возвращается в Париж, депутаты испытали огромное облегчение - в конце концов, их долго разрабатываемая конституция была в безопасности.

Королевская семья прибыла в столицу только на следующий день, и до их прибытия произошло не одно волнующее событие. Герцог Орлеанский был принят в члены якобинского клуба. Дантон, на данный момент, по-видимому, не испытывающий недружелюбия к д'Орлеану, обратился к якобинцам с речью в пользу назначения регентства. Но ассамблея сохраняла негативное отношение. Он захватил контроль над администрацией, приказав министрам, которые теперь были немногим больше главных клерков департаментов, обращаться к нему за распоряжениями, а в остальном ожидать возвращения короля.

25-го Луи и его семья прибыли в Париж. Все население вышло посмотреть на его возвращение, но не приветствовало его. Толпа, повинаясь общему инстинкту, встретила короля в гробовом молчании. Не было слышно ни единого голоса, ни одна шляпа не приподнялась, когда Людовик снова входил в свой дворец Тюильри.

{123}

ГЛАВА IX

НАЧИНАЕТСЯ ВОЙНА

С 25 июня по 17 июля конфликт между средним классом и демократической партией продолжался с большой интенсивностью. На самом деле Луи был не столько объектом, сколько предлогом их ссоры. Кордельеры настаивали на том, чтобы Франция, а не ассамблея, вынесла

решение о судьбе короля и заявила, что необходимо провести референдум, потребовать всенародного голосования. Но это было именно то, что Конституция не разрешала, и, следовательно, требование на самом деле было нападением на Конституцию. День за днем агитация росла, слегка меняя форму. Наконец демократы приняли решение о чудовищной петиции, которую нужно подписать у алтаря Марсова поля 17 июля.

Сам Дантон в тот день стоял в одном из углов платформы, чтобы помочь подписать протест парижской демократии. Но Байи, Лафайет и большая часть собрания приняли решение о политике репрессий. {124} Национальная гвардия прибыла большими силами. Последовало замешательство. Прозвучали залпы. Толпа, потеряв много убитых, бежала в поисках безопасности. Дантон, спасаясь, покинул Париж и направился в Лондон, где оставался до тех пор, пока не утихла буря. Благодаря этому удару ассамблея на некоторое время сохранила контроль. Но ситуация коренным образом изменилась. Если Дантон и народные повстанческие силы на данный момент потерпели поражение, то Робеспьер и интеллектуальная демократия быстро продвигались вперед; центр тяжести революционного мнения смещался в его сторону. Незадолго до кризиса якобинцы подверглись нападению толпы из Пале-Рояля, которая улюлюкала ораторам-конституционалистам и навязывала свое мнение клубу. Это привело к беспорядкам. Умеренные якобинцы ушли и в соседнем *Feuillants* основали новое общество, которое постепенно становилось все более и более ретроградным. Немногочисленные передовые якобинцы сохранили за собой старый клуб с его многочисленными загородными клубами, привнесли радикальный элемент в его состав и вскоре, сделав Робеспьера своим рупором и пророком, продвинулись в направлении навязывания Франции его доктрины политического спасения.

Между тем собрание, краеугольный камень конституции которого был надежно заперт в Тюильри, спешило воспользоваться своей победой. Возможность доработать Конституцию могла больше никогда не представиться, и за нее с готовностью ухватились. Луи, необходимая опора сложной структуры, созданной мудростью депутатов, была намеренно использована. Дискредитированный, фактически заключенный, завершивший свою монархическую карьеру, он был превращен в конституционную фикцию и в силу сложившихся обстоятельств был вынужден возобновить фарс с королевством и поставить свою подпись под Конституцией, которая была отправлена ему 3 сентября.

Конституция 1791 года была составлена частично из политической теории, частично из революционных усилий, из желания отказаться от прерогатив монархии в пользу среднего класса. Ему предшествовала декларация прав человека, которая закрепляет все в целом как часть классового законодательства. Этим всем французам были гарантированы определенные фундаментальные права на правосудие, на мнение, на свободу слова, на возможности — все это были пассивные права. Однако существовали и активные права, и они были зарезервированы за привилегированным классом.[1] {126} Активными политическими правами, то есть правом голоса, обладали только те, кто платил налоги, эквивалентные трем дням труда. В первичном и вторичном собраниях они должны были избрать 750 депутатов, которые должны были составить единственную представительную палату. Эта палата должна была заседать в течение двух лет, причем король не имел права распускать или откладывать ее; и она должна была обладать всей законодательной властью с учетом приостанавливающего действия королевского вето.

Король был главным должностным лицом исполнительной власти, обладавшим большими полномочиями по назначению и общему контролю над вопросами внешней политики. Он не должен был выбирать своих министров из числа заместителей, и он потерял всякий прямой административный контроль на местном уровне. Интенданты, провинции и генералитеты исчезли; вместо них появилось новое территориальное деление на департаменты, в которых было установлено местное выборное самоуправление. Коммуны и департаменты должны были выбирать свои собственные руководящие комитеты, и старая централизованная администрация бурбонов должна была на время уступить место противоположной концепции правления.

Подписание конституции королем привело к ее вступлению в силу, и, таким образом, выборы стали необходимы для формирования нового представительного органа, органа, который должен был стать известным как *Законодательный орган*. Однако, прежде чем покинуть свой вышестоящий орган, который начинался как Генеральные штаты, стал национальным собранием и позже был известен как *Конституционный орган*, можно добавить пару слов, чтобы подчеркнуть моменты, которые еще недостаточно обозначены. Ассамблея менялась во мнениях и отношении на протяжении своей истории, и в сентябре 1791 года она сильно отличалась от того, какой она была в мае 1789 года. Он действительно достиг цели воплощения значительной части требований *cahiers* в законодательные акты; однако он не усвоил значения слова "терпимость" и не проложил путь к свободе, а только к доктрине свободы.

Выборы в *Законодательный орган* состоялись в сентябре под влиянием нескольких противоположных течений мнений. Среди определенных классов Парижа наблюдалась слабая реакция в пользу короля, и состоялось несколько демонстраций, которые более способный и активный монарх мог бы обратить в свою пользу. С другой стороны, Якобинский клуб попытался использовать свой механизм, чтобы повлиять на ход предвыборных митингов. В результате, когда депутаты встретились 1 октября, было подсчитано, что около 400 принадлежали к плавающей центральной массе, 136 - к якобинцам, то есть якобинцам в новом робеспьеровско-дантоновском смысле, 264 - к *фейянам*. Среди последних наблюдалась общая склонность к политике восстановления королевской власти.

Состав нового собрания полностью отличался от состава его предшественника из-за самоотверженного постановления, согласно которому члены *Конституционного* органа исключили себя из состава нового собрания. И все же среди новых депутатов было много выдающихся людей, однако почти все якобинцы: —Бриссо, журналист, вскоре ставший лидером крыла партии, отделившегося от того, что следует за Робеспьером; Верньо, великий оратор; Изнар, Гваде, Генсонне; Кондорсе, маркиз и математик, философ, физик и республиканец, благородный ум и практический мыслитель; Камбон, стойкий как в политике, так и в финансах; Кутон, враждебно настроенный к Бриссо, позже ставший один из триумвирата Робеспьера.

{129} Эта якобинская группа почти сразу установила свое влияние на более вялую часть собрания. Благодаря своей клубной организации он заполнял общественные галереи дома и с этого момента направлял поток мнений, разумно применяя аплодисменты или неодобрение. Это было подкреплено *номинальной апелляцией*, способом голосования, при котором каждого отдельного депутата можно было заставить подняться на трибуну спикера и там объявить и объяснить свой голос.

Чтобы сдержать усилия этой доминирующей партии, мало что могло быть, кроме инертности Двора и того, чего могли добиться *Фейяны*. Байи, Лафайет, Ламет, Ларошфуко Лианкур, Клермон Тоннер были одними из заметных людей клуба, но, какими бы ценными они ни были, большинство из них были связаны со слишком узкой, непреклонной позицией, чтобы получить какую-либо широкую поддержку. Народная сила стояла не за ними, а, на данный момент, за якобинцами, и в тот момент, когда якобинцы вступили в борьбу с *Фейянами*, она напала на последних и вскоре опрокинула их. Если бы *Фейяны* и Суд объединились, еще был шанс остановить волну. Но это оказалось невозможным. Для королевской семьи иностранная помощь, иностранное вмешательство казались единственным шансом на облегчение, и Мария-Антуанетта уже давно убеждала своего брата Леопольда прийти ей на помощь. Никакой курс не мог быть более фатальным, и чем более вероятным становилось вмешательство, тем больше демократическая партия казалась патриотической партией, а король и королева - предателями национального дела.

Именно иностранный вопрос немедленно привлек главное внимание *Законодателя*, а иностранный вопрос всегда возвращал к важному внутреннему вопросу, представленному королем. В Кобленце, во владениях архиепископа Трирского, граф Прованский создал то, что фактически было его собственным правительством. *Уэмигрантов* было 3000 или 4000 человек под ружьем и организованный королевский совет - все, что было необходимо для управления Францией, если бы ее удалось вернуть. *Легислатура* теперь нанесла удар по ним; *эмигранты* должны были вернуться во Францию до 1 января 1792 года, а те, кто этого не сделает, должны были быть наказаны смертной казнью. Указ был направлен королю, который, не желая подписывать согласие на смерть своего брата и зная, воспользовался своим конституционным правом вето.

Это было началом конфликта между {131} собранием и королем, борьбы, которая продемонстрировала решимость первого не признавать право вето, предусмотренное Конституцией. *Легислатура* последовала за нападением на *эмигрантов* и нападением на священников. Духовенство было недовольно и на западе проявляло признаки подстрекательства крестьянства к восстанию; поэтому было постановлено, что каждый представитель духовенства может быть призван к принесению присяги гражданской конституции. На это, опять же, король наложил вето, поощряемый в своей позиции *Фейянами*. Возобновлялась старая борьба; якобинцы и *фейяны* боролись друг с другом из-за личности короля.

Однако был один вопрос, по которому *Фейяны* и якобинское крыло Бриссо были согласны; оба хотели войны. Популярность Лафайета, главной фигуры среди *фейянов*, быстро упала после его подавления толпы в июле. В октябре он сложил с себя командование национальной гвардией. В ноябре он потерпел поражение от якобинца Петитона на выборах в мэрию Парижа. Теперь он надеялся на военное командование и видел в войне возможность объединить победоносную армию, с помощью которой можно было бы навязать Парижу короля и Конституцию.

Бриссо, амбициозный и самоуверенный, вскруживший голову при мысли о пожаре, увидел в европейской войне достаточно широкое поле для развития своей неопытной государственной мудрости. Предлоги для войны были наготове. Существовала не только напряженная ситуация, возникавшая между Австрией и Францией из-за отношений между двумя правящими семьями, но и острые трения по поводу определенных территорий, принадлежащих немецким суверенным

князьям, таких как территории Зальма или Монбельяра, которые были порабощены в пределах французской границы. Могло ли исчезновение феодальных прав распространиться на такую территорию, какой владели немецкие князья в пределах границ Франции? Таков был неприятный вопрос, который эти князья выносили на рассмотрение своего верховного трибунала - трибунала императора в Вене.

Противодействие войне было не столь весомым. Людовик достаточно ясно осознавал опасность и знал, что успех Австрии падет на его голову. И все же он был настолько беспомощен, что ему пришлось вызвать в военное министерство кандидата отФейяна, графа Луи де Нарбонна, своего двоюродного брата по крови. Король был не одинок в своем неприятии войны — Робеспьер и Марат, почти единодушно, оба выступали за мир. Робеспьер с самого начала предвидел ход революции, пророчески опасался успеха какого—нибудь удачливого солдата - в тот момент им был тот самый неизвестный лейтенант артиллерии Наполеон Бонапарт, — который одним ударом шпаги обратил Революцию в соответствии со своими целями. Марата, в его более беспокойной, злобной, неуверенной манере, преследовало то же самое предчувствие, и то, что он увидел на войне, было следующим: "Что огорчает друзей свободы, так это то, что нам больше следует бояться успеха, чем поражения ... опасность состоит в том, чтобы один из наших генералов не был увенчан победой и чтобы ... он не повел свою победоносную армию на столицу, чтобы обеспечить триумф Деспота. Я призываю небеса, чтобы мы постоянно терпели поражения. ... и что наши солдаты... топят своих вождей в их собственной крови". — Писал Марат 24 апреля 1792 года в своей небольшой брошюре "*Ами народа*" в газете.

В течение первой половины 1792 года народное волнение росло. Франция теперь вкладывала весь энтузиазм, жизненно важную эмоцию патриотизма в свой внутренний переворот. Руже де Лиль изобрел свой великий патриотический гимн, получивший в августе следующего года название *Марсельеза*. Люди, у которых не было ружей, вооружились пиками. Был принят красный фригийский колпак свободы. Волшебное слово "гражданин" стало {134} любимым наименованием толпы. И в собрании ораторы яростно выступали против предателей, сторонников иностранца в их среде. Верньо, с трибуны собрания угрожавший австрийской принцессе Тюильри, воскликнул: "Через это окно я вижу дворец, где вероломные советы вводят в заблуждение Государя.... Ужас и паника часто вырывались из его дверей; сегодня я приказываю им вернуться именем Закона; пусть все его обитатели знают, что только Король неприкосновенен, что Закон поразит виновных без различия, и что ни одна голова, на которой лежит вина, не избежит его меча".

Громы Верньо и других якобинских ораторов гремели не напрасно. К марту дриссотинцы доминировали в ситуации. Они запугали короля, заставив его согласиться с их военной политикой, и изгнали Нарбонна и файеттистов, их временных союзников, с поста президента, создав новое министерство, состоящее из их собственных приверженцев. В это новое министерство вошли Ролан, Клавьер и Дюмурье;—Ролан, твердолобый, трудолюбивый деловой человек, чья молодая жена с ее красотой и энтузиазмом должна была стать душой несчастной партии жирондистов; Клавьер, банкир, спекулянт, друг Мирабо и вообще сомнительный либерал; Дюмурье, солдат, способный, предприимчивый, с широкими политическими и человеческими инстинктами, амбициозный и напористый, превосходящий своих коллег.

Министерство Бриссотена было хорошо оснащено талантами и предназначалось для ведения войны, за что ассамблея проголосовала 20 апреля. К этому шагу постепенно привел ожесточенный обмен дипломатическими мнениями. Теперь, когда война разразилась, выяснилось, что в нее вовлечены не только Австрия, но и другие державы. Король Пруссии, не желая позволять Австрии изображать из себя единственного защитника германских князей Рейнской области, в августе 1791 года присоединился к императору в Пильницкой декларации, угрожая Франции принуждением. Теперь он действовал в соответствии с этим и вступил в войну как союзник императора. Леопольд умер в марте, и ему наследовал его сын, племянник Марии-Антуанетты, Франциск II.

Для участия в конфликте Франция сформировала три армии, которые находились под командованием Рошамбо, Лафайета и Лакнера. Они были малочисленны, поскольку крепости поглотили многие тысячи человек, и не готовы к войне. Союзники сосредоточили свои войска в окрестностях Кобленца. Командование было поручено герцогу Брауншвейгскому, и к концу июля он усовершенствовал приготовления к походу на Париж с австро-прусской армией численностью в 80 000 человек.

Начало войны еще больше разожгло политическое возбуждение Франции. В апреле был проведен фестиваль, или демонстрация, в честь солдат швейцарского полка Шатовье, ныне освобожденных с галер. Гневные протесты возникли со стороны умеренных, что стало отголоском голосования ассамблеи с выражением благодарности Буйе за подавление мятежников шестью месяцами ранее. Эти протесты, однако, остались без внимания, поскольку якобинцы теперь были фактически хозяевами Парижа. Они не только контролировали публичные галереи собрания, но и получили большинство в коммуне и закрепили за Мануэлем и Дантоном юридические должности *прокурора и заместителя*.

В мае между королем и его министрами возникли трудности, отчасти вызванные повторным применением права вето. 12 июня министры были отстранены от должности и заменены умеренными или файетистами, Дюмуре отправился в армию, чтобы заменить Рошамбо. Партия Бриссотена, разъяренная этим поражением, решила устроить чудовищную демонстрацию против короля 20 июня.

20 июня 1792 года было одним из величайших дней революции, но в целом это было не столько восстание, сколько демонстрация. Из двух крупнейших предместий рабочего класса, Сент-Антуанского и Сен-Марсо, вышли процессии рыночных носильщиков, рыночных торговцев, грузчиков угля, рабочих, горожан, с отрядами национальной гвардии тут и там. Сантер, популярный пивовар и командующий национальной гвардией, казался лидером; но в процессии не было заметно никаких признаков применения насилия. Несли букеты и транспаранты с различными надписями, такими как: "Мы хотим союза!" "Свобода!" Один из самых крайних сказал: "Предупреждение Людовику XVI: народ, уставший от страданий, требует свободы или смерти!"

Собранию была шумно представлена петиция, в которой заявлялось, что король должен соблюдать закон и что, если он несет ответственность за продолжающееся бездействие армий, он должен уйти. Затем толпа хлынула ко дворцу, была отеснена несколькими лояльными батальонами национальной гвардии; но вскоре взломала одни из ворот и неудержимо хлынула внутрь. {138} Последовала беспорядочная сцена.

Король сохранял хладнокровие и достоинство. В течение четырех долгих часов толпа протискивалась через дворец, толкая короля и королеву, оскорбляя их. Несколько национальных гвардейцев, несколько членов ассамблеи попытались обеспечить Людовику хоть какую-то защиту. Но он был практически окружен и беспомощен. Что спасло его, так это хладнокровие, здравый смысл и тот факт, что не было намерения причинить ему телесные повреждения, за исключением некоторых групп, слишком незначительных, чтобы дать о себе знать. Чтобы угодить жителям предместья, Людовик согласился надеть на голову красную кепку "либерти" и опорожнить бутылку вина в знак братства. Наконец Верньо и Петтиону удалось эвакуировать людей из дворца, и убийство Людовика, которого многие опасались, а некоторые надеялись, было предотвращено.

[1] Здесь нет возможности адекватно обсудить содержащееся в декларации положение о том, что каждый гражданин имеет право участвовать в принятии законов. Этот пункт, по-видимому, противоречит тому, что я сказал выше. Мое объяснение расхождения основано на следующем: декларация представляет собой сильно усложненный документ, составившийся в течение многих месяцев и не логичный во всех моментах. Упомянутый здесь пункт я объясняю как прямое эхо выборов в Генеральные штаты; он был составлен одним из первых; его точное значение вскоре было упущено из виду, а его непоследовательность осталась незамеченной.

{139}

ГЛАВА X

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА

Событие 20 июня было подобно молнии, сверкнувшей во тьме. Люди мгновенно поняли, где они находятся. Умеренные, лояльные, разумные люди, пораженные опасностью, исходящей от короля, страдающие от унижения, которому он подвергся, боящиеся правления толпы и насилия толпы, сплотились вокруг трона, подписали петиции протеста против этого события. Сам Людовик, понимая, что его жизнь в опасности, обратился с воззваниями как к ассамблее, так и к своему народу.

Первый ответ на обращение короля, непрошенный и неоцененный, пришел из Лафайета. Получив известие о событии 20-го числа, он покинул свою штаб-квартиру и прибыл в Париж 28-го. Он обратился к ассамблее и сплотил центр, по-прежнему реагируя, если удастся найти лидера. Затем он начал согласовывать меры по установлению контроля над городом с помощью национальной гвардии. Однако на этом этапе его план провалился. Двор {140} не поддержал бы его, король был слишком благоразумен, королева - слишком невежлива. Говорят, что сама Мария-Антуанетта в своей яростной неприязни к Лафайету выдала Петиону секрет относительно предполагаемого использования национальной гвардии; и это оказалось роковым. Сдерживаемый действиями мэра и якобинцев, не поддержанный Тюильри, Лафайет был вынужден отказаться от своих усилий.

Последовала еще одна попытка. Департамент Сены под председательством Ларошфуко попытался утвердить свою конституционную власть над большим городом, расположенным в его пределах. Он проголосовал за отстранение от должности Петиона, мэра Парижа, и Мануэля, его прокурора, за неисполнение служебных обязанностей и неспособность поддерживать порядок 20 июня.

Действие Ларошфуко по отстранению Петиона от должности произошло 7 июля, в момент, когда ожидалось наступление герцога Брауншвейгского и когда национальное возбуждение имело тенденцию подавить реакцию роялистов. Теперь эта реакция была сдержана. Якобинцы были полны решимости использовать давление толпы в любой степени, которая была необходима для достижения их цели. 11-го они провели через ассамблею декларацию о том, что страна в опасности, а два дня спустя провели голосование, отменяющее {141} действия департамента и восстанавливающее Петиона в должности.

Брожение теперь неразрывно связывало военную лихорадку и действия против короля. В армию записывались добровольцы. Национальные гвардейцы были вызваны из провинций, чтобы возобновить федерацию 1791 года, и буйная часть агитаторов увидела в этих национальных гвардейцах средство для свержения королевской власти. Демонстрация, организованная лучше, чем 20 июня, и вооруженная, могла бы избавить Францию от инкубатора бурбонов. Подготовка к такой демонстрации была начата немедленно.

Среди провинциальных войск, собранных сейчас в Париже или марширующих к нему, не было более примечательного подразделения, чем батальон из 300 марсельцев. Подобно вихрю патриотических чувств, они пронесли по Франции, волоча за собой пушку, из которой намеревались постучать в ворота Тюильри, распевая новую песню Руже, которая навсегда будет ассоциироваться с названием их собственного города. Эти марсельцы были яркими республиканцами, и при оценке политической ситуации того момента это является одним из важнейших моментов. Парижские патриоты в целом были гораздо менее республиканскими, чем провинциальные. {142} Среди людей, организовавших новую демонстрацию, большая часть хотела не чего иного, как избавиться от Людовика, от исполнительного чиновника, которого они считали вероломным и тайно состоявшим в союзе с врагом. О том, что должно прийти после него, они не слишком задумывались. В формировании этого общественного мнения большую роль сыграли личные действия Робеспьера. Робеспьер, который боялся, что война откроет новые возможности для солдата, видел в республиканизме всего лишь триумф Кромвеля; для него Лафайет был ощутимой опасностью, а слово "*республика*" - пустой формулой. И вот, имея все более широкое влияние, несмотря на свое неприятие войны, он

неуклонно проповедовал доктрину о том, что форма правления ничего не значит до тех пор, пока обеспечивается гражданское, социальное и политическое равенство.

На параде, состоявшемся 14 июля, — марсельцы еще не прибыли, — не было криков *"Да здравствует король"*, и ни одного из *"Да здравствует республика"*, но *да здравствует нация* было принятой формулой. Однако в тот же самый момент Бийо-Варенн, один из самых передовых якобинцев, обратился к Клубу с речью в пользу республики; и *федерация* сформировала центральный комитет, который 17-го числа обратился к собранию с петицией об отстранении короля от должности. Для дальнейшей поддержки движения были созданы секционные комитеты, которые заседали непрерывно и перешли под контроль организации.

30 июля Брауншвейг пересек границу; о продвижении его колонн было объявлено прокламацией или манифестом. В этом документе он объявил народу Франции, что прибыл в страну как союзник их суверена и с целью совершить над Парижем *"образцовую и никогда не забываемую месть"*. ... военная казнь и тотальная подрывная деятельность" и о предании *"виновных мятежников смерти, которую они заслужили"*. Копии манифеста достигли Парижа 3 августа и вступили в силу немедленно. Высказывания прусского генерала показались Людовику настолько невероятными, что они были немедленно опровергнуты как подделка. Людям они подтвердили подозрение, которое терзало их в течение долгих трех лет, которое было отравлено всем ядом Марата. Поднялся вопль проклятия, вопль не против Брауншвейга, а против обитателей Тюильри; и в этом все громче всего звучали голоса марсельцев, которые только что достигли города.

{144} Неизбежный результат последовал всего за одну неделю, неделю, потраченную народными лидерами на подготовку. В час ночи 10 августа делегаты секций встретились в Отель де Вилль и взяли под свой контроль город. К этому органу присоединились, среди прочих, Дантон, Марат и Эбер, и из них Дантон больше, чем кто-либо другой, представлял движущую силу. Был отдан приказ бить в набат. Весь Париж знал о приближающемся движении и понял сигнал.

В Тюильри велись приготовления к сопротивлению. Маркиз де Мандат взял на себя руководство обороной. У него было около 1500 хорошо подготовленных национальных гвардейцев из западных районов или районов среднего класса и около 1000 отличных швейцарских пехотинцев из личного состава королевского двора. Их он разместил с выгодой для себя, охраняя дворец и мосты через Сену на юге. Некоторое время все шло хорошо. Восстание начиналось медленно, и когда оно докатилось до мостов, мушкетеры Мандата легко сдержали его.

Повстанческая коммуна теперь поняла, что Мандат является серьезным препятствием, и приступила к работе по его устранению. По своему официальному статусу командира национальной гвардии он находился {145} в ведении мэра, поэтому Петиона заставили написать письмо, приказав ему явиться в Отель де Вилль. Мандат отказался подчиниться. Атака все еще велась огнем. Приказ был повторен. Мандат на этот раз слабо позволил убедить себя подчиниться. Он направился в Отель де Вилль и был зарезан на лестнице бандой повстанцев.

После того, как защита потеряла своего генерала, и на сцену хлынул дневной свет, события развивались быстро. Национальная гвардия во дворце не могла оставаться на своих постах в отсутствие своего начальника и в присутствии растущего числа нападавших. От обороны

мостов пришлось отказаться, и швейцарцы отступили во дворец. Последовало затишье, пока восстание собирало силы для нападения на сам Тюильри.

Во время этого затишья, в половине девятого, Людовик со своей семьей покинул дворец. Он считал сопротивление бесполезным; он боялся, что может начаться резня; он, как всегда, испытывал отвращение к кровопролитию; и поэтому был убежден, что лучшим выходом для него было бы искать убежища в ассамблее.

Как только Людовик уехал, на дворец было совершено настоящее нападение. Швейцарцы ответили ружейным огнем, совершили вылазку, атаковали повстанцев {146} и прогнали их через Карусель; затем они вернулись и вскоре получили письменный приказ короля, предписывающий им не стрелять. Это на мгновение парализовало оборону. Повстанцы, возглавляемые провинциальными *федерациями*, еще не были разбиты, но снова перешли в атаку. Несколько полевых частей, которые у них были, взломали двери дворца, последовало ожесточенное сражение, и вскоре повстанцы закрепились. То, что последовало, было резней. Многие швейцарцы были убиты в коридорах и комнатах дворца. Другие были убиты мушкетерами при попытке к бегству через сады Тюильри. Нескольким удалось убежать и укрыться в ближайшей церкви, но там их настигла народная ярость и зарезала. Гнев народа был необузданным, а успех превратил его в свирепость, даже скотство. Тела швейцарцев были зверски изуродованы.

В то время как торжествующие повстанцы разграбляли дворец и творили свои зверства над несчастными швейцарцами, Людовик и его семья оставались невредимыми в собрании. Они должны были оставаться там в течение трех дней, пока решалась их судьба и находилось для них временное жилье. Ситуация на самом деле была такова, что ни одна партия еще не была {147} вполне готова к уничтожению самого короля, только королевской власти. Собрание, которое годом ранее заняло позицию, согласно которой король необходим для конституции, теперь фактически отказалось от нее, и Коммуна, хотя и пошла гораздо дальше собрания, все еще не была готова нанести удар по Людовику. Но он действительно требовал опеки королевской семьи, и после трехдневной борьбы ассамблея уступила. 13 августа королевская семья была заключена в Тампль, небольшую средневековую темницу в центральном квартале Парижа.

Только около трехсот членов ассамблеи присутствовали, чтобы встретить бурю лицом к лицу, когда Людовик искал убежища в ее гуще. Верньо был президентом. Вскоре коммуна направила запрос о том, чтобы собрание сместило короля. В этой связи Верньо предложил промежуточный курс; ассамблея могла бы отстранить короля от его функций и создать конвент для решения конституционного вопроса, возникшего в связи с приостановлением полномочий исполнительной власти; тем временем министры, избранные ассамблеей, должны были бы составить временный исполнительный совет. Эти предложения были приняты, и был избран Исполнительный совет; в него вошло большинство членов министерства Бриссотена, но с новым членом. Лидером опроса был Дантон, и Дантон был назначен министром юстиции.

Дантон теперь ясно предстает как человек ситуации. Народ восторжествовал, и Дантон был государственным деятелем народа. Он преодолел пропасть между коммуной и собранием. Он дал волю народному гневу и уничтожил всякое антинародное влияние и попытался, встав во главе этого потока, направить его против великой внешней опасности, угрожавшей Франции.

11 августа ассамблея постановила ввести в действие всеобщее избирательное право для выборов в конвент. Большие полицейские полномочия были переданы Коммуне, к которой теперь присоединился Робеспьер; и были приняты законы, направленные против тех, кого подозревали в симпатиях к наступающей армии или к Людовику. *Номинальная апелляция* была введена в действие во многих секциях, и Дантон задействовал механизм своего министерства, чтобы усилить эти меры, использовать их для устрашения умеренных, для удовлетворения народных подозрений против аристократов, для оказания давления на выборы. Предварительные выборы должны были начаться 27 августа, выборы в Париже {149} - 2 сентября; собрание выборщиков для выдвижения кандидатов в депутаты от Парижа должно было состояться 5 сентября.

Тем временем колонны брауншвейгцев неуклонно и методично продвигались по холмам Лотарингии, через пограничный пояс крепостей. Французские армии на своем фронте были малочисленны, еще слабее они были в руководстве. Лафайет, который пытался подтвердить конституцию, услышав о событиях 10 августа, счел благоразумным переехать границу, когда уполномоченные ассамблеи добрались до его лагеря; союзники захватили его в плен и оставляли у себя в плену много лет. 20-го числа прусские орудия открыли огонь по Лонгви; 23-го он сдался. 30-го началась осада Вердена, Вердена, до которого Людовик был так близок годом ранее. Общеизвестно было, что крепость не выдержит больше нескольких дней. Между ним и Парижем была только Аргонна, несколько миль холмистых перевалов, а затем 100 миль открытой местности.

Неуклонное наступление Брауншвейга привело Париж в состояние, близкое к бреду. Когда весть о падении Лонгви достигла города, экстремисты, их аппетиты были подогреты {150} резней швейцарцев, они начали планировать массовое убийство политических заключенных, роялистов, подозреваемых. 28 августа Дантон, летящий на крыльях бури, обратился к властям коммуны с просьбой провести выезды по месту жительства с целью ареста подозреваемых. Это право было предоставлено, и через три дня тюрьмы были переполнены, священники и титулованные лица были специально отобраны для ареста.

К 1 сентября Париж был готов ответить герцогу Брауншвейгскому, был готов к удару, который должен был уничтожить контрреволюционеров, который должен был вселить ужас в сердца всех врагов народа. Но ужасность содеянного отсрочила его исполнение. День прошел в сильном возбуждении; в любой момент могли прийти известия о падении Вердена — это могло послужить сигналом к взрыву народного гнева.

2-го числа все еще не было никаких известий о Вердене, но этот момент нельзя было больше откладывать. Ночью были сделаны приготовления. Были приглашены люди для проведения народной казни; некоторым предложили плату. Лидеры были полны решимости довести свое предприятие до конца. В собрании Дантон гремел с трибуны: {151} "Верден еще не сдался. Одна часть народа пойдет маршем к границе, другая возведет укрепления, а остальные будут защищать наши города с пиками. Париж поддержит эти великие усилия. Ассамблея станет военным комитетом. Мы требуем, чтобы тот, кто откажется служить, был наказан смертью. Набат, который вы сейчас услышите, не является сигналом тревоги; это призыв к обвинению врагов нашей страны. Чтобы победить их, мы должны быть смелыми, еще более смелыми и еще более дерзкими, и Франция будет спасена".

По приказу Дантона зазвонил набат; зазвучали сигнальные ружья; барабанщики разбудили эхо улиц и площадей, и вскоре акт величайшей дерзости и величайшего ужаса начал воплощаться в жизнь. У тюрем собирались толпы. Группы ворвались внутрь. Более или менее импровизированные комитеты вступили во владение, и началась резня.

Сентябрьская резня - одно из самых зловещих событий революции, поэтому романисту легче разобраться с ней, чем историку. Ее ужасы не вызывают сомнений. В какой-то момент, в Бисетре, убийства продолжались до позднего вечера 6-го, почти четыре дня. {152} Общее число жертв было очень большим, возможно, от 2000 до 3000 человек. Во многих местах резня была беспорядочной, сопровождалась безымянным варварством, совершаемым бандами жестоких головорезов, которые вскоре опьянели от запекшейся крови и вина. Но наряду с этими аспектами были и другие, которым было труднее отдать должное, но тщательное взвешивание которых необходимо, если мы хотим получить какую-либо справедливую оценку события.

Массовая резня была совершена небольшим количеством людей, всего, возможно, двумя-тремя сотнями, и значительная часть из них, несомненно, действовала в духе слепой политической и социальной ярости и в уверенности, что они совершают акт правосудия. Большая масса граждан одобрила массовые убийства, образовав толпы у дверей тюрьмы. Что касается этих толп, то есть два характерных факта. Во-первых, в первый день они были большими и возбужденными и оказывали ту моральную поддержку, без которой массовые убийства вряд ли могли быть осуществлены. После первого дня они быстро пошли на убыль, а к концу третьего дня всякая народная поддержка иссякла, и чувство ужаса охватило город и вытеснило все остальное. И снова толпа, столпившаяся у дверей тюрьмы {153}, проявила заметное отношение. Многие заключенные, те, кому посчастливилось сойти за добропорядочных граждан и друзей народа, были освобождены. Когда они вышли, толпа встретила их со всеми признаками радости и братства. Когда же, напротив, это была жертва, вышедшая на заклание, стояла тишина, ни криков, ни ликования.

Другими словами, для большинства это событие было актом народного правосудия, и именно такой вид оно имело, даже если смотреть на него изнутри тюрем. В л'Аббае Майяр председательствовал в самозваном трибунале, и невозможно сомневаться в том, что всякий раз, когда он был убежден, что заключенный заслуживает свободы, он пытался обезопасить свою жизнь. Наиболее показателен случай Сен-Меара, аристократа, полковника, у которого хватило здравого смысла и мужества прямо обратиться к судьям, признав себя роялистом, но убедив их, что он не принимал участия в контрреволюционных заговорах. Майяр заявил, что не видел в нем ничего дурного; он был оправдан, и толпа по-братски обняла его, когда он благополучно миновал роковую дверь.

Не всем повезло в Сен-Меарде. Случай с принцессой де {154} Ламбаль в Ла Форс должен послужить тому, чтобы показать эту кровавую главу с худшей стороны и закрыть ее. Долгое время являясь другом, наперсницей и агентом королевы, она последовала за ней в Храм и была увезена оттуда всего несколько дней назад. Она была слишком хорошо известна и находилась слишком близко к Марии-Антуанетте, чтобы иметь хоть какой-то шанс на спасение. В обморочном состоянии ее притащили к трибуналу, и вскоре она была передана палачам. Маловероятно, что она хорошо осознала, что за этим последовало. Банда убийц в тот момент была мясниками Халлов, и они, очевидно, обращались со своей жертвой так, как если бы их привели на убой к животному. Ее отнесли под руки туда, где скопилось груда тел, и, мгновенно

подготовившись, разделали в техническом смысле этого термина. Ее голову насадили на пику, как и другие части ее расчлененного тела, и с триумфом пронесли, чтобы выставить под окнами заключенных в Храме.

Верден пал 2 сентября, в тот самый момент, когда Дантон объявил о продолжении сопротивления. 5-го герцог Брауншвейгский возобновил свой поход на Париж, и {155} в тот же день выборщики этого города встретились и выбрали двадцать депутатов конвента; их выбор был обусловлен тем фактом, что массовые убийства все еще продолжались. Во главе списка стоял Робеспьер; следующим был Дантон; среди прочих можно отметить Камилла Демулена, Марата и, наконец, герцога Орлеанского, который несколькими днями позже изменил свое бурбонское имя на Филипп *Эгалитэ*.

По всей Франции избирательный процесс везде давал примерно одинаковый результат. Менее одной десятой избирателей воспользовались своим избирательным правом; и крайняя партия добилась больших успехов. К середине сентября новые депутаты добрались до Парижа. *Законодательный орган* в свои последние минуты был слабым и недостойным. Марат пригрозил ей расправой и заявил, что ее члены такие же враги страны, как и заключенные аристократы. Под этой угрозой Законодательный орган наблюдал за сентябрьской резней, не подняв руки, чтобы защитить своих несчастных жертв. Дантон сделал то же самое. Как министр юстиции, заключенные и трибуналы находились в его особом ведении. Но хотя он, возможно, способствовал побегу некоторых людей, и хотя он не принимал прямого участия, все же он верил, что никакое правительство не может быть установлено достаточно сильным, чтобы спасти Революцию в такой кризисной ситуации, какой она достигла, кроме как заплатив эту кровавую дань подозрительности, мести, жестокости, справедливости народа. Он осмелился заплатить эту цену, а позже он, и только он, осмелился взять на себя ответственность.

{157}

ГЛАВА XI

КОНЕЦ МОНАРХИИ

20 и 21 сентября 1792 года состоялось заседание Конвента, монархия Бурбонов пала, а герцог Брауншвейгский потерпел поражение - стечение памятных событий.

Брауншвейг, продвигавшийся от Вердена к ущельям Аргонны, имел против себя две армии, пытавшиеся остановить его продвижение; одна под командованием Дюмуре, другая под командованием Келлермана. Однако он пробил себе дорогу, но на дальней стороне, у холмов Вальми, ему пришлось столкнуться с объединенными армиями своих противников. Брауншвейг теперь был сильно ослаблен болезнью и сильно беспокоился о припасах и удлиняющейся линии коммуникаций. Малодушно он развернулся для атаки. Дюмуре на мгновение остановил его умелой расстановкой своей превосходящей артиллерии. Но если бы вперед была послана великолепно обученная прусская пехота, казалось, что результат не мог долго вызывать сомнений. {158} Брауншвейг методично и медленно готовился к атаке, но как раз в тот момент, когда она должна была быть нанесена, Дюмуре, угадав колебания своего противника, навязал ему атаку. Проезжая со своим штабом вдоль французского фронта, он надел шляпу на острие шпаги и поехал вперед, распевая Марсельезу. Вся его армия, подхватив припев, двинулась навстречу врагу; и Брауншвейг немедленно занял оборонительную позицию, которую он сохранял до конца сражения. Шаткие батальоны и наполовину обученные добровольцы Дюмуре внезапно показали тот факт, что они были национальной армией и что они обладали самым грозным военным оружием - патриотизмом. Это было новшеством в военном деле 18 века, новшеством, которое должно было привести к некоторым заметным победам. При Вальми это привело к тому, что пруссаки отступили с поля боя, на котором они оставили всего несколько десятков убитых. Вскоре после этого Брауншвейг начал отступление, которое должно было привести его обратно к Рейну.

На следующий день после Вальми собрался Конвент. Крайних якобинцев, которых вскоре за их места в ассамблее будут называть Горой, насчитывалось около пятидесяти. Дантон и {159} Робеспьер были двумя наиболее заметными; среди их непосредственных сторонников, до сих пор не упомянутых, можно отметить Карно, Фуше, Тальена и Сен-Жюста. Гораздо более многочисленная группа, костяк которой составляли умеренные якобинцы, была склонна обращаться к Бриссо за лидерством и обычно описывается как жирондисты. Это название произошло от небольшой группы депутатов Жиронды, которая представляла, возможно, лучше, чем кто-либо другой, лучшую силу провинциального либерализма, но в то же время восстала против терроризма, массовых убийств и превосходства Парижа. Однако за последние шестьдесят лет термин "жирондисты" вошел в обиход как обозначение всех тех позитивных политических элементов в Конвенте, которые пытались бороться против Гор за лидерство и против Парижа за умеренное и национальное правительство. Среди жирондистов можно отметить Бриссо, Верньо, Кондорсе; и англо-американского ветерана республиканства Тома Пейна. Между Горой и Жирондой сидел Плейн, или Марэ, как его называли, эта ни к чему не обязывающая часть палаты представителей, самая многочисленная, но самая слабая по моральному мужеству, где заседали такие люди, как Баррас, Барер, Камбон, Грегуар, Ланжуине, Сийес. Это были люди, которые в основном дрейфовали и, когда Гора восторжествовала, бросили в нее много более или менее искренних рекрутов.

Первое дело нового собрания было неотложным; оно не вызвало особых разногласий. Конституционный вопрос должен быть решен, и поэтому немедленно проведенное голосование провозгласило падение монархии. Однако даже в этот момент не было энтузиазма в отношении республики, и не было официального заявления о том, что Франция принимает этот режим. И все же на самом деле она это сделала; и на следующий день Конвент в дальнейших декретах признал существование Республики установленным фактом.

Однако был вопрос, еще более животрепещущий, потому что более дискуссионный, чем падение монархии; и это были массовые убийства, а за массовыми убийствами - политика партии, которая их приняла. Подавляющее большинство депутатов, прибывших в Париж из провинции, были поражены ужасом. Ланжуине сказал: "Когда я прибыл в Париж, я содрогнулся!" Бриссо и жирондисты руководствовались этим чувством собрания в своей политике. Они заняли позицию бескомпромиссного осуждения сентябрьцев и попытались лишить их влияния {161}. Для достижения этой цели им, помимо прочего, пришлось превзойти своих соперников за народную поддержку, и так получилось, что многие из них, которые в глубине души были конституционными монархистами, заняли твердую республиканскую позицию, которая выходила за рамки их реальных убеждений.

Жирондисты атаковали немедленно. Поведение Коммуны, секционных комитетов было поставлено под сомнение. Заняв свое место, Марат подвергся яростному нападению, которое едва не закончилось настоящим насилием. Но он заполнил галереи своими сторонниками, выступил с резкими репликами в *Ami du peuple*, и ему удалось выдержать бурю. Но Конвент согласился с тем, что комитет из шести человек должен провести расследование и что охрана из 4500 человек должна быть привлечена из департаментов по охране Конвенции. Это было достойное начало, но все закончилось, как и началось, словами. Париж ответил жирондистам делами.

Предложение ввести вооруженные силы из департаментов вновь привело Париж в ярость. Бриссо был исключен из якобинского клуба. Многие секции представили петиции, протестующие против ведомственной охраны. Но какое-то время умеренные стояли на своем, даже, казалось, немного выиграли. {162} Обращения продолжали поступать в ассамблею из департаментов, протестующих против господства Парижа. В город прибыли небольшие отряды лояльных национальной гвардии; и в ноябре, на проходивших выборах мэра Парижа, хотя на избирательные участки пришло очень мало избирателей, якобинцам не удалось выдвинуть своего кандидата. Это должно было стать их последним поражением перед 9-м Термидором.

Именно в этот момент произошел знаменитый инцидент с железным сундуком. Во время обысков во дворце Тюильри был обнаружен и взломан сейф. Ролан передал на хранение палате представителей пачку бумаг, найденных в этом сейфе, и среди этих бумаг были счета с указанием сумм, выплаченных Судом Мирабо и другим членам ассамблеи. Это привело к большому насилию над Мирабо, чье тело было вынесено из Пантеона, где оно было торжественно предано земле, а также к большому политическому давлению на депутатов, которые либо были обвинены, либо боялись быть обвиненными.

Многие молодые жирондисты теперь постоянно собирались у мадам Ролан, и их отвращение к Горе усиливалось и идеализировалось энтузиазмом их очаровательной хозяйки. Луве, блестящий, амбициозный, горячий человек, бросился в конфликт и 29 октября разразился ужасной филиппикой против Робеспьера. Как ораторское искусство она была успешной, но не имела политического эффекта. После их неудачного выступления против Марата у жирондистов не было никаких шансов на успех в борьбе против Робеспьера, если их слова не приводили к немедленным действиям, если их партия не была сплоченной и организованной, если у них не было каких-либо средств для достижения практического результата. Во всем этом они потерпели неудачу. Робеспьер получил отсрочку, чтобы подготовить свой ответ, а затем продуманная речь и переполненные залы одержали победу над непродуманной атакой Луве.

Гора пережила первые штормы. Вскоре она смогла использовать вопрос о короле как средство отвлечь внимание от массовых убийств и дать партии почву, на которой она могла надеяться встретиться с Жирондой на более равных условиях. Ибо любая попытка умеренности со стороны жирондистов могла быть встречена обвинением в завуалированном роялизме, в антипатриотизме, и такое обвинение в тот момент было самым тяжким, какое только могла понести партия или отдельный человек.

Конвент, согласившись с тем, что он рассмотрит вопрос о Луи, и назначив с этой целью комитет, заслушал отчет своего комитета 3 ноября. {164} Из этого следовало, что против Людовика можно выдвинуть множество обвинений; но каков был суд, в котором можно было рассматривать такие обвинения? Ответ мог быть только один. Только народ Франции мог судить Людовика, и Конвент стоял на стороне народа. Последовали длительные дебаты по этим вопросам, и речь Робеспьера, речь, в которой он был почти единственным, кто придерживался логического взгляда на ситуацию, стала, пожалуй, самым замечательным результатом. Робеспьер сказал: "Ассамблея была оттянута на второстепенные вопросы. Здесь не может быть и речи о судебном иске. Луи не обвиняемый; вы не судьи, вы всего лишь представители нации. Не вам выносить приговор, а вам принимать меры в интересах национальной безопасности.... Людовик был королем, и возникла республика; замечательный вопрос, который вы обсуждаете, разрешен этими словами. Людовик был свергнут с престола за свои преступления; Людовик обвинил народ Франции в мятеже; он призвал на помощь для наказания его армии своих братьев-тиранов; победа и народ решили, что он один является мятежником; следовательно, Людовика нельзя судить, потому что его уже судили. Он {165} подлежит осуждению, а если нет, то республика не подлежит оправданию.... Ибо, если Людовик может быть предметом судебного иска, Людовик может быть признан невиновным.... Народ судит не так, как судебный орган; он не выносит приговора, он пускает в ход молнию".

В тот же день, 3 декабря, не приняв точку зрения Робеспьера, Конвент проголосовал за то, чтобы король предстал перед судом. Жиронда, чувствуя, что течение теперь быстро приближает ее к катастрофе, предприняла слабую попытку изменить его направление, настаивая на том, чтобы обратиться с призывом к стране. Это не удалось, и неделю спустя Людовик предстал перед ассамблеей.

Королевская семья содержалась в Храме в очень строгих условиях. Чиновники коммуны, в чье ведение они были переданы, были по большей части людьми низших классов, жестокими, высокомерными, подозрительными и несколько подавленными ответственностью и страхом перед возможными попытками спасения. В этих условиях королевская семья жестоко страдала и, несмотря на страдания, быстро начала восстанавливать некоторые позиции, которые они утратили, пока фортуна улыбалась. Несмотря на оскорбление, королевское достоинство отстояло себя, и в невзгодах простота и {166} доброта Людовика довольно внезапно стали казаться чем-то не столь уж далеким от святости; таково отношение окружения и фона к эффекту, производимому жизнью и характером человека.

Перед Конвентом, 11 декабря, Людовик, кроткий и исполненный достоинства, с некоторым замешательством выслушал длинный список так называемых обвинений, из которых наиболее заметным было обвинение его в соучастии с Буйе в заговоре против его подданных и в нарушении присяги конституции. Когда его спросили, какой ответ он должен дать, он отверг обвинения и потребовал времени для подготовки защиты и получения юридической помощи.

Это было удовлетворено, и был объявлен перерыв. Из всего этого следует, что Людовик принял ложную почву, которую выделил для него Конвент, и ему не хватало логического чутья Робеспьера.

Во время перерыва, длившегося две недели, жирондисты предприняли еще одну попытку обойти этот вопрос, передав суд над королем электорату. За ними стояла огромная масса мнений. Департамент Финистерр принял резолюции с требованием отстранения от должности Марата, Робеспьера и {167} Дантона; он обратился к соседним департаментам с просьбой объединить их вооруженные силы и направить их в Париж. Даже с помощью таких демонстраций, призванных укрепить свои позиции, жирондисты находились в слишком ложном положении, были слишком много ораторами, а не людьми действия, чтобы спастись; Париж неумолимо принуждал их к выполнению ненавистой задачи.

26-го суд был возобновлен и, за исключением судебного решения, завершен. Луи отвечал за Сантерр, командуя национальной гвардией Парижа. Его защитники, Малешерб, Тронше и де Сез, мужественно и умело исполнили свой долг, после чего король был удален, а Конвент превратился в беспорядочное и шумное собрание, на котором публичные галереи добавляли шума не меньше, чем сами участники.

Последовали новые дебаты, очередь до которых дошла 3 января. В тот день Барер, самый проникательный из тех, кто сидел в центре, чутье всех улавливавший дрожь соломинки, которая показывала, в какую сторону вот-вот разразятся общественные страсти, взошел на трибуну и высказал свое мнение. Палата представителей с тревогой прислушалась к словам оракула о моральной трусости и услышала, как этот оракул провозгласил {168} уничтожение короля как меру общественной безопасности. С этого момента все попытки спасти его были тщетны.

Жирондисты не ограничились многочисленными попытками переложить ответственность судить на основании Конвенции на плечи народа. Через три дня после выступления Барера Дюмуре прибыл в Париж. Как Лафайет несколькими месяцами ранее, так и Дюмуре сейчас выглядел человеком со шпагой, которого так боялся Робеспьер, успешным солдатом, готовым обратить Революцию в свою пользу, а если не в свою, то в пользу своей партии, жирондистов. В течение более чем двух недель Дюмуре оставался в городе, обдумывая какие-либо средства спасения короля, но его постоянно сдерживали якобинцы, которые через военного министра Пашу сохраняли контроль над артиллерией и войсками под Парижем.

15 января Конвент приступил к голосованию в обстановке сильного волнения. Был ли Людовик виновен? И если да, то каким должно быть его наказание? Шестьсот восемьдесят три члена проголосовали "за" по первому вопросу. Триста шестьдесят один проголосовал за смертную казнь. Примерно столько же опровергли это в различных формах, наиболее популярной из которых была та, в которой говорилось о {169} тюремном заключении или ссылке, которые в случае вторжения заменялись смертной казнью. Верньо, как председатель, в конце заседания, длившегося 36 часов, объявил приговор Конвенции смертной казнью.

19 января была предпринята последняя попытка. Было предложено ходатайство об отсрочке, но оно было отклонено 380 голосами против 310; и затем Конвент назначил 21-е число днем казни короля. В этот день Людовик, соответственно, отправился на эшафот. Гильотина была установлена на огромном открытом пространстве, известном в разные эпохи как Площадь Людовика XV, Революции и Согласия. Людовик, после трогательного прощания со своей

семьей и после признания в том, что он считал своими грехами, был изгнан из Храма к месту казни; он был одет в белое. Улицы были запружены людьми. Национальная гвардия была в полном составе, и когда Луи с трибуны попытался заговорить, Сантерр приказал своим барабанам загреть. Мгновением позже голова короля Людовика XVI упала, и многие скорбящие роялисты в своих сердцах поклялись в верности восьмилетнему мальчику, заточенному в тампле, который для них был королем Людовиком XVII.

{170}

ГЛАВА XII

ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ

Исчезновение Людовика XVI со сцены оставило Гору и Жиронду лицом к лицу вести борьбу своих фракций, битву на ножах; в то время как Франция со своими армиями более благородно вела свою более масштабную борьбу на границе. Там некоторое время после Вальми все процветало. Брауншвейг отступил к Кобленцу. Французская армия под командованием маркиза де Кюстина захватила всю Рейнскую область вплоть до Майнца. Дюмурье, переведенный из Арденн на бельгийскую границу, вторгся в Австрийские Нидерланды. 6 ноября он одержал значительную победу при Джеммаппесе, и к концу декабря он контролировал большую часть провинции.

Конвент, воодушевленный этими успехами, издал декреты, провозглашающие крестовый поход против европейских тираний и пропагандирующие принципы свободы. Но на практике французское вторжение, как правило, не привело к очень поучительным результатам. {171} Генералы и солдаты немилосердно грабили, чтобы компенсировать дезорганизацию собственной службы и нехватку жалованья, и даже французское правительство возложило расходы на войну на страны, которые должны были поддерживать ее ужасы.

Завершение 1792 года ознаменовалось периодом успеха. Однако с началом 1793 года маятник качнулся назад. Вокруг Франции собрались новые враги. Сардиния, провинция Савойя которой подверглась вторжению, теперь располагала значительной действующей армией. Через короткие промежутки времени после казни Людовика к коалиции присоединились Англия, Голландия, Испания. И Конвент беззаботно принял это нарастание войны. Чтобы противостоять буре, он назначил в январе комитет общей обороны из двадцати пяти членов; но один Дантон справился бы лучше, чем двадцать пять. Пока шел суд над королем, он искал поддержки в ассамблее в проведении конструктивной политики. Он протянул руку помощи жирондистам;

они отказались, и Дантон снова повернулся к Горе, вынужденный выбирать между двумя фракциями ту, которая в данный момент была готова действовать вместе с ним.

{172} В течение февраля и в марте военная ситуация продолжала ухудшаться, и Гора неоднократно атаковала Жиронду. 5 марта в Париж пришла весть о том, что австрийцы захватили Экс-ла-Шапель и что французский генерал Миранда был вынужден бросить свои пушки и отступить из-под Маэстрихта, который он осаждал. Дантон, который находился на севере, организовав присоединение Нидерландов к Франции, немедленно отправился в Париж. 14-го числа столица с изумлением и тревогой узнала, что Вандея восстала с оружием в руках во имя Бога и короля Людовика XVII.

Вандея была крупным районом Франции, значительной частью древней провинции Пуату, лежавшей к югу от Луары и недалеко от Атлантического океана. Большая часть страны была изрезана лесными массивами и густыми и многочисленными изгородами. Крестьяне были довольно зажиточными и пользовались благосклонностью священников и сеньоров. Последние были в основном постоянными землевладельцами, владельцами небольших поместий, жившими рядом и в добрых отношениях со своим крестьянством. Священники и знать долгое время относились к Революции с отвращением, которое усилилось после провозглашения Республики и казни короля. И {173} когда 26-го февраля Конвент принял закон о выборах в армию и послал агентов набирать рекрутов в деревни Вандеи, крестьяне присоединились к своим естественным лидерам и с оружием в руках восстали против правительства. Вандейцы были в своей собственной стране грозными противниками. У них были прирожденные лидеры, люди, проявившие удивительную храбрость, отвагу и преданность. Они молились перед атакой на врага, а на марше или в бою пели гимны, всегда самые неотразимые из боевых песен. Их эмблемами были белый флаг, бурбонские лилии и крест. Некоторое время они сметали все перед собой.

Дантон прибыл в Париж 8 марта. Он немедленно попытался примирить фракции собрания и убедить его членов направить свою растраченную энергию на военные действия. Ни с той, ни с другой стороны он не получил особого поощрения. На свои требования о новых призывах и добровольческих полках Робеспьер ответил, что самым неотложным шагом является очищение армии от контрреволюционных элементов. На его предложение усилить исполнительную власть путем формирования министерства из членов Конвента жирондисты ответили своей неумолимой подозрительностью и ненавистью. Но Париж уже давно накапливал {174} свою враждебность к Жиронде; только что возник повстанческий комитет, целью которого было расправиться с ними так же, как он расправился с Людовиком 10 августа; и выступление жирондистов против Дантона ускорило вспышку.

9 марта произошло преждевременное и плохо организованное восстание, направленное против Жиронды. Демонстранты прошли маршем против Съезда, но были остановлены несколькими сотнями сильно пострадавших провинциальных национальных гвардейцев. 10-го стало известно, что Дюмурье подвергся сильному давлению австрийцев и находится под угрозой быть отрезанным. Под влиянием этих новостей и ввиду того, что жирондисты не проявляли особого сопротивления из-за событий предыдущего дня, Конвент принял меры по борьбе с терроризмом; он проголосовал за создание Революционного трибунала для суда над "предателями, заговорщиками и контрреволюционерами". Напрасно Бюзю и другие жирондисты указывали, что это означало установление "деспотизма хуже прежнего". Дантон,

неисправимый оппортунист, поддержал эту меру, и она была проведена. Сразу после этого он снова уехал из Парижа к границе. 18 марта Дюмуре потерпел жестокое поражение при Нервиндене. И теперь не только Вандея была вооружена, но и Лион, Марсель, Нормандия были готовы сбросить иго Парижа и якобинцев; положение выглядело почти отчаянным. Неделью спустя газеты опубликовали письма Дюмуре, из которых следовало, что со времени суда над королем генерал-жирондист был склонен к расколу, то есть в равной степени был склонен повернуть оружие против Парижа, как и против австрийцев. Дантон к тому времени вернулся с границы; его и Робеспьера сразу же избрали в комитет общей обороны, и этот комитет объявил о своем продолжении.

Теперь в быстрой последовательности были приняты чрезвычайные меры, которые в дополнение к созданию Революционного трибунала создали грозный механизм терроризма. Депутаты Конвента были отправлены с миссией по надзору за работой армий и внутренней полиции. Им были предоставлены широчайшие полномочия — они фактически стали продиктаторами. 1 апреля был принят новый закон о подозреваемых, призванный усилить действия представителей миссии и Революционного трибунала. 6 апреля была создана исполнительная власть, на необходимости которой так настойчиво настаивал Дантон; это был Комитет общественной безопасности, орган из девяти членов Конвента, действующий тайно, направляющий министров и имеющий общий контроль над исполнительными функциями. Жирондистам пришлось подчиниться этой мере, и их противники получили контроль над Комитетом. Среди его первых членов были Дантон, Камбон и Барер.

Как только появился Комитет общественной безопасности, ситуация на границе стала еще хуже. 4 апреля Дюмуре, опасаясь, что Конвент отправит его в Революционный трибунал, предпринял попытку настроить свою армию против правительства и, потерпев неудачу, въехал на австрийские позиции. В то же время пруссаки вытесняли Кюстина из Эльзаса, который 14 апреля осадил Майнц.

Поскольку Гора значительно укрепилась благодаря созданию Комитета общественной безопасности, атака на жирондистов усилилась. Робеспьер обвинил их в соучастии Дюмуре в предательских намерениях против Республики. Жиронда нанесла ответный удар, и 13 апреля ей удалось сплотить большинство Конвента во втором нападении на Марата за его подстрекательские статьи. Было постановлено, что *Друг народа* должен быть отправлен в Революционный трибунал {177}. Это был последний успех жирондистов, и он не увел их далеко. Якобинцы сомкнули свои ряды против этого нападения. Коммуна и Революционный трибунал были под их контролем. Первый орган направил в Конвент петицию с требованием исключить двадцать два видных жирондиста как врагов Революции; и несколько дней спустя Трибунал отпустил Марата все его грехи.

Параллельно с ожесточенной борьбой между двумя фракциями обсуждались важные вопросы, социальные, политические, экономические, хотя и без особых результатов. Действительно, всех их можно было бы вернуть к одному фундаментальному вопросу, который был поднят на поверхность ходом Революции. Каким должно было быть положение бедняка, и особенно бедняка в современном городе и в индустриальных условиях, — каким должно было быть его положение в новой форме социального приспособления, к которой привела Революция? Как насчет цен на продукты питания? монополия капитала? частная собственность на

собственность? Таковы были некоторые из вопросов, которые легли в основу дебатов Конвента весной 1793 года.

Продовольственный вопрос решался различными способами {178}. Знаменитый закон о максимуме, принятый 3 мая, пытался регулировать цены на продукты питания с помощью скользящей шкалы тарифов. Эта мера была экономически необоснованной и во многих отношениях приводила к несправедливости; она встревожила собственников и оттолкнула их от правительства. По своей собственной инициативе коммуна приложила большие усилия, и с некоторым успехом, для поддержания продовольственного снабжения города и снижения цен на хлеб. Тратя около 12 000 франков в день, что составляет менее половины су на душу населения, ей по большей части удавалось снизить стоимость хлеба примерно до 3 су за фунт.

Но в силу какой теории правления бедные имели право на эту особую защиту? Была ли якобинская партия готова продвигаться к социалистической или коллективистской форме правления? От этого не было никаких признаков; и еще должно было пройти несколько лет, прежде чем Бабеф придаст вес коллективистской теории государства. Существовали особые причины определенной силы, объясняющие, почему Конвенция, как бы сильно она ни увлекалась гуманитарными теориями, как бы ни стремилась выслужиться перед низшим классом, должна сохранять жесткую позицию по вопросу коллективизма и собственности. Вся финансовая система Революции, одобренная Конвентом, как и ее предшественниками, была основана на частной собственности на землю и на увеличении числа мелких собственников. Конвент был обязан не только сохранить эффект от крупных распродаж национальных земель, которые уже имели место, но и развить предрассудки и настроения его членов в том же направлении. Робеспьер, пытаясь примирить узкую логику юриста с необходимостью угодить своим горячим сторонникам, основывал свою позицию на благотворительных, а не на политических мотивах: "Общественная помощь - священный долг общества. Общество обязано обеспечивать средства к существованию для всех своих членов либо путем обеспечения их работой, либо путем обеспечения необходимым для существования тех, кто уже не работает".

Хотя Конвенция придерживалась консервативной позиции в отношении вопроса о недвижимом имуществе, она была решительно склонна к конфискационной политике во всем, что касалось личного богатства. Это, однако, стало хорошо заметно только после завершения великой борьбы между Горой и Жирондой, которая вступила в свою последнюю фазу в мае.

12 числа того же месяца Конвент проголосовал за формирование армии *санкюлотов* для обороны Парижа, что имело более {180} значение для внутренних, чем для внешних дел Франции. 14-го числа Жиронда выступила со своим ответом, зачитав обращение города Бордо с предложением выступить маршем в Париж, чтобы помочь Конвенту. 15-го числа коммуна приступила к назначению одного из своих кандидатов временным генералом национальной гвардии Парижа. И на следующий день жирондисты, встревоженные попыткой активных действий, предложили собранию отстранить муниципальные власти Парижа от должности и собрать заместителей депутатов Конвента в Бурже на случай, если сам Конвент подвергнется нападению и будет уничтожен. Это последнее предложение было в высшей степени характерно для жирондистов, героических как ораторы, но как члены политической партии всегда робких перед действием.

Комитет общественной безопасности, уже настроенный на выполнение своих высших обязанностей и наблюдающий за фракционной борьбой в ассамблее с некоторой долей

отстраненности, придерживался среднего политического курса. Барер предложил компромисс, который жирондисты с трудом приняли. Но его враги продолжали энергичные действия, сформировали новый повстанческий комитет и заставили печально известную газету Эбера "*Отец Дюшен*" {181} требовать их крови. Эта газета заслуживает нескольких строк.

Эбер, человек из среднего класса, после бурной юности увлекся революционной журналистикой. Обладая большим энтузиазмом и истинно вольтерианским духом, он поначалу придерживался умеренной позиции, но, будучи официантом времени, вскоре обнаружил, что его интерес лежит в другом направлении. С середины 1792 года он быстро приобрел большую популярность благодаря своей громкой защите экстремальных курсов. "*Отец Дюшен*", копии которого и по сей день являются величайшей библиографической редкостью, был написан для народа на жаргоне, превосходящем их собственный, состоящем из ругательств и непристойностей. *Отец Дюшен* почти всегда пребывал в состоянии *великой радости* или *великого почтения*, и в ту эпоху, до которой мы дошли, его гнев непрерывно изливался потоком самых грязных оскорблений, какие только можно себе представить, в адрес жирондистов.

Пока Марат и Эбер раздували пламя, повстанческий комитет составил новый список из 32 подозреваемых депутатов. Комитет общественного спасения, к которому обратились жирондисты, приказал арестовать Эбера. На следующий день, 25 мая, коммуна потребовала его освобождения. Иснар, один из {182} Жирондистов, в тот день исполнявший обязанности президента Конвента, ответил депутации Коммуны с необузданным гневом и в заключение заявил, что если Париж посмеет хоть пальцем тронуть члена Конвента, город будет разрушен. В этом было досадное эхо манифеста герцога Брауншвейгского.

26-го Робеспьер в якобинском клубе дал свое официальное согласие на предложение организовать восстание против Жиронды. Два дня спустя Эбер был освобожден, и коммуна и комитеты секций приступили к организации движения. В качестве первого шага Анрио, вспыльчивый, но очень решительный командир батальона, был назначен верховным командиром национальной гвардии.

Движение состоялось 31 мая. В тот день Конвент подвергся организованному давлению толпы численностью около 30 000 человек, большей частью национальной гвардии. Однако в Конвенцию никто не вторгся, и не было никаких попыток или желания подавить ее как институт. Ибо лидеры полностью осознали, что именно сохраняя Конвент в качестве номинального руководителя, они могли продолжать выдумывать, что правительство Франции не местное, или парижское, а национальное, или французское. Но, воздерживаясь от прямой атаки на Конвенцию, они подвергли ее давлению, столь сильному и продолжавшемуся так долго, что превратили ее, как и намеревались, в орган своей воли.

В течение трех дней Анрио и его люди оставались у дверей Конвента, и в течение трех дней члены Конвента с растущим волнением боролись с проблемой, которую так настойчиво ставили на острие штыков и под дулом пушек. Были представлены всевозможные ходатайства, некоторые логичные, некоторые противоречивые. Робеспьер добился ареста двадцати своих коллег. Комитет общественного спасения, стремясь сохранить верховную власть, попытался найти какой-нибудь средний путь, который мог бы удовлетворить толпу. Барер предложил, чтобы, чтобы избавить Конвент от возникших трудностей, жирондисты объявили о своем собственном исключении из собрания. Пылкий Иснар, один из немногих присутствующих членов, подвергшихся нападкам, согласился. Это было 2 июня.

На основании самоисключения депутатов-жирондистов Комитет общественного спасения теперь полагал, что может восстановить контроль над ситуацией, демонстрируя тем самым, что он {184} неадекватно оценивал Анрио. Он решил провозгласить подавление повстанческого комитета и объявил об этом Анрио одновременно с самоисключением жирондистов. Но Анрио, сидевший на коне у дверей Конвента, был решителен и навеселе, человек с мечом, которого не тронуло парламентское красноречие. Он отказался пойти на какой-либо компромисс и приказал поднять оружие и снять его с предохранителя. Этот акт пьяной отваги немедленно вызвал панику на Съезде. Участники попытались сбежать. Но каждый проспект, каждая улица были перекрыты национальной гвардией Анрио, и Марат с вежливым торжеством повел членов совета обратно в священный зал для их обсуждений. Там, пристыженный и измученный, в одиннадцать часов вечера Конвент изувечил себя, отстранил от должности двадцать двух своих членов и приказал арестовать еще двадцать девять человек.

{185}

ГЛАВА XIII

ЦАРСТВО ТЕРРОРА

В течение шести недель после падения Жиронды, до 13 июля, ход событий во Франции, как в Париже, так и в провинциях, отражал ожесточение двух фракций - победившей и покоренной. В какой-то мере это также выявило фундаментальную разницу во взглядах между двумя крыльями успешной партии, между Дантоном, довольствовавшимся тем, что оттеснял жирондистов с пути национальной политики, и Робеспьером, стремившимся уничтожить тех, кто оскорблял его пуританскую и исключительную доктрину.

За жирондистами стояла мощная поддержка страны; они всегда были защитниками провинций от Парижа; некоторые из них выступали за федерализм, за местные республики, полунезависимые государства с центром в Лионе, Марселе, Бордо. Те, кому удалось бежать из Парижа, направились туда, где они могли бы получить поддержку, и то тут, то там находили объятия, распростертые для их приема. Лион восстал против правительства 29 мая и избавился от якобинского комитета во главе с Шалье, который до сих пор держал его под контролем. Марсель последовал примеру Лиона. Нормандия, где укрылась значительная группа беглых депутатов, начала готовиться к походу на столицу.

Это было достаточно серьезно. Но Парижу угрожали две другие опасности, каждая из которых была больше. Военная ситуация на северной границе все еще была не лучше, в то время как

вандейцы продвигались от успеха к успеху, увеличивая численность, уверенность, боееспособность своих армий. В такой отчаянной ситуации Дантон казался единственно возможным спасителем, и в течение нескольких недель он добивался своего. Были назначены новые генералы; Кюстин - в Нидерланды, Богарне - на Рейн, Бирон - в Вандею; и в то же время были начаты переговоры с державами. Но фортуна отказалась улыбнуться Дантону. Неудачи встречали его на каждом шагу и открывали Робеспьеру путь к власти. 10 июня вандейцы захватили город Сомюр на Луаре, что дало им хороший проход для проведения операций на северном берегу реки. Военный совет постановил, что {187} следует продвинуться в Бретань и Нормандию, поскольку обе страны были сильно недовольны Конвенцией. В последней провинции Бриссо и Бюзо уже активно формировали войска для предполагаемого похода на Париж. Но прежде чем продвигаться на север, вандейские генералы решили, что им необходимо захватить город Нант, который контролирует всю страну около устья Луары. Были сделаны соответствующие приготовления, и, поскольку у вандейцев не было осадного обоза, 29 июня Кателино и Шаретт возглавили отчаянную атаку на город. Кателино был убит. Нант храбро защищался. Вандейцы были отброшены, и, как полагали многие авторы, их поражение в тот момент спасло Республику.

Если не считать этого единственного успеха, с мерами Дантона все шло наперекосяк, и робеспьеры добивались соответствующих успехов. 10 июля Комитет общественной безопасности был воссоздан, и Дантон не был переизбран. К нему присоединились Кутон и Сен-Жюст, а сам Робеспьер продолжил работу двумя неделями позже; среди других членов Барер намомент последовал за Робеспьером, в то время как Карно принимал все внутренние меры, сосредоточив всю свою энергию на управлении военным министерством.

Именно в этот момент, когда вандейцы на мгновение были сдержаны, Нормандия предприняла свое усилие. 13 июля его армия под командованием барона де Вимпфена, конституционного монархиста, была встречена парижской армией в Пейси, в 30 милях от столицы. Норманны потерпели поражение, которое они так и не смогли исправить.

В тот же день в Париже произошло драматическое событие — последний отчаянный удар Жиронды по своим ненавистным противникам. Из Кана, где Бриссо и Бюзо помогали организовывать армию Вимпфена, несколькими днями ранее в столицу отправилась молодая женщина по имени Шарлотта Корде. Полная энтузиазма, подобно мадам Ролан, по отношению к гуманитарным идеалам, которые так сильно сочетались со страстями Революции, она олицетворяла в своей самой благородной, самой пылкой форме французский провинциальный либерализм, который надеялся на лидерство жирондистов. Как и они, она ненавидела трех великих личностей, которые привели парижскую демократию через массовые убийства к ее триумфу, — Дантона, Робеспьера, Марата. И из этих троих именно Марат сильнее всего воздействовал на ее воображение, Марат, всегда жаждущий крови, всегда чующий запах свежих жертв, всегда портящий общественное мнение своей пеной из типографских чернил и яда. Шарлотте Корде показалось, что в этом единственном человеке все, что было благородного и прекрасного в Революции, превратилось во все отвратительное и неблагородное; и она постепенно начала понимать, что даже такая слабая женщина, как она, могла бы стереть это пятно с Франции, если бы только нашла в себе мужество...

13 июля Шарлотта Корде совершила свою двойную жертву. Она проникла в дом Марата и зарезала его в ванной; она кротко, но мужественно приняла последствия. После того, как толпа чуть не линчевала ее, ее судил Революционный трибунал и отправил на гильотину.

Пруссаки захватили Майнц 23 июля, австрийцы - Валансьен 28-го. Эти бедствия позволили Робеспьеру и Коммуне навязать Республике свои взгляды на ведение военных дел. Были приняты декреты об очищении армии. Генералы-аристократы Богарне, Бирон, Кюстин были смещены и, в конце концов, все отправлены на эшафот. Их заменили *санкюлоты*, некоторые честные, некоторые способные, многие нечестные, многие {190} неспособные. Безраздельно царил санкюлотизм. Гражданская чистота стала всеобщим испытанием; и в этот день Коммуна положила начало политической системе, наиболее ярким примером которой в начале 20 века является организация Таммани в Нью-Йорке. Эбер был партийным боссом; его выдвиженцы заполняли кабинеты; взяточничество было в порядке вещей. Военное министерство и его многочисленные контракты стали счастливыми охотничьими угодьями парижского политика — сам Эбер однажды выпустил 600 000 экземпляров своего *"Отца Дюшенна"* через это министерство. И, наконец, следует добавить, что армия внутренних дел, стоявшая лицом к лицу с Вандеей, попала в руки политиков. Неспособный пьяница Россиньоль был назначен командующим вместо Бирона, который после двух побед над вандейцами был уволен, заключен в тюрьму и отправлен на гильотину.

Возможно, было необходимо отстранить от командования такого храброго и бравого солдата старой школы, как Бирон, для выполнения постановлений Конвента о ведении войны против Вандеи. Один из этих декретов предписывал, что "леса должны быть уничтожены, посевы вырублены, скот конфискован" {191}. Военный министр пошлет горючие материалы всех видов, чтобы сжечь леса, кустарник и вересковую пустошь". Таков был дух, проникший сейчас в Революцию, - ярость разрушения, слабоумие подозрительности, господство террора.

Террористы были двух видов: люди фракции, подобные Эберу; вместе с теми, кто принимал терроризм неохотно, но смело, как Дантон; для них террор был политическим оружием. Однако для Робеспьера и его стойких сторонников-якобинцев это было нечто большее, странно сложенное, в некотором смысле политическое оружие, но оружие, за которым стоял фанатик, темперамент, управляемый ревнивыми страхами и болезненной мстительностью человека слабого телосложения. Именно Робеспьер всегда отстаивал худшую сторону терроризма, все, что было в нем наиболее коварным и глубоко укоренившимся; и после его провала и реакции летом 1794 года именно его имя заслуженно ассоциировалось с царством террора.

Робеспьер летом 1793 года все еще логично придерживался своей позиции; в то время как Дантон боролся с врагами Республики, он боролся с мерами Дантона. Он сказал якобинскому клубу, что им всегда приходилось сталкиваться с одним и тем же предложением: новые рекруты, новые батальоны, чтобы накормить великую бойню. План врагов народа, — он еще не осмеливался заявить, что Дантон был одним из них, — состоял в том, чтобы уничтожить республику гражданской и внешней войной. В рукописной заметке, найденной после его смерти, он говорит: "Внутренняя опасность исходит от буржуа; чтобы победить их, нужно сплотить народ. Конвент должен использовать народ и должен распространять восстание ..." В августе, продвигая свою мысль на шаг дальше, он обращается к якобинскому клубу с призывом выступить против предателей, которых он видит во всех, чье мнение хоть на волосок расходится

с его собственным. Он заявляет, что предатели есть даже в Комитете общественного спасения, и все предатели должны отправиться на гильотину.

В момент произнесения этой речи адмирал Лорд Худ только что захватил Тулон, в то время как Марсель подвергался нападению Карто во главе армии, действующей от имени Конвента. Кобург, командовавший австрийскими войсками в Нидерландах, добился ряда незначительных успехов, и его кавалерия находилась не более чем в четырех днях пути от Парижа. Провизия доставлялась в город путем реквизиции, то есть вооруженными колоннами, действовавшими в соседних департаментах. {193} Конфискационные меры, принятые Конвентом для получения принудительного займа в размере 1 000 000 000 франков, для обращения "избыточного" дохода в пользу государства, — политика бедняка против богатого.

Наряду с этими мерами терроризм набирал обороты. 5 сентября штат революционного трибунала был увеличен вчетверо; в течение нескольких дней секции получили расширенные полицейские полномочия; а Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн, два самых ярких сторонника Эбера в Конвенте, были избраны в Комитет общественной безопасности. 17-го был принят знаменитый *Закон о подозреваемых*, самый решительный, если не первый, указ по этому животрепещущему вопросу. Он предусматривал, что все сторонники федерализма и тирании, все враги свободы, все честные дворяне, не известные своей приверженностью новым институтам, должны быть арестованы; и далее, что секционные комитеты должны составить списки подозреваемых, проживающих в пределах их округов. Все это означало повторение по более масштабному и лучше организованному плану массовых убийств, совершенных годом ранее. Как сказал Дантон в прениях о Революционном трибунале: "Этот трибунал заменит верховный трибунал, возмездие народа; давайте будем ужасны настолько, чтобы избавить народ от ужаса". Судебный, организованный террор должен был прийти на смену массовому, хаотическому террору.

Теперь, когда террор был организован, тюрьмы заполнены, а Революционный трибунал ежедневно отправлял жертв на гильотину, внутренняя борьба превратилась в борьбу между двумя террористическими партиями, Эбера и Робеспьера, обе приверженные политике того времени, но с определенными различиями. Эбер рассматривал эту систему как систему, обеспечивающую личную безопасность — палач находится в большей безопасности, чем жертва, — и как наилучшую возможность для взяточничества. Состоятельный человек был выбран своими спутниками для подозрения и ареста, а затем ему сообщили, что разумная выплата в нужном квартале обеспечит освобождение. Помимо этого, Эбера, вероятно, мало что заботило в том или ином направлении; он был просто озабочен извлечением из жизни как можно большего материального удовлетворения. С Робеспьером дело обстояло иначе; это была борьба за дело, за веру, единственным непогрешимым пророком которой он был. Бедный, опрятный, респектабельный, непоколебимый, но ревнивый, он вызывал всеобщее восхищение как тип неподкупного демократа; чопорно и застенчиво он воспроизводил популярную позу Бенджамина Франклина. {195} Между ним и Эбером не могло быть настоящего союза. Он был готов, пока Эбер сохранял сильную власть над публикой, действовать бок о бок с ним, но и только.

Под давлением Коммуны и Гор 3 октября Конвент ввел в действие законы террора против побежденной Жиронды. Сорок три депутата, включая Филиппа *Эгалитэ*, были отправлены под трибунал, а около ста других были объявлены вне закона или отправлены под арест. Конвент,

умыв, таким образом, руки перед общественностью, теперь почувствовал себя способным противостоять растущим посягательствам коммуны, и 10-го сен-Жюста предложил правительству продолжать революционные действия до заключения мира, что означало, что правление должен осуществлять Комитет общественной безопасности, а действие конституции приостановлено.

Комитет проявил столько же энергии в отношениях с провинциями, сколько он проявил слабость в отношениях с Парижем. Весь август и сентябрь мятежный Лион находился в осаде; в начале октября он пал. Комитет предложил декрет, который Конвент принял, — с июня 1793 по июль 1794 года он принимал все, — объявляющий, что Лион должен быть стерт с лица земли. Кутон был {196} послан привести в исполнение этот драконовский указ, но оказался слишком мягким. В конце октября были отправлены Колло д'Эрбуа, Фуше и 3000 парижских *санкюлотов*, и некоторое время все шло хорошо. Дома сносились, а казни приводились в исполнение с такой энергией, что приходилось использовать пушки и картечь, чтобы поспевать за быстротой вынесения приговоров. Всего, вероятно, погибло около трех тысяч человек.

Именно в этот момент в Париже гильотина, работавшая медленнее, но более устойчиво, чем пушки и картечь Фуше, уносила некоторых из своих самых прославленных жертв. С 12 по 15 октября Революционный трибунал должен был рассматривать дело Марии-Антуанетты. Королева, с которой после казни короля обращались все суровее, поддержала нападки безжалостного государственного обвинителя Фукье-Тенвиля с твердостью и достоинством. Обвинения против нее носили тот же общий характер, что и обвинения против Луи, и не требуют особых комментариев. Но судебный инцидент выявил некоторые из самых отвратительных аспектов режима Эбера. Коммуна внедрила в Тампль людей самого низкого пошиба, отдала дофина на попечение печально известного сапожника Симона, попыталась сфабриковать грязные улики против королевы. Эбер вошла на свидетельскую скамью, чтобы лично облить ее грязью, и только в этот момент взглядом и ответным словом, которые ни один инстинкт не мог ошибиться, она вызвала у публики ропот негодования или сочувствия. Робеспьер обедал, когда услышал об этом инциденте, и в гневе на Эбера разбил свою тарелку об стол.

Королева отправилась на гильотину в открытой повозке 16-го числа. Неделью спустя жирондисты предстали перед судом, двадцать один депутат, среди них Бриссо, Верньо, Генсонне и Буайе Фонфред. Суд длился пять дней, и среди его слушателей был Камиль Демулен, — Демулен, чьи памфлеты помогли поставить его несчастных противников на место, Демулен, чье сердце, чья щедрость были тронуты, кто уже восстал против терроризма, кого внезапно захлестнула волна раскаяния, когда жирондистам был вынесен смертный приговор. Это был первый бунт общественного мнения против правления террора, первое заметное движение совести Франции, и оно должно было отправить самого Демулена на гильотину.

Жирондисты взошли на эшафот 31 октября. Герцог Орлеанский 6 ноября; четыре дня спустя мадам Ролан, встретившая смерть, возможно, немного педантично, но вполне благородно; затем, 12-го, Байи. Из жирондистов, бежавших из Парижа, несколько покончили с собой: Ролан, получив известие о смерти своей жены; другие в течение следующих нескольких месяцев: Кондорсе, Петийон, Бузо.

В том же ноябре 1793 года был введен Революционный календарь, о котором подробнее будет сказано в последней главе.[1] Святой седьмой день исчез в пользу антиклерикального десятого дня, Декади; Дни святых и церковные праздники были стерты с лица земли. Это новое

отступление стало шагом вперед в религиозном вопросе, который несколько недель спустя привел к острому кризису.

Между октябрём и декабрём вандейская война достигла апогея и перелома. После тяжелых боев в октябре Анри де Ларошжаклен вторгся в Бретань, разгромив республиканцев при Шато Гонтье {199} 25-го числа. Теперь Россиньоль имел под своим командованием гарнизон Майнца и двух превосходных подчиненных в Клебере и Марсо, которым удалось, несмотря на своего командира, наконец добиться успеха. 13 декабря в Ле-Мане произошла грандиозная битва, в ходе которой вандейцы были разбиты, потеряв около 15 000 человек. Клебер не дал им передышки, но несколько дней спустя вырезал остатки в Савенэ. Хотя бои продолжались еще долго, это доказало конец великой армии Вандеи.

За этими победами немедленно последовали судебные репрессии. *conventionnel* Carrier организовала Революционный трибунал в Нанте и творила еще более ужасные вещи, чем Фуше в Лионе. Считая недостаточной частоту в 200 казней в день, он изобрел ноже. Были взяты речные баржи, их днища были откинuty на петлях так, чтобы удобно открываться, и заключенных, связанных попарно, голых и независимо от пола, выносили на них и спускали в воду. В Нанте, как и в Аррасе и ряде других пунктов, судебные процессы Революционных трибуналов и банд, работавших в тюрьмах, были отмечены вопиющей безнравственностью в обращении с женщинами-заключенными. В Нанте Карриер, {200} самый тщательный и печально известный из террористов, как говорят, стал причиной гибели 15 000 человек за четыре месяца.

Ярость Революции, переросшая в безумие и помешательство в Нанте, разгорелась чудесным пламенем патриотической энергии на границах. В течение 1793 года в школу было зачислено почти полмиллиона человек. К каждому батальону старой армии был добавлен новый добровольческий батальон, новое подразделение было названо *полубригадой*. Рядовые офицеры выдвигались до высшего командования, частично благодаря политическому влиянию, частично за заслуги. Журден, старый солдат, лавочник, стал генералом армии севера и 15 октября разбил Кобург при Ватиньи. Блестящий Гош, бывший капрал французской гвардии, был поставлен во главе мозельской армии. Пишегрю, сын крестьянина, возглавил рейнскую армию. При этих гражданских генералах новая тактика заменила старую. Самодурство и метод уступили место санкюлотству и решительности. Величайший из генералов Революции сказал: "Я скорее увижу солдата без штанов, чем без штыка". Быстрота, внезапность, атакующая колонна, беспорядочное преследование были новшествами {201} новых французских генералов. Они перевели в термины тактики и стратегии знаменитый апостроф Дантона: "Дерзость, еще больше дерзости, еще больше дерзости!"

[1] См. Главу ii. XVII.

{202}

ГЛАВА XIV

ТЕРМИДОР

Популярность и влияние Дантона быстро упали с того момента, когда после падения Жиронды он, казалось, стал доминировать в ситуации. 12 октября, усталый, с больным сердцем, испытывающий отвращение к триумфу эбертистов, он покинул Париж и, очевидно, отойдя от политики, вернулся в свой маленький провинциальный городок Арси-сюр-Об. Там месяц спустя Робеспьер разыскал его и пригласил к совместным действиям по свержению Эбера. Для Робеспьера это означало не больше, чем то, что Дантон мог помочь ему, а не то, что он когда-либо поможет Дантону, и, несомненно, последний понимал это; но смелый курс всегда привлекал его, и он согласился. Дантон вернулся в Париж 21 ноября.

Робеспьера подтолкнуло к этому шагу тревожное развитие эбертизма. Антиклерикализм, ненависть к священнику, — а среди прочего священник стоял за вандейцами, — вольтерианство, материализм, все эти элементы достигли апогея; и клика, руководившая коммуной, решила, что триумф Революции требует падения католицизма, который, как казалось, был эквивалентен религии. Волна атеизма прокатилась по Парижу. Быть атеистом стало признаком хорошего гражданина. Архиепископ Гобель и многие священники приняли это и отреклись от Церкви. Затем был сделан следующий шаг. 10 ноября собор Парижской Богоматери был посвящен Разуму, красивой молодой женщине из оперы, олицетворяющей богиню. Две недели спустя, как раз когда Дантон прибыл в Париж, коммуна закрыла все церкви города, чтобы посвятить их культу Разума.

Робеспьер, как и большинство людей Революции, был врагом Церкви, но он не был атеистом. Напротив, он очень буквально, догматично и ревностно воспринял доктрины Руссо, своего пророка не только в политике, но и в религии. Для Робеспьера эбертистский культ Разума был таким же грубым богохульством, как и для самого яркого католика, и лидер якобинцев собрался с духом для борьбы за разрушение этого культа. Вот почему он обратился к Дантону, {204} хотя и знал, что если Дантон присоединится к нему в борьбе, то не за совесть, не по религиозным мотивам, а исключительно для того, чтобы уничтожить Эбера и, возможно, восстановить контроль над Комитетом общественного спасения. Этой последней возможностью Робеспьер рискнул.

Два союзника немедленно начали свою кампанию против Эбера. На Конвенте Дантон с довольно пустой риторикой высказался в пользу народных празднеств, на которых Высшему Существу следует возносить благоволия. Робеспьер в "Якобинцах", позволив своему яду взять верх над логикой, заявил: "Атеизм аристократичен. Идея Высшего Существа, охраняющего

оскорбленную невинность и карающего торжествующее преступление, демократична.... Если бы Бога не существовало, нам пришлось бы Его изобрести".

Именно в этот момент, когда эбертизм и терроризм казались взаимозаменяемыми понятиями, и когда два самых влиятельных человека ассамблеи одновременно выступили против эбертизма, Демулен выступил вперед как поборник дела милосердия, чтобы свергнуть Эберта, а вместе с ним и гильотину. В начале декабря он снова выпустил газету, *Le Vieux Cordelier*, и в ней смело атаковал банду воров и убийц, которые вершили политику города Парижа. Общественное мнение пробудилось; то тут, то там раздавались голоса; вскоре в Конвент начали поступать петиции. Волну удалось ослабить. Как далеко это может зайти?

Робеспьер, хитрый, изворотливый, поначалу осторожно использовал Демулена в своих целях. Но когда сам Дантон, закоренелый террорист, смело принял доктрину милосердия, Робеспьер начал отступать. В конце декабря возвращение Колло д'Эрбуа после лионской резни придало Робеспьеру твердости и еще более решительно настроило Комитет общественного спасения на политику террора. В течение нескольких недель дюйм за дюймом велась отчаянная словесная кампания, Дантон и Демулен отчаянно отбивались, когда сеть медленно захлестывала их; и только 20 февраля 1794 года они получили смертельный удар. Это было сделано Сен-Жюстом.

Сен-Жюст, доктринер и пуританин, почти такой же фанатичный, как и его шеф, обладал тем, чего не хватало Робеспьеру, — решительностью, смелостью и острым политическим чутьем. Вернувшись из командировки в войска, он обнаружил в Париже уже описанную ситуацию и решил немедленно нанести сильный удар, разом, по всем {206} противникам своей партии. Первые меры были направлены против Эбера и Коммуны, поскольку Сен-Жюст решил, что они созрели для гильотины. В Конвенте был протолкнут декрет, в соответствии с которым имущество всех лиц, отправленных на эшафот по *Закону о подозреваемых*, должно быть роздано бедным *всцелоттесодежды*. Этот печально известный акт был направлен на то, чтобы выбить из-под ног коммуны любую народную поддержку, которую она еще сохраняла.

По наущению Сен-Жюста атакованная сторона сомкнула свои ряды - коммуна, министры, Кордельеры, Эбер, Анрио. Были выпущены прокламации о новом восстании. Но Париж устал от восстаний, еще больше устал от явного мерзавства и казнокрадства эбертистов, больше всего устал от постоянного пролития крови с гильотины. Организовать восстание не удалось. Несколько дней противники держались на расстоянии вытянутой руки. Наконец, 17 марта Комитет общественной безопасности отдал приказ об аресте Эбера, Паша, Шометта и ряда их видных сторонников и был почти удивлен, обнаружив, что арест был произведен практически без сопротивления. Париж и пальцем не пошевелил, чтобы защитить их, и удовлетворенно наблюдал, как неделю спустя они отправились на гильотину.

С Дантоном было иначе. Сен-Жюст не дал ему времени. Имея в своих руках Комитет и Конвенцию, он нанес удар сразу же, менее чем через неделю после того, как Эбер был отправлен в отставку. Он зачитал Конвенту длинное обвинение против Дантона, и этот орган слабо проголосовал за его арест. Дантон, Демулен и некоторые из их главных сторонников были поспешно отправлены в тюрьму, а из тюрьмы - в Революционный трибунал. 2, 3 и 4 апреля их судили переполненным составом присяжных этого оперативного учреждения. Но столь неуверенным было настроение огромной толпы, заполнившей улицы снаружи, столь яростно Дантон пытался разорвать свои путы, что на мгновение показалось, будто оглушительный отзвук его голоса, слышный, как говорят, даже по ту сторону Сены, может пробудить силу народа, как

это часто бывало прежде, и свергнуть якобинское правление. Поспешное послание Комитету общественного спасения — поспешный декрет пронесся по Конвенту, — и голос Дантона был подавлен, приговор был вынесен прежде, чем обвиняемый закончил свою защиту. На следующий день Дантон и Демулен вместе отправились на гильотину, — Париж был потрясен масштабом и внезапностью катастрофы. Ушел Демулен, лидер восстания против монархии в 1789 году, великодушный защитник дела милосердия в 1794 году; ушел и Дантон, со всеми его грехами, со всей его продажностью, самая могущественная фигура Революции, более близкая к самой Революции, чем кто-либо из людей его времени.

Полный триумф! Когда Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон огляделись вокруг, три апостола, ведущие Францию по узкому пути гражданской добродетели, они не увидели ничего, кроме поверженных врагов. Власть коммуны исчезла, и вместо нее Комитет общественной безопасности фактически правил Парижем. Дантон, возможный диктатор, нечистый на руку человек, готовый идти на компромиссы с врагами свободы, распущенный в совести и действиях, Дантон тоже был повержен. Сплоченная фаланга якобинского клуба, остатки Коммуны, Революционный трибунал, твердо стояли за Робеспьером; и Конвент с совершенной регулярностью и единодушием голосовал за каждый декрет, о котором его просили.

Но такая позиция Конвента представляла собой лишь кратковременный паралич страха. Никто не отваживался на дебаты, не говоря уже об оппозиции. Люди, подобные Сийесу, пунктуально посещали его день за днем, месяц за месяцем, и {209} никогда не раскрывали рта — только глаза, устремленные на вершину Горы, откуда был доставлен вонючий оракул. В городе было то же самое. В кафе, таких шумных и возбужденных в связи с началом Революции, сейчас царит гнетущая тишина. Вечером собирается толпа, чтобы послушать "газетт", но в этой толпе мало кто осмеливается произнести слово, высказать мнение; время от времени обмениваются шепотом, жадно выслушивают список отправленных на гильотину, а затем все расходятся.

А тюрьмы полны — аристократами, подозреваемыми, богатыми буржуа. Те, у кого есть деньги, иногда выкупают себя и, как правило, преуспевают в обеспеченной жизни; в то время как за дверями тюрьмы разгневанные, полубезумные женщины поносят аристократов, которые предают народ и которые даже в тюрьме едят изысканную пищу и пьют дорогие вина. Среди заключенных царит некоторая беззаботность, большая деморализация, и то тут, то там, с редкими интервалами, появляется мадам Ролан или Андре Шенье, чтобы сохранить свой разум и характер выше деградации. И каждый день наступает душераздирающий час поименного голосования перед Революционным трибуналом, которое для стольких людей означает смерть.

Сам Трибунал все больше и больше теряет {210} всякое чувство законности, которое у него было с самого начала. Его процедура все еще носит видимость юридического метода, но на самом деле это автоматический механизм для навешивания юридического ярлыка на политические убийства. И Трибунал, продвигаясь по пути своей карьеры, становится все более и более безумным в своей ненависти к партии, которую он стремится уничтожить, к контрреволюционеру, к аристократу. Это не записано, что он распорядился арестовать маленькую девочку 13 лет, Мадемуазель де Шабанн, подозреваемого", потому что она сосала аристократическим молоком матери". Трибунал оправдывал одного человека из каждых пяти; до падения Дантона он отправил на гильотину около 1000 человек; в течение трех месяцев правления Робеспьера он должен был отправить еще 1600, увеличивая свою активность за счет

истерического прогрессирования. Когда был достигнут Термидор, ежедневной жертвой палача было около тридцати человек.

Торжествующий Робеспьер немедленно выявил всю свою ограниченность; он не был успешным государственным деятелем; он был всего лишь успешным религиозным деятелем. Поэтому его первой заботой было придерживаться догм французского народа. Он предложил преобразовать Décadi в новую субботу; он добился того, что отбросы эбертистов, включая Гобеля, были обвинены в {211} атеизме, когда подошла их очередь предстать перед Революционным трибуналом. Робеспьер, отправивший архиепископа-рenegата Парижа на эшафот за атеизм, показывает, как далеко продвинулась Революция со времен Генеральных штатов в Версале.

7 мая, через месяц после смерти Дантона, Робеспьер произнес длинную речь перед Конвентом, речь, которая знаменует его апогей. Это была высокопарная рапсодия на гражданскую мораль и пуризм. Вольтер и энциклопедисты подверглись резким нападениям; Жан-Жак Руссо был обожествлен. Государство должно перенять его религиозную позицию, его вселенскую церковь природы. В этой церкви сама природа является первосвященником, и нет необходимости в позорном священстве. Его ритуал - добродетель; его праздники - радость великого народа. Поэтому пусть Конвенция постановит установить Культ Высшего Существа, что долг каждого гражданина - проявлять добродетель, наказывать тиранов и предателей, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать добро другим. Пусть Конвент учредит конкурсы гимнов и песен для украшения нового культа; и пусть Комитет общественной безопасности, этот преследуемый и перегруженный работой комитет, выносит решения и награждает успешных гимнологов.

Конвент слушал молча, с отвращением, безмолвным бунтом, но склонил голову. Новый культ понравился очень немногим. Кое-где интеллектуалы-руссоведы принимали это, но масса делала то, что делало человечество во все времена, отказывалась рассуждать о том, что было религиозным и, следовательно, эмоциональным вопросом. Для подавляющего большинства французов было только один выбор - католицизм или некаатолицизм, и культ Высшего Существа был таким же некаатолическим, как и культ Разума.

Робеспьер, слепой и довольный, радостно продолжил свой путь. 8 июня в качестве президента Конвента он принял главное участие в торжественном открытии новой религии. Были статуи, процессии, костры, речи и Робеспьер, расцвеченный, сияющий в новом пурпурном мундире, возвышающийся над всеми. Но под поверхностью не все было хорошо. Съезд не прошел через этот торжественный фарс без протестов. Оскорбительные слова прошипели не один депутат, когда Робеспьер проходил в пределах слышимости, и лидер якобинцев полностью осознал, что за {213} послушными голосами и безмолвными лицами скрывались потоки ярости и протеста. От этого, как и от любого недуга, было только одно средство - наточить нож.

Два дня спустя, 10-го числа, на рассмотрение Конвента были представлены новые декреты об усилении деятельности Революционного трибунала. Были изобретены новые преступления, "сеющие уныние, извращающие общественное мнение"; защита заключенного была практически отнята у него; и, что самое важное, члены Конвента потеряли свою неприкосновенность. Конвент проголосовал за декрет, но террор теперь припер его к стенке, и самозащита возникла автоматически. С этого момента Конвент настроился на неизбежную борьбу. Бийо, Колло и Барер, *нечистые на руку* члены Комитета общественного спасения, в

отчаянии обратились ко всем членам Конвента за помощью, чтобы избавиться от монстра, чьи щупальца, как они уже чувствовали, начали обвиваться вокруг них.

Как раз в этот критический момент произошел тривиальный инцидент, который пробил броню Робеспьера в самом слабом месте и превратил страх перед Конвентом в насмешку, — насмешку, которая оказалась предвестницей восстания. Катрин Тео, женщина-спиритуалист, или медиум, как мы {214} должны называть ее в наши дни, в высшей степени воодушевленная триумфом Высшего Существа над бесстрастной Богиней Разума, сделала Робеспьера героем своих полубезумных вдохновений. Теперь она объявила своим доверчивым приверженцам, что она - мать Божья и что Робеспьер - ее сын. Это стало сенсацией дня. Воспользовавшись временным отсутствием Сен-Жюста с армией в Нидерландах, Комитет общественной безопасности решил, что Катрин Тео является помехой и представляет общественную опасность и должна быть арестована. Робеспьер, чрезвычайно восприимчивый к насмешкам, не зная, что делать, раздраженно вышел из состава Конвента, замкнулся в своем доме и якобинском клубе и оставил Комитет осуществлять свое намерение. Каждый член Конвента понимал, что это был явный шаг против Робеспьера.

Сен-Жюст находился с армией Журдана на севере, и в данный момент все взгляды были прикованы к этой точке. Кампания 1794 года могла стать решающей. Франция и Австрия выставили на поле боя огромные армии. Последняя теперь контролировала пояс пограничных крепостей, и если, выйдя за их пределы, она уничтожит французскую армию, Парижу и революции вскоре может прийти конец. Однако, когда кампания открылась, {215} фортуна заняла свое место с трехцветным флагом. Незначительные успехи выпали на долю Моро, Сухама, Макдональда, Вандама. В июне кампания достигла кульминации. Армии встретились к югу от Брюсселя при Флерюсе 25-го числа того же месяца. Пятнадцать часов бушевало сражение, Клебер удерживал позиции с французским правым флангом, центр и левый фланг медленно отступали. Но к концу дня французы, чего нельзя отрицать, наступали снова. Журден вместе с Сен-Жюстом заставил свои войска предпринять последнее усилие, отвоевал утраченные позиции и даже больше. Австрийцы уступили, обратились в бегство, и была одержана одна из величайших побед той эпохи. Через несколько часов радостная весть достигла Парижа, и в Париже ее истолковали как дурное предзнаменование для Робеспьера.

Ибо если и существовало что-то, что можно было бы назвать оправданием терроризма, то это что-то было национальной опасностью и национальным страхом. С июля 1789 года существовало полное соответствие между военным давлением на Париж и последовавшей за ним вспышкой насилия. Но эта великая победа, Флерюс, казалось, знаменовала полный триумф армий Республики; всякая опасность была устранена, так почему же террор и гильотина должны продолжаться? Когда прекрасным июньским днем захваченные австрийские штандарты проносились парадом в садах Тюильри и были представлены Конвенту, все стремились, каждый инстинкт был направлен на ликование и добрую волю. Мысль о том, что тележка все еще неуклонно, мрачно движется к ненасытной гильотине, казалась невыносимой.

С этого момента лихорадка заговора против Робеспьера быстро охватила Конвент. Некоторые, подобно Сийесу, были государственными деятелями и рассудили, что наступил переломный момент. Другие, такие как Тальен или Жозеф Шенье, были тронуты в своей семье — брат, жена, сестра, ожидающие суда и гильотины. Другие боялись, другие надеялись, а третьи жаждали мести, особенно остатки партии Дантона, Бриссо и Эбера. Сен-Жюст увидел опасность

ситуации и попытался запугать оппозицию. Он угрожающе говорил о необходимости диктатуры и длинного списка запретов.

Кризис спровоцировал самый молчаливый член Комитета общественной безопасности Карно. Изображая исключительную озабоченность ведением войны и небрежно {217} подписывая все, что касалось внутренних дел, он был втайне обеспокоен и стремился вырваться из ужасной ситуации. По настоянию некоторых своих коллег 24 июля он приказал, чтобы артиллерия парижской национальной гвардии была отправлена на фронт. Это означало вырвать решающую руку из рук Анрио, поскольку Анрио заключил мир с Робеспьером, пережил падение Эбера и все еще командовал национальной гвардией.

Нельзя было сомневаться в значимости шага Карно. В ту же ночь Кутон громко осудил это в "Якобинцах", и клуб решил обратиться в Конвент с просьбой принять меры против врагов Робеспьера. На следующий день Барер ответил. Он зачитал длинную речь Конвенту, в которой, не называя имен, обвинил граждан, которые не были воодушевлены победами армии и которые обдумывали дальнейшие проскрипции. 26-го, 8-го числа Термидора, Робеспьер вновь появился в собрании и поднялся на трибуну, чтобы ответить Бареру.

Робеспьер чувствовал, что волна идет против него; инстинкт, предчувствия предупреждали его, что, возможно, его конец не за горами. В этой речи — она должна была стать его последней перед Съездом — преобладали меланхолические нотки. {218} Не было никаких попыток к примирению, никаких попыток быть политичным, только слегка унылый тон, подкрепленный повторением того, что Франция уже так хорошо знала: "Лекарство от зла нужно искать в очищении; Конвент, Комитет общественного спасения, должен быть очищен".

В привычном режиме Конвент выслушал до конца. Были выдвинуты обычные предложения. Робеспьер покинул ассамблею. Было решено, что его речь должна быть напечатана; и что она должна быть размещена во всех коммунах Франции. На мгновение показалось, что железное ярмо закреплено незыблемо. Затем Камбон направился к трибуне и отважился обсудить взгляды Робеспьера. Бийо последовал за ним. И вскоре Конвент, едва ли осознав, что он натворил, отменил второе из двух своих голосований. Речь Робеспьера должна быть напечатана, но ее не следует развешивать на стенах.

В Якобинском клубе отмененное голосование Конвента придало смысл, который нельзя было перепутать. Робеспьер повторил свою речь на Съезде, которая была встречена одобрительными возгласами. Бийо и Колло были встречены улюлюканьем и стонами, изгнаны и вычеркнуты из списка участников. Всю ночь якобинцы избивали своих сторонников, угрожая восстанием; и на их стороне были лидеры восстания, пытавшиеся сплотить членов Конвента, чтобы они твердо встали на их сторону.

На следующий день было 9 Термидора. Сен-Жюст предпринял смелую попытку взять ситуацию под контроль. Ранним утром он встретился со своими коллегами из Комитета общественной безопасности и, заигрывая с ними, пообещал предложить им схему, которая примирит все расходящиеся интересы Конвенции. Пока Комитет ожидал его прибытия, он проследовал в здание Конвента, занял трибуну и начал речь. Понимая, насколько настроено собрание против него, он смело начал с осуждения личных амбиций Робеспьера и отстаивания умеренных взглядов, но не успел он далеко зайти, как члены Комитета, узнав правду, вернулись в Конвент и с помощью взбунтовавшихся членов приступили к работе, чтобы привести его в

замешательство. У Сен-Жюста была, пожалуй, только одна слабость, но она стала для него фатальной 9 Термидора, поскольку это была слабость голоса. Его заставляли замолчать прерывания, которые постоянно становились все более бурными. Бийо последовал за ним {220} и предпринял страстную атаку на якобинцев. Робеспьер попытался ответить. Но председательствовал Колло д'Эрбуа, и Колло отказался предоставить трибуну Робеспьеру. Поднялся шум; раздавались крики "Долой тирана, долой диктатора". Тальен потребовал обвинительного приговора. Прихожане столпились вокруг лидера якобинцев, который в этот последний момент попытался пробиться к трибуне. Но путь был прегражден; он мог только вцепиться в перила и, прося смерти, в отчаянии глядя на публичные галереи, которые так долго кричали ему свое якобинское одобрение, он продолжал кричать: "Смерть! la mort!" Он упал. Весь Конвент взревел, когда Колло с президентского кресла объявил о голосовании, согласно которому Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон, Анрио и несколько других были арестованы.

Анрио в этот критический момент снова проявил свои боевые качества. Пока члены Конвента тратили время на разговоры и самовосхваления, он собирал свои силы. Ему удалось освободить обвиняемых депутатов из места их временного ареста, и к вечеру все собрались в Отель де Вилль. Якобинцы выступили в защиту Робеспьера. В течение вечера партия предпринимала решительные {221} усилия, чтобы поднять восстание. Но только небольшие отряды национальной гвардии могли удержаться вместе в Отель-де-Виль, и они начали быстро сокращаться поздно вечером, когда пошел сильный дождь.

Тем временем Конвент снова собрался на вечернее заседание. Он назначил одного из своих членов, Барраса, командовать всеми вооруженными силами, которые только можно было собрать, а затем объявил сбежавших депутатов вне закона за то, что они нарушили закон об аресте. Западные районы города собрались на Съезд. Баррас проявил энергию и мужество. До него дошли сведения о состоянии дел в Отель де Виль, и в час ночи 29-го он собрал несколько отдельных батальонов и быстрым маршем выступил против робеспьеров.

В Отель де Вилль сопротивление было незначительным. Шел сильный дождь, и мало кто остался с лидерами якобинцев. Произошла короткая потасовка, в ходе которой Робеспьер, очевидно, попытался покончить с собой и всадил себе пулю в челюсть. Аресты были произведены, и несколько часов спустя, поскольку в суде над преступниками не было необходимости, Робеспьера, Сен-Жюста, Анрио, Кутона и еще около двадцати человек повели по улицам на гильотину.

ГЛАВА XV

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЪЕЗДА

Рассматривая экстраординарные особенности правления террора, трудно осознать, что в некоторых направлениях оно достигало полезной цели. Если Революция так долго сохранялась перед лицом анархии, реакции и иностранного давления, то только благодаря политике всепожирающего пламени и обезумевших ангелов. А тем временем, какова бы ни была ценность или судьба республиканских институтов, бессознательно великая социальная революция стала свершившимся фактом. За короткий промежуток в пять лет — но за такие годы — социальное равенство, свобода возможностей, новое национальное отношение, новая национальная жизнь стали неискоренимым обычаем; ассамблеи в более спокойные моменты принимали законы о воспитании и гуманизации французского народа, и каждые шесть месяцев, выхваченные у времени и бурбонской реакции для этой цели, стоили определенной цены. Когда Франция протерла глаза после Термидора, перевела дух и начала обдумывать свое положение, она обнаружила, что Франция сильно отличается от Франции 1789 года.

Весь ход Вращения был подобен движению ракеты, мчащейся и жужжащей вверх, мгновение колеблясь, затем взрывающейся и разбрасывающей свои осколки по направлению к земле. Термидор был точкой взрыва Революции, и после Термидора мы вступаем в период спада, когда разрозненные фрагменты постепенно теряют свое пламя, когда великое вдохновение Революции угасает, и остаются только менее величественные, менее ужасные, менее благородные, менее ужасающие вещи. Теперь необходимо проследить за следом этих разлетевшихся осколков.

Общественность интерпретировала падение Робеспьера более точно, чем Конвент, и увидела в этом конец правления террора, а не конец индивидуальной диктатуры. Кошмар закончился; люди начали дышать, разговаривать. День ото дня, почти от часа к часу нарастал прилив; ликование быстро переросло в реакцию. В течение двух недель после падения Робеспьера людям, свергнувшим его, стало необходимоторжественно подтвердить, что революционное правительство все еще существует и будет {224} продолжать существовать. Об этом Конвенция объявила официальным голосованием 12 августа.

В то же время Конвент возвращался к жизни, его члены - к самоутверждению; и если его меры были направлены главным образом на предотвращение в будущем любого такого перевеса, каким пользовался Робеспьер, они также быстро привели к тому, что они стали соответствовать мнению, которое теперь громко провозглашалось во всех направлениях, направленному против терроризма. В течение нескольких недель Комитет общественной безопасности был увеличен численно и изменен персонал — среди его новых членов были Камбасерес, Сийес, Ребелл. Другие комитеты получили расширенные полномочия. Коммуна была подавлена, Парижем управляли чиновники, выбранные Конвентом. Но секциям было позволено остаться, поскольку именно их поддержка принесла Баррасу победу 9-го Термидора, и никто еще не предвидел, что следующая серьезная опасность будет исходить именно от секций.

Национальная гвардия с помощью ряда мер была очищена и преобразована в организацию исключительно среднего класса. Революционный трибунал, после ликвидации нескольких крупных партий робеспьеров и Коммуны, был реорганизован, хотя и не подавлен. Его худшие судьи и чиновники {225} были смещены, его процедура была строго легализована, а его

деятельность значительно ограничена; однако он продолжал существовать около года и почти из-за отсутствия бизнеса прекратил свое существование весной 1795 года.

Террористы, которые действительно возглавляли восстание против Робеспьера, постепенно отступали. В конце августа Колло, Бийо и Барер вышли из состава Комитета общественной безопасности. Две недели спустя поведение Карриера в Нанте случайно попало на рассмотрение Революционного трибунала, и вокруг него поднялась буря, которая окончательно уничтожила всю власть, которую еще сохраняли террористы. Пресса бурлила от обретенной свободы, и ужасы Карриера дали журналистам потрясающий текст. Из-за него велась долгая борьба. На Съезде Бийо и Колло, чувствуя, что нападение на Карриера на самом деле было нападением на них и на всех других террористов, изо всех сил пытались спасти его. Только в декабре Конвент окончательно решил передать его в руки правосудия, и только 16 числа того же месяца Революционный трибунал отправил его на гильотину.

Среди поразительных изменений, вызванных реакцией после Термидора, было то, что она поставила две крайние партии в яростный антагонизм, {226} при этом Конвенция и разумное общественное мнение были большой нейтральной площадкой между ними. Одной из них была партия побежденных якобинцев, возмущенных своим падением, убежденных, что без их руководства Республика обречена на гибель. Другой была группа *Muscadins*, надушенная и избалованная золотая молодежь, возглавляемая конвенционистом Фрероном, громко заявлявшими о своем отвращении к санкюлотству и демократическому разврату, разбивая головы палками, когда предоставлялась такая возможность. Во время возбуждения дела Карриера мускадинцы устроили такие яростные демонстрации против якобинцев, что Комитет общественной безопасности распорядился закрыть клуб. Но ни Комитет, ни мюскадины не смогли уничтожить самого якобинца.

За Флерюсом последовал продолжающийся успех. Журден и Пишегрю отеснили австрийцев от себя и захватили Нидерланды до Рейна. Затем, в октябре, Пишегрю начал зимнюю кампанию, вторгся в Голландию и, продвигаясь вперед по снегу и льду, в январе занял Амстердам и захватил голландский флот, застрявший во льдах, со своей кавалерией под командованием Моро. В то же время Журден действовал дальше на восток и, зачистив долину Рейна, очистил {227} австрийцев от Кельна и Кобленца. Далее вдоль Рейна пруссаки удерживали теперь только Майнц на французском берегу этой реки. На юге генералы Республики заняли все альпийские перевалы в Италии и победоносно вторглись в Испанию. Воодушевленный этими успехами, Комитет общественной безопасности в начале года начал мирные переговоры. С установлением мира Комитет сможет передать свои полномочия регулярному конституционному правительству.

С началом 1795 года внутренняя ситуация снова стала крайне тревожной. Хотя Конвент придерживался умеренного курса, смягчая строгость революционного законодательства со всех сторон, его уступки не удовлетворяли реакционную партию, а только поощряли ее. Однако хуже всего было то, что зима выдалась худшей с 1788 года из-за нехватки продовольствия. Парижская чернь, как бы сильно она теперь ни утратила свою повстанческую энергию, ощущала голод не менее остро, чем раньше, и голод делал вдвойне опасной продолжающуюся борьбу якобинцев и мускадинцев за власть. Съезд изо всех сил старался проложить безопасный курс между ними.

К середине февраля {228} якобинцы казались более опасными. В своем раздражении и страхе перед крахом Республики они организовали восстание. В Тулоне, в Марселе они захватили власть и были подавлены не без труда. Вслед за этим Конвент постановил провести расследование поведения Бийо, Барера и Колло. Несколько дней спустя он отозвал членов Жиронды, которым удалось скрыться от действий Революционного трибунала, среди них Луве, Иснара, Ланжуине. Встревоженные этими шагами, поддержанные криками голодающих о хлебе, парижские якобинцы восстали против Конвента. 1 апреля, то есть 12—го числа Жерминаля, собрание было захвачено и в течение четырех часов находилось в руках толпы, требовавшей хлеба и Конституции. Затем национальная гвардия сплотилась и восстановила порядок, и Конвент немедленно постановил, что Бийо, Барер и Колло должны быть депортированы в колонию Гвиана, — Гвиана, смягченная гильотиной, которая почти столетие была в моде во французской политике, *сеча гильотины*. Зловещее высказывание Барера: "Только мертвые никогда не возвращаются", в его случае не оправдалось. Ему одному из троих удалось избежать назначенного наказания, и он дожил, всегда благовидный и {229} всегда находивший сторонников, до времен Луи Филиппа, когда умер безвестной смертью.

Это был большой успех для умеренных. Но наблюдателям Революции издалека, из Лондона, Берлина или Вены, событие представлялось в несколько ином свете. Пишегрю случайно оказался в этот момент в Париже, и Пишегрю был назначен военным комендантом города. В действительности он имел мало отношения к подавлению восстания, но издалека казалось, что республика нашла в своем демократическом генерале, завоевателе Голландии, ту прочную поддержку силы, без которой установление закона и порядка во Франции казалось невозможным.

Через несколько дней началось умиротворение. В Базеле Бартелими вел переговоры в течение нескольких месяцев, и теперь, 5 апреля, он подписал мирный договор с Харденбергом, представителем Пруссии. Правительство короля Фридриха Вильгельма было слишком сильно заинтересовано в третьем разделе Польши, который затем продолжился, и слишком мало интересовалось Рейнской областью, чтобы продолжать войну дольше. Оно согласилось предоставить Французской Республике свободу действий к югу от Рейна, в обмен на что оно должно было сохранить свободу действий в северной Германии, соглашение, которое должно было лежать в основе {230} многих важных этапов франко-пруссских отношений с того дня до 1871 года.

За миром с Пруссией 16 марта последовал мир с Голландией, который поставил меньшее государство в условия, приближающиеся к вассалитету Франции. Но с Англией и Австрией, находившимися в тесном союзе, война все еще продолжалась, и это не только потому, что Австрия еще не желала столкнуться с такой большой территориальной потерей, как потеря Нидерландов, но и потому, что Комитет общественной безопасности еще не стремился к полному умиротворению. Уже было ясно, что реальная сила Республики заключалась в ее армиях, и Конвент не желал присутствия этих армий и их генералов в Париже.

В столице ситуация оставалась плохой с зимы до весны, с весны до лета. Еще в мае начался сильный голод, и на улицах часто находили людей, умерших от голода. Чтобы удовлетворить всеобщее недовольство, Камбасерес внес предложение о новой конституции. Но ничто не могло утихомирить волнения, и в мае реакционная партия, теперь откровенно роялистская, вызвала серьезные беспорядки на юге. В Марселе, Эксе и других городах было убито много

якобинцев, и ситуация казалась настолько серьезной, что 10 декабря Комитет общественной безопасности получил расширенные полномочия и, отступив, смягчил свою суровость по отношению к якобинцам. Десять дней спустя произошел второй голодный бунт, восстание 1-го числа в Прериале, толпа, смешанная с якобинскими и реакционными агитаторами, вторглась в Конвент, как и в Жерминале, и требовала хлеба и конституции. Беспорядки на собрании были серьезными и продолжались долго. Один депутат был убит. Но правительству удалось привлечь к месту происшествия национальную гвардию; и в течение следующих двух дней в город были введены 20 000 регулярных войск. Порядок был легко восстановлен. Состоялось несколько казней. И Конвент проголосовал за создание постоянной охраны для его защиты.

После Термидора роялизм быстро поднимал голову. Удары Конвента даже после 1 Прериала были в основном направлены против якобинства. Роялисты рассматривали новую конституцию как возможность для умеренной монархической формы правления с маленьким дофином в качестве короля под опекой сильного регентства, которое поддержало бы основные принципы Революции. Их устремления были далеки от необоснованных, отнюдь не невыполнимы, пока 10 июня смерть не преградила им путь, устранив молодого принца. Подробности его заключения в Храме, пожалуй, самые отталкивающие за всю историю Революции. Разлученный со своей матерью и тетей, принцессой Елизаветой, которые последовали за королевой на эшафот, он был намеренно жестоко использован Саймоном и теми, кто следовал за ним в качестве надзирателей, так что после Термидора он был найден в неопишущем состоянии грязи и плохого самочувствия. Его лечение после этой даты улучшилось, но его здоровье было безвозвратно подорвано, так что, когда в начале 1795 года роялисты и многие умеренные начали обращаться к Темплу за решением конституционного вопроса, Комитет общественной безопасности начал надеяться на смерть мальчика. Эта надежда частично воплотилась в действия. Дофину не предоставили такого жилья, такой еды или такого медицинского обслуживания, каких требовало его состояние, и правительство намеренно ускорило его смерть. Насколько важным фактором он был на самом деле, можно судить по восторгу, проявленному республиканцами по поводу этого события, поскольку Людовик XVII был возможным королем, в то время как Людовик XVIII, на данный момент, нет.

Наследником этого права стал граф Прованский, брат Людовика XVI. Он принадлежал к старому двору; он ничему не научился в изгнании; он был связан с ненавистными *эмигрантами*, людьми, которые сражались в батальонах Конде против армий Республики. И как будто всего этого было недостаточно, чтобы настроить общественное мнение против себя, он выпустил прокламации по случаю смерти своего племянника, в которых объявил о своем принятии титула короля Франции и о своей решимости восстановить старый порядок. Через несколько дней экспедиция роялистов, доставленная на английских кораблях, высадилась в Кибероне на бретонском побережье и раздула новое пламя в тлеющих еще углях восстания в Бретани и Вандее.

Гош был назначен во главе Западной Франции за несколько месяцев до этого и с помощью разумных мер довольно успешно умиротворил страну. Он быстро справился с новой чрезвычайной ситуацией. Собрав достаточные силы, он с большой поспешностью выступил против роялистов, к которым присоединились три или четыре тысячи бретонских крестьян. Он отбил их обратно к Киберону, запер в клетке, штурмовал их позиции, не давая пощады, и отогнал остатки численностью менее 2000 человек обратно на их корабли.

На этом беспорядки на западе Франции почти закончились. В Вандее все еще продолжались небольшие бои, но после поимки и казни Шаретта и Стоффле в начале 1796 года Гош остался хозяином положения.

В то время как роялистов расстреливали при Кибероне, Конвент обсуждал новую конституцию Франции, конституцию уже не теоретическую, больше не политическое оружие для уничтожения монархии, а практическую, конструктивную, основанную на ярком политическом опыте, предназначенную для сохранения Республики и превращения ее в приемлемый, работающий механизм. Было решено следующее. Избирательные права, которые Законодательный орган распространил на рабочие классы после 10 августа, должны были быть у них изъяты и снова ограничены средним классом. Должно было быть две палаты; нижняя должна была быть известна как *Легислатурный корпус*, или Совет пятисот; верхняя должна была выбираться нижестоящими, насчитывать всего двести пятьдесят человек и называться Древними. Нижняя палата должна была инициировать законодательство; верхняя должна была сделать немногим больше, чем воспользоваться приостанавливающим правом вето, которое Конституция 1791 года предоставила королю. Затем должен был появиться исполнительный орган, и это был всего лишь модифицированный Комитет общественной безопасности. {235} Должно было быть пять директоров, избираемых индивидуально сроком на пять лет и осуществляющих общий контроль над иностранными делами, армией и флотом, высшей полицией и министерствами. Конституция также подтвердила декларацию прав человека и гарантировала продажу национальных земель.

Эта конституция имела много хороших моментов, была неплохо адаптирована к потребностям и чаяниям Франции 1795 года, и общественность с восторгом приветствовала ее. Поначалу это казалось хорошим симптомом. Но Конвент вскоре обнаружил, что этот восторг был основан не столько на превосходстве конституции, сколько на том факте, что введение ее в действие позволило бы Франции избавиться от Конвента, от людей Революции. Это была отрезвляющая мысль.

После некоторого рассмотрения этого сложного вопроса Конвент примерно в конце августа решился на решительный шаг. Чтобы страна не исключила членов Конвента из Совета Пятисот, он постановил, что две трети членов нового органа должны быть набраны из старого; это был знаменитый декрет двух третей, или декрет Фруктидора. Теперь можно было кое-что сказать в пользу этого указа. Конечно, он был в значительной степени продиктован эгоистичными мотивами людей, которые, имея власть, хотели ее сохранить. Но можно было бы настаивать на том, что после падения Робеспьера Конвент шел трудным курсом, проявляя определенные способности и умеренность, и разработал разумную конституцию для Франции. Не было ли поэтому необходимо защитить эту конституцию, не позволив избирателям передать ее исполнение в руки совершенно неподготовленной группы людей?

Что бы ни можно было сказать в пользу декретов Фруктидора, они вызвали взрыв отвращения и разочарования со стороны общественности. Секции Парижа громко протестовали, направили в Конвент петиции с требованием отменить декреты и, не получив удовлетворения, заняли угрожающую позицию. Однако Съезд пережил штормы и похуже; он продолжил свой путь и назначил выборы на 12 октября. Секции, возглавляемые секцией Лепелетье, вслед за этим организовали сопротивление.

4 октября, 12 Вандемьера, парижские секции призвали свою национальную гвардию. Конвент в ответ приказал генералу Мёну, командовавшему регулярными войсками в городе, восстановить порядок. У Мёну {237} было мало войск, и он был слаб. Он потерпел неудачу; и в ту ночь Конвент отстранил его от должности и, как и в Термидор, передал Баррасу верховное командование. Баррас действовал быстро. Он призвал к себе на помощь всех офицеров регулярной армии в Париже в тот момент, среди прочих молодого корсиканского бригадира по имени Буонапарте, и назначил каждому войска и должность. Он поспешно отправил другого молодого офицера, Мюрата, со своими гусарами доставить в город несколько полевых орудий; так он провел ночь.

На следующий день кризис достиг апогея. Национальная гвардия численностью от 20 000 до 30 000 человек начала свое шествие к Конвенту. В различных точках они были решительно встречены правительственными войсками. Генерал Бонапарт поймал повстанцев на улице Сент-Оноре на приличном для его орудий расстоянии, быстро забросал их картечью и полностью рассеял.

Еще раз Конвент подавил восстание и еще раз проявил умеренность в своей победе. Это позволило провести только две казни, но прочно удерживало Париж регулярными войсками. Бонапарт, которого Баррас уже хорошо знал, произвел на него такое сильное впечатление и оказал такую хорошую службу, что был назначен вторым в командовании, а вскоре после этого добился возвращения Барраса на прежнее место и стал главнокомандующим внутренней армией.

Этим последним энергичным ударом Конвент завершил свою необыкновенную карьеру, карьеру, которая началась при монархии, прошла через царство террора и закончилась в Директории.

{239}

ГЛАВА XVI

ДИРЕКТОРИЯ

С Директорией Революция вступает в свою последнюю фазу, и с этой фазой все читатели истории связывают определенные хорошо выраженные внешние характеристики, экстравагантность одежды, манер, образа жизни; продажность и аморальность, бесстыдные и необузданные. Период Директории - это период, в течение которого политические деятели Революции, у которых не осталось принципов, которыми они могли бы руководствоваться,

постепенно гниют; в то время как люди с мечом становятся все большей и большей их опорой и, наконец, отстраняют их от власти.

Оказалось, что Советы, за исключением бывших членов Конвента, были гораздо менее роялистскими, чем ожидалось. Фермерский класс, имевший большое влияние на выборах, многое выиграл от революции; фермеры избавились от феодального бремени; они приобрели землю; они извлекли выгоду из свободного транзита. Стремясь сохранить то, что они завоевали, они избрали людей умеренных взглядов, а не реакционеров. Однако мнение этих новых членов не могло повлиять на выбор Директоров, которые все были взяты из бывших участников конференции. Это были Баррас, Ребелл, Карно, Ларевельер и Летурнер. Из них Летурнер и Карно были готовы прислушаться к пожеланиям электората и объединить усилия с новой партией умеренных в проведении конструктивной политики. Остальные трое, однако, твердо придерживались своей позиции по сохранению урегулирования, достигнутого Конвенцией, и по извлечению всех личных выгод, которые они могли извлечь из власти. Ребелл начал накапливать огромное состояние, а Баррас транжирить и роскошествовать.

Чиновники, назначенные Директорами, были такими же нуждающимися и алчными, как и их начальники. За деньги можно было получить все. Англии и Соединенным Штатам были предложены договоры на основе предварительной покупки доброй воли министров иностранных дел или директоров. В позолоченных залах Люксембургского дворца Баррас, окруженный разудалым двором, раздавал почести и трофеи нового режима. Женщины в умопомрачительных и намеренно неприличных нарядах вились вокруг него и его окружения, женщины, представляющие все слои общества, поднятые революцией, и то тут, то там была выжившая аристократка, такая как вдова Богарне, нуждающаяся и обращающаяся к новому солнцу, чтобы облегчить свое горе. Среди них нравственность находилась на самом низком уровне. Ибо старое таинство брака было фактически отменено законом; были введены гражданский брак и развод, и в правящих классах, так сильно повлиявших на семейную жизнь и состояние из-за правления террора, шаг между гражданским браком и тем, что браком вообще не было, вскоре стал казаться различием без особых различий. Казалось, существовало только одно практическое правило для жизни: находить средства к существованию и проводить время как можно лучше.

Внешняя ситуация, с которой пришлось столкнуться новому правительству, требовала энергичных мер. После побед 1794 года были большие надежды на то, что в 1795 году французские армии вторгнутся в долину Дуная и приведут австрийскую монархию к соглашению. Но кампания 1795 года провалилась. Генералы были почти такими же продажными, как и политики, и Пишегрю был успешно подставлен. Он не смог поддержать Журдана; тот предпринял ложные действия, и в результате французские армии к концу лета были не дальше Рейна.

{242} Директорат предпринял приготовления, чтобы исправить эту сравнительную неудачу; кампания 1796 года должна была стать началом решительного наступления против австрийцев к северу и югу от Альп. Журдан и Моро, последний из которых заменил Пишегрю, должны были еще раз попытаться проникнуть в Вену по долине Дуная. В то же время меньшая армия должна

была вторгнуться в Италию и из долины реки По, возможно, протянуть руку помощи армиям в Германии. Для этого последнего командования был выбран Буонапарте.

Своим новым назначением Бонапарт был обязан сочетанию причин. В течение некоторого времени он, зная обстановку, представлял правительству планы вторжения в Италию. Эти планы обещали успех, и Карно был готов предоставить их автору шанс привести их в исполнение. Наряду с этим сильное личное впечатление произвел Буонапарте; его способности были несомненны. И наконец, был элемент романтики — он влюбился в мадам де Богарне, протеже Барраса, — и Баррас работал ради этого назначения. В начале марта Наполеон Бонапарт и Жозефина де Богарне поженились; еще до конца месяца {243} молодой генерал прибыл в свою штаб-квартиру в Ницце.

В середине апреля до Парижа дошли вести о серии блестящих сражений, в которых итальянская армия нанесла поражение австрийцам и сардинцам. Но сразу же после этого Директория столкнулась с неприятным фактом: их новый генерал, пренебрегая своими инструкциями, заключил перемирие с Сардинией. Менее чем за месяц Бонапарт, как он теперь себя называл, показал, что он великий полководец и, более того, политик, который может стать опасностью для самой Директории. С этого момента между ними началась завуалированная борьба, директория пыталась уменьшить власть и влияние своего генерала, Бонапарт постоянно апеллировал от Директории к общественности риторическими отчетами о своих победах и действиях.

В то время как Бонапарт вторгся в Ломбардию и атаковал великую австрийскую крепость Мантуя, Директории пришлось иметь дело с заговором в Париже. Заговор был поразительной чертой периода, последовавшего за падением Робеспьера; фактически, в течение последующих десяти лет можно сказать, что вся внутренняя политика вращается вокруг заговоров. Одним из наиболее {244} примечательных был тот, который достиг апогея весной 1796 года под руководством Бабефа.

Бабеф был революционером крайних взглядов, но взглядов скорее социальных, чем политических. До революции он работал землемером и земельным агентом, и в этом бизнесе он, по-видимому, был глубок и размышлял над той огромной связью социальных, политических и экономических вопросов, в центре которой находится право собственности на землю. Революция превратила его в коллективиста, и с приходом к власти Директории и полным ходом реакции среднего класса Бабеф начал оказывать влияние. Революция до сих пор производила популярных лидеров, но не популярных лидеров, которые были из народа и чья политика была для народа. Мирабо и Дантон смотрели на народ, но только как на оппортунистических государственных деятелей. Эбер подражал людям, но ради собственного продвижения. Робеспьер, если честно, пытался быть пророком народа, но для него демократия была лишь болезненным остатком *социального* контраста Руссо, и когда дело доходило до мер, до социального законодательства, он оказывался всего лишь узким буржуа и юристом. И так было на протяжении всего пути; {245} народ, великий национальный таран, которым руководил Дантон, оставался массой без выражения. У народа никогда не было собственных лидеров, у него никогда не было политики, кроме как требовать права голоса и крови своих угнетателей. И вот теперь перед нами был человек из народа, проводивший популярную политику, который указал пальцем на вопрос, лежащий даже глубже, чем вопрос привилегий, вопрос собственности.

Доктрина Бабефа была коллективистской. Природа дала каждому человеку равное право пользоваться ее благами; поддерживать это равенство — задача общества; Природа налагает обязанность трудиться, но и труд, и наслаждение должны быть общими; монополизация благ земли или промышленности является преступлением; не должно быть ни богатых, ни бедных; также не должно быть индивидуальной собственности на землю - земля не является собственностью человека.

Эти доктрины были горячо приняты небольшой группой преданных последователей; с ними широко согласились недовольные якобинцы, искавшие удобного оружия против правительства. Были сформированы клубы, *Cercle des Égaux*, *Club du Panthéon*; велась пропаганда; развивался заговор. Были предприняты все возможные усилия, чтобы привлечь на свою сторону полицию и часть войск. Наконец, Директория {246} пронюхала о происходящем и быстрыми мерами разгромила заговор и схватила его лидеров. Бабеф, арестованный 10 мая, год спустя был приговорен специальным судом к смертной казни и казнен.

19 мая директория одобрила действия Бонапарта, подписав выгодный мир с Сардинией; затем, воспользовавшись его дальнейшими успехами при Лонато и Кастильоне, она наполовину запугала, наполовину подкупила слабое правительство Испании, вынудив его заключить договор о наступательном и оборонительном союзе, Сан-Ильдефонсский мирный договор, подписанный 19 августа. Это выставило грозные военно-морские силы против Англии, в результате чего она немедленно вывела свой флот из Средиземного моря, где он значительно препятствовал операциям французских генералов на итальянском побережье. Перед концом года Директорат продвинулся еще на шаг, и Гош, расстроенный плохой погодой, предпринял попытку высадиться в Ирландии, которая была готова восстать против Англии. Однако в феврале 1797 года адмирал Джервис разгромил испанский флот у мыса Сент-Винсент, восстановив этим ударом господствующее положение Англии на море.

В Германии дела у Республики шли не очень хорошо. {247} Молодой эрцгерцог Карл, умело сосредоточившись против Журдана, отбросил его обратно к Рейну, прежде чем Моро смог осуществить свой переход. Моро ничего не оставалось, кроме как отступить. Этот успех позволил австрийскому правительству усилить свои войска в Тироле, откуда его генералы предпринимали неоднократные попытки выбить Бонапарта из осады Мантуи. В сентябре он одержал значительную победу над австрийцами при Бассано; в ноябре - при Арколе; в январе - при Риволи. Наконец, в феврале Мантуя капитулировала; Бонапарт менее чем за двенадцать месяцев расправился с пятью австрийскими армиями и захватил оплот Габсбургов в Италии.

Теперь велись приготовления к новому шагу. Директория отозвала Бернадота с сильной дивизией из Германии, чтобы усилить Бонапарта, и увеличила его армию до 70 000 человек. Он продвинулся через Фриули и Юлийские Альпы, обойдя с фланга эрцгерцога Карла, который попытался преградить ему путь, с отдельными корпусами под командованием Жубера и Массены. Бонапарт был неотразим. Он пробился к Вене на небольшом расстоянии, и, наконец, 18 апреля в Леобене Австрия приняла предварительные условия мира. Она согласилась {248} уступить Нидерланды и Ломбардию, взамен чего должна была получить определенные компенсации.

Теперь Бонапарт был не только генералом, но и участником переговоров. Ибо Директория находилась в большой опасности; она столкнулась лицом к лицу с ситуацией, в которой ей требовалась вся поддержка, которую мог оказать ее генерал, и взамен предоставила ему

соответствующее увеличение полномочий. В марте и апреле были проведены первые выборы для обновления Советов, и из 216 выбывающих бывших членов конвента, которые апеллировали к электорату, 205 потерпели поражение на выборах. Вряд ли возможно было более единодушное выражение общественного мнения.

Но Директора были не способны принять вердикт страны; власть принадлежала им, и они решили, что она должна оставаться их собственностью. В Советах крайняя партия, возглавляемая Буасси д'Англасом, Пишегрю и Камиллой Джордан, начала политику изгнания Директоров и отмены всего революционного законодательства, особенно того, которое направлено против *эмигрантов* и Церкви. Они основали Клуб де Клиши. В центре палаты мнения были более умеренными — умеренно прогрессивными и умеренно якобинскими; в последней партии были Сийес, Талейран, Бенжамен Констан {249} и, как социальное и литературное влияние, дочь Неккера, мадам де Сталь.

Первый шаг в борьбе ознаменовался избранием Бартелеми, участника переговоров по Бейльскому мирному договору и умеренного политика, в Директорию вместо Летурнера, ушедшего в отставку по ротации. Последовали длительные дебаты по поводу *эмигрантов* и священников, и их ход привел к нападению Советов, поддержанных Карно и Бартелеми, на Министерство. Были внесены некоторые изменения, и именно в этот момент Талейран получил пост министра иностранных дел.

Теперь Пятьсот человек заинтересовались некоторыми довольно неясными переговорами, которые Бонапарт вел в Италии с целью превратить предварительные условия Леобенского мира в конкретный договор. Не успел он избавиться от Австрии, как вероломно напал на Венецию и захватил город. Теперь он жонглировал этим и другими французскими приобретениями в Италии довольно сомнительным образом, и ораторы оппозиции ухватились за это как за текст. Именно в этот момент Баррас повернулся к своему старому протекже и попросил его о помощи. Шпага Бонапарта мгновенно вылетела из ножен. Он издал прокламацию для своей армии, осуждающую фракционную оппозицию {250} клишианцев; и он послал Ожеро, своего гренадерского генерала, на помощь Баррасу. Результатом стала революция Фруктидора.

Поздно вечером 3 сентября Баррас, Ребелл и Ларевельер объявили о раскрытии крупного роялистского заговора. Бартелеми был арестован; Карно только что удалось сбежать. На следующее утро Ожеро с 2000 человеками окружил собрание, арестовал Пишегрю и нескольких ведущих членов и помешал другим членам собраться. Тем временем небольшие группы сторонников Барраса из двух Советов собрались вместе и приступили к ведению дел. 5 и 19 Фруктидора узурпаторскими органами были приняты декреты; они предусматривали депортацию Карно, Бартелеми, Пишегрю и других; они произвольно отменили ряд выборов; они приказали всем вернувшимся *эмигрантам* покинуть Францию; они отменили недавний закон в пользу свободы вероисповедания и поставили прессу под строгий контроль правительства. На следующий день из успешной фракции были выбраны два новых директора - Мерлен де Дуэ и Франсуа де Нефшато.

Фруктидорианцы теперь контролировали ситуацию во главе с Тальеном, Шенье и Журданом в Советах. Многие чиновники были смещены и {251} заменены их приверженцами. Священники подвергались жестоким репрессиям, тысячи были заключены в тюрьму. Для расправы

сэмигрантами были созданы военные трибуналы, которые в течение следующих двух лет отправили на расстрел около 200 человек.

Через шесть недель после Фруктидора, 17 октября, долгая борьба между Францией и Австрией завершилась Кампо-Формийским мирным договором, подписанным Бонапартом и Кобенцлем. Австрия уступила Нидерланды Франции; ее Ломбардская провинция была включена в состав недавно образованной Цизальпинской республики, которую она признала; весь левый берег Рейна от Бейла был передан Франции; Австрия захватила Венецию; и в Раштатте должен был собраться конгресс для рассмотрения территориальных изменений в рамках Империи.

После Фруктидора и Кампо Формио дела некоторое время шли более спокойно, и конец года был отмечен всего двумя инцидентами, которые необходимо здесь зафиксировать: отъезд Сийеса послом в Берлин, другое триумфальное возвращение Бонапарта из Италии и орации, которыми одарила его парижская публика. Но тем временем, даже при полном составе Советов, Директора снова оказались в затруднительном положении, поскольку финансовое положение {252} становилось все хуже и хуже, а продажность, расточительность и неспособность правительства, казалось, могли привести ко всеобщему банкротству. Уже было выпущено 145 000 000 000 ассигнаций. Золото было трудно достать, стоимость одного луидора в 1797 году составляла три тысячи восемьдесят франков в бумаге. Была опробована новая форма ассигнаций, но без особого успеха. Расходы на войну были огромными: армия численностью более 1 000 000 человек удвоила ежегодные расходы государства. Если бы Бонапарт систематически не лишал Италию денег и сокровищ, Директория не смогла бы вести дела так долго. В нынешнем виде это не могло продолжаться дольше. Новые налоги на собственность и доходы так и не вступили в силу, главным образом потому, что сбор налогов был возложен на коммуны. И вот, через несколько дней после революции Фруктидора было объявлено о частичном банкротстве; выплата процентов по двум третям долга была приостановлена.

Следующей весной, в марте-апреле 1798 года, выборы вновь оказались провальными для директоров. У них действительно было мало сторонников, кроме тех, кто занимал должности при них или кто надеялся, что придет их очередь занять этот пост. Предстояло выбрать более 400 депутатов, и общественное мнение все еще было настолько враждебным, что {253} единственный шанс Директоров был в незаконных действиях. Они вмешались в ход выборов и, сочтя это недостаточным для достижения своей цели, добились еще одного акта насилия, добившись 4 мая 22 дня Флореаля декрета, исключающего ряд новоизбранных депутатов. Все это оказалось напрасным. Настрой Советов был решительно враждебным, и теперь враждебность исходила как от якобинцев, так и от любой другой части палаты представителей.

Отчасти из-за слабости, отчасти для того, чтобы отвлечь внимание, Директория теперь втягивалась в новую войну. В феврале из-за французских интриг в Риме произошел бунт, в результате которого была провозглашена республика и папа был изгнан из города. Дальше на север повторился тот же процесс. Французские войска оккупировали Берн, и под их влиянием возникла гельветическая республика. Тем временем война с Англией продолжалась с нарастающей силой; большой удар был нанесен по английской колониальной империи на Востоке, Бонапарт отплыл из Тулона в Египет 19 мая. 12 июня он захватил Мальту; 21 июля он разбил мамлюков в битве при Пирамидах; а 1 августа его флот был уничтожен на якорной стоянке, недалеко от устья {254} Нила, адмиралом Нельсоном. Лучшая армия и лучший генерал Директории были отрезаны в Египте.

Тем временем Нельсон, вернувшись в Италию для ремонта своих кораблей, постановил неаполитанскому двору присоединиться к войне против Франции и определил поход Фердинанда и его армии на Рим, который он занял 29 ноября. Шампионне, командующий французскими войсками в южной Италии, принес еще одну вспышку триумфа оружию своей страны; несмотря на значительное численное превосходство, он изгнал Фердинанда из Рима, последовал за ним в Неаполь и взял город штурмом после отчаянных уличных боев в конце декабря.

В Неаполе, как и везде, Франция создала вассальное государство, Партенопейскую республику, которая просуществовала всего несколько недель и закончилась трагедией. В начале 1799 года Австрия и Россия ввели войска в действие в северной Италии, война с Австрией началась в марте. Его первые события произошли в Германии, где Журдан, в четвертый раз попытавшийся пробиться через долину Дуная, снова потерпел неудачу. Эрцгерцог Карл сражался с ним при Штокахе и там нанес ему поражение. Это поражение передало командование северными силами Массене и отправило Журдана {255} обратно в политику. Когда несколько лет спустя победителю при Флерюсе снова доверили командование большими армиями, это привело их лишь к поражению при Талавере и катастрофе при Виттории.

Как раз в тот момент, когда снова разразилась война с Австрией, проводились ежегодные выборы в Советы. Война вызвала повторение революционной лихорадки, которая привела к большим успехам якобинцев на выборах. Но новые депутаты, как и старые, были враждебны дискредитировавшей себя директории. Франции нужен был более сильный, способный, честный, достойный руководитель, чем тот, который у нее был; она больше не потерпит, чтобы банда сомнительных политиков жирела в офисе, для повышения эффективности которого они ничего не сделали. И по мере того, как туча войны становилась все чернее, а национальные финансы истощались, якобинцы сами взялись за реформирование республики. Первым шагом было прочно закрепиться в стане врага. Это было достигнуто путем избрания Сийеса на вакансию, образовавшуюся в связи с уходом Ребелла из Директории, — Сийеса, который был известен своей враждебностью к существующей системе, чья репутация солидности и политической честности была широко распространена, чьи способности конституционалиста и реформатора были чрезвычайно переоценены.

{256} С приходом Сийеса к Руководству возникает нечеткий, расплывчатый заговор, тем более опасный, что это был скорее общий толчок большого числа людей к новому набору условий, чем законченный заговор, предполагающий точное действие и точные результаты в данный момент. В этих новых условиях Сийес и те, кто думал вместе с ним, признали один факт неизбежным, факт, который Робеспьер так рано предвидел и которого так постоянно боялся. Необходимо было задействовать влияние армии, а влияние армии означало влияние одного из генералов. И пока Сийес и его друзья искали генерала, соответствующего их целям, им было трудно выбрать подходящего человека. Бонапарт уже давно был отрезан в Египте английским флотом, и известия о его армии доходили до Парижа только с большими задержками и через большие промежутки времени. Журден почти потерял свой престиж из-за продолжающегося неудачного выступления и в любом случае был не в состоянии действовать вместе с Сийесом. В Италии дела у всех генералов шли плохо.

Русский фельдмаршал Суворов с австро-русской армией сметал все перед собой. 27 апреля он разбил Моро при Кассано; затем он занял Милан и оттеснил французов на юг, к Генуе. {257} В этот момент Макдональд, сменивший Шампионне в Неаполе, двигался на север, чтобы присоединиться к Моро. Суворов встал между ними и после трехдневных ожесточенных боев, с 17 по 19 июня, нанес французам второе серьезное поражение при Ла Треббии. Эти неудачи разрушили все французское господство в Италии; их армии были разбиты, их вассальные республики пали, Неаполитанская республика оказалась в ужасных условиях репрессий и резни со стороны роялистов.

Престиж Директории сильно пострадал из-за событий войны, которую она так легко спровоцировала и так некомпетентно вела. В июне Советы предприняли очередную успешную атаку на исполнительную власть и преуспели в быстрой смене трех директоров - Трейяра, Ларевельера и Мерлена. Вместо них были заменены Гойе, который был бесцветным; Мулен, который был глупым, и Дюко, который был податливым. Из термидорианцев остался один Баррас, а Баррас после пяти лет непрерывной власти и роскоши исчерпал себя как человек действия; он был вполне готов прийти к разумным условиям с Сийесом или, если дело повернется таким образом, с графом Прованским, агенты которого поддерживали с ним связь.

{258} Сийес, который во многом был обязан своим положением поддержке якобинцев в Совете пятисот, теперь считал их препятствием. Поражения армий делали их неуправляемыми. Они сформировали клуб, собиравшийся в Манеже, который угрожал развить все черты старого якобинского клуба, и это вызвало всеобщую тревогу. Древние приказали закрыть *Манеж*. Но якобинцы, возглавляемые Журданом, военным министром Бернадотом и другими, продолжали свои собрания в новых помещениях. Они начали требовать создания нового комитета общественной безопасности.

Теперь Сийес выбрал Жубера, чтобы исправить ситуацию. Этот молодой генерал был одним из самых блестящих дивизионных командиров Бонапарта. У него было много сторонников в армии, он был убежденным республиканцем и, возможно, генералом первого ранга. За ним послали, ему приказали принять командование в Италии и выделили все батальоны, которые только можно было наскрести. С их помощью ему предстояло выиграть битву, решавшую судьбу не только Италии, но и Республики и Директории.

Жубер покинул Париж 16 июля. Месяц спустя, сосредоточив все, что осталось от итальянских армий, вместе со своими {259} подкреплениями в Генуе, он двинулся на север. У Нови, на полпути к По, Суворов преградил ему путь. Произошло большое сражение; французы потерпели тяжелое поражение; и Жубер был убит. Неделю спустя, как раз в тот момент, когда ужасные новости о Нови достигли Парижа, генерал Бонапарт с несколькими офицерами своего штаба сел на корабль в Александрии и, рискуя английскими военными кораблями, отплыл во Францию.

Теперь Бонапарт становится центральной фигурой на исторической сцене, и последующие события относятся к его истории больше, чем к истории Революции. Здесь все, что остается сделать, - это указать на природу произошедшей перемены, на его связь с планами Сийеса по избавлению Франции от Директории и замене ее чем-то более эффективным.

Пока Бонапарт плыл по Средиземному морю — семь долгих недель от Александрии до Фрежюса, — отвращение и усталость Франции возрастали. Журден и Бернадотт неумело попытались вырвать власть у Директоров, но оказались неравны по престижу и способностям для выполнения этой задачи; требовался более могущественный и более тонкий политический мастер. Затем во мраке всеобщего {260} уныния воздух наэлектризовали три внезапные вспышки, вспышка за вспышкой. Массена с последней армией Республики, резко поворачивая направо и налево, разбил австрийцев, уничтожил Суварова в горах Швейцарии около Цюриха. Прежде чем улеглось возбуждение, из глубин Средиземноморья пришла депеша, составленная с оссиановским преувеличением величайшим из политических романтиков, в которой сообщалось об уничтожении турецкой армии в тюрбанах при Абукире непреодолимыми полубригадами старой армии Италии. А потом, внезапно, люди выбежали на улицы, чтобы услышать, что сам этот человек находится во Франции; Бонапарт высадился во Фрежюсе.

Редко страна обращалась к отдельному человеку так, как Франция в тот момент обратилась к Бонапарту. И он, хладнокровно играя и взвешенно оценивая политический инструмент, который судьба вложила в его руки, объявил себя человеком мира, реформ, сильного гражданского правительства, республиканских добродетелей. Это была долгая овация от Фрежюса Парижу.

В Париже Бонапарт рассудил, и рассудил справедливо, что груша, как он грубо выразился, созрела. Все партии пришли к нему, и Сийес пришел к нему {261}. Автор этого эпохального памфлета *Что такое уровни?* и величайший солдат, произведенный Революцией, объединили свои усилия, чтобы положить Революции конец.

Сийес и Бонапарт достигли своей цели 9 и 10 ноября, 18 и 19 Брюмера. Принятый ими метод был лишь небольшим развитием того, который использовали Баррас и Ожеро во время революции Фруктидора двумя годами ранее. Некоторые из директоров были подвергнуты принуждению; другие поддерживали заговор. Но Совет Пятисот яростно сопротивлялся, и только после сцен большого насилия он сдался. Только под бой армейских барабанов и сверкание сомкнутых штыков последнее собрание Революции покинуло свой пост. Человек со шпагой, которого так долго предвидел и боялся Робеспьер, вступил в свои права, и Республика уступила место консульству.

ГЛАВА XVII

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

Во французской литературе были великие имена и до 1789 года, и после 1815 года. Вольтер, Дидро, Руссо, не говоря уже о гигантах, писали до революции; а Шатобриан, Тьер, Гюго, Мюссе, Беранже, Курье - после падения Наполеона. Между ними почти ничего нет. Этот период подобен пустынному месту, опустошенному пламенем, запятнанному кровью, и лишь кое-где робкие цветы придают немного красок, оттенок изящества, отблеск красоты сцене разрушения и насилия.

Ни одно стихотворение или проза того периода не передает ноту революции с ее идеалистической стороны более ярко, чем "Номенклатура месяцев революционного календаря" Фабра д'Эглантина. Несмотря на легкий оттенок педантизма и аккуратности, его свежесть, изящество, вдохновение и искренность придают ему привкус почти первобытного искусства. Это остается одним из немногих известных стихотворений во французской литературе в прозе.

{263}
VENDÉMIAIRE,
premier mois de l'année républicaine et de l'automne;
prend son étymologie des vendanges
qui ont lieu pendant ce mois.

BRUMAIRE,
deuxième mois de l'année républicaine;
il tire son nom des brouillards et des brumes basses
qui font en quelque sorte la transsudation de la
nature pendant ce mois.

FRIMAIRE,
troisième mois de l'année républicaine,
ainsi nommé du froid tantôt sec, tantôt humide,
qui se fait sentir pendant ce mois.

NIVÔSE,
quatrième mois de l'année républicaine, et le
premier de l'hiver;
il prend son étymologie de la neige
qui blanchit la terre pendant ce mois.

PLUVIÔSE,
cinquième mois de l'année républicaine;
il tire son nom des pluies

qui tombent généralement avec plus d'abondance pendant ce mois.

VENTÔSE,
sixième mois de l'année républicaine,
ainsi nommé des giboulées qui ont lieu, et du vent
qui vient sécher la terre pendant ce mois.

{264}

GERMINAL,
septième mois de l'année républicaine, et le
premier du printemps;
il prend son étymologie
de la fermentation et du développement de la
sève pendant ce mois.

FLORÉAL,
huitième mois de l'année républicaine,
ainsi nommé de l'épanouissement des fleurs
que la terre produit pendant ce mois.

PRAIRIAL,
neuvième mois de l'année républicaine;
il tire son nom de la fécondité riante
et de la récolte des prairies pendant ce mois.

MESSIDOR,
dixième mois de l'année républicaine, et le premier de l'été;
il prend son étymologie de l'aspect des épis ondoyans
et des moissons dorées
qui couvrent les champs pendant ce mois.

THERMIDOR,
onzième mois de l'année républicaine,
ainsi nommé de la chaleur tout-à-la-fois solaire et terrestre
qui embrase l'air pendant ce mois.

FRUCTIDOR,
douzième mois de l'année républicaine;
il tire son nom des fruits
que le soleil dore et mûrit pendant ce mois.[1]

{265} Фабр д'Эглантин был не единственным членом революционных собраний, заслужившим место в литературе. Великие ораторы Мирабо, Дантон, Верньо, Робеспьер и другие достигали высокого уровня риторики в своих речах. Famous apostrophes which they uttered are still current phrases: Nous sommes ici par le volonté du peuple, et nous n'ont sortiront que par le force des bayonettes.—Silence aux trente voix!—De l'audace, encore de l'audace, et toujours de l'audace! Некоторые выдержки из "ораторов" были даны в предыдущих главах, и авторы памфлетов также были взяты из них; последние, даже на страницах Демулена, Лусталло или Малле, редко достигают уровня лучшей литературы.

{266} Следующий отрывок из Демулена показывает несчастного журналиста с лучшей стороны, когда при поддержке Дантона в декабре 1793 года он поднял знамя милосердия против терроризма и печально известного санкюлотства Эбера.

O mes chers concitoyens! Serions nous donc arrivés à ce point que de nous prosterner devant de telles divinités? Non, la Liberté, cette Liberté descendue du ciel, ce n'est point une nymphe de l'Opéra, ce n'est point un bonnet rouge, une chemise sale, ou des haillons. La Liberté, c'est le bonheur, c'est la raison, c'est l'égalité, c'est la justice.... Voulez vous que je la reconnaisse, que je tombe à ses pieds, que je verse tout mon sang pour elle? ouvrez les prisons....

Немногие поэты отметили ту эпоху, и из их произведений наиболее известны боевые песни. Руже де Лиль после объявления войны Австрии в апреле 1792 года сочинил музыку и слова к самой известной песне в мире - знаменитой Марсельезе. Одна из его строф гласит:

Amour sacré de la patrie,
Conduis, soutiens, nos bras vengeurs.
Liberté, liberté chérie,
Combats avec tes défenseurs.

{267}

Sous nos drapeaux que la victoire
Accoure à tes mâles accens,
Que tes ennemis expirans
Voient ton triomphe et notre gloire.
Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons!
Marchez; qu'un sang impur abreuve nos sillons.

Лучшая песенная поэма, чем "*Марсельеза*", хотя и не столь известная, была написана Жозефом Шенье, "*Песнь департамента*"; она была большой любимицей Бонапарта.

La victoire, en chantant, nous ouvre la barrière,
La liberté guide nos pas,
Et du nord au midi, la trompette guerrière
A sonné l'heure des combats;
Tremblez ennemis de la France,
Rois ivres de sang et d'orgueil,
Le peuple souverain s'avance;
Tyrans, descendez au cercueil!
La République nous appelle,
Sachons vaincre ou sachons périr,
Un Français doit vivre pour elle,
Pour elle, un Français doit mourir!

Вместе с Шенье мы подходим к одному из выдающихся поэтов революционного периода, Андре, брату автора "*Песнопения департамента*". Он был отправлен на гильотину 7-го числа Термидора в возрасте 31 года, опубликовав всего два стихотворения: одно о Клятве на теннисном корте в 1789 году, а другое о фестивале, организованном Колло д'Эрбуа для швейцарцев мятежного полка Шатовье весной 1792 года. Первые строки его первого стихотворения посвящены новой эпохе:

Reprends ta robe d'or, ceins ton riche bandeau,
Jeune et divine poésie,
Quoique ces temps d'orage eclipsent ton flambeau.

La liberté du génie et de l'art
T'ouvre tous les trésors. Ta grâce auguste et fière
De nature et d'éternité
Fleurit. Tes pas sont grands. Ton front ceint de lumière
Touche les cieux....

И предвидя, как и подобает поэту, грядущие трагедии, он молит о руководстве, чтобы отвратить от людей грядущие беды:

Ah, ne le laissez pas, dans la sanglante rage
D'un ressentiment inhumain,
Souiller sa cause et votre ouvrage.
Ax! ne le laissez pas sans conseil et sans frein,
Armant, pour soutenir ses droits si légitimes,
La torche incendiaire et le fer assassin,
Venger la raison par des crimes.

{269} Всегда принадлежавший к умеренным, Шенье был возмущен апофеозом, который Колло и демократическая партия воздали швейцарцам полка Шатовье. 15 апреля 1792 года он опубликовал несколько язвительных стихов на эту тему, которые, возможно, стоили ему жизни.

Salut, divin triomphe! entre dans nos murailles;
Rend nous ces guerriers illustrés
Par le sang de Désille et par les funérailles
De tant de Français massacrés....
Un seul jour peut atteindre à tant de renommée,
Et ce beau jour luira bientôt:
C'est quand tu conduiras Jourdan à notre armée,
Et Lafayette à l'échafaud....
Invoque en leur galère, ornement des étoiles,
Les Suisses de Collot d'Herbois....
Ces héros que jadis sur les bancs des galères
Assit un arrêt outrageant,
Et qui n'ont égorgé que très peu de nos frères
Et volé que très peu d'argent!

Среди стихов, опубликованных после смерти Шенье, наиболее поразительными являются те, которые касаются периода правления террора; из них мы процитируем несколько строк. Поэт возвысил свой голос, в то время как весь Париж был против Шарлотты Корде, убийцы Марата:

{270}

Non, non, je ne veux point honorer en silence,
Toi qui crus par ta mort resusciter la France

Et dévouas tes jours à punir des forfaits.
Le glaive arma ton bras, fille grande et sublime,
Pour faire honte aux dieux, pour réparer leur crime,
Quand d'un homme à ce monstre ils donnèrent les traits.

Mais la France à la hache abandonne ta tête,
C'est au monstre égorgé qu'on prépare une fête.
Parmi ses compagnons, tous dignes de son sort,
Oh! quel noble dédain fit sourire ta bouche,
Quand un brigand, vengeur de ce brigand farouche,
Crut te faire pâlir aux menaces de mort!

C'est lui qui dut pâlir, et tes juges sinistres,
Et notre affreux sénat, et ses affreux ministres,
Quand, à leur tribunal, sans crainte et sans appui,
Ta douceur, ton langage et simple et magnanime
Leur apprit qu'en effet, tout puissant qu'est le crime,
Qui renonce à la vie est plus puissant que lui.

Карриер и зверства в Нанте дали ему еще более сильный текст:

Vingt barques, faux tissus de planches fugitives,
S'entrouvrant au milieu des eaux,
Ont elles, par milliers, dans les gouffres de Loire
Vomi des Français enchaînés,
Au proconsul Carrier, implacable après boire,

{271}

Pour son passetemps amenés?
Et ces porte-plumets, ces commis de carnage,
Ces noirs accusateurs Fouquiers,
Ces Dumas, ces jurés, horrible aréopage
De voleurs et de meurtriers,
Les ai-je poursuivis jusqu'en leurs bacchanales,
Lorsque, les yeux encore ardents,
Attablés, le bordeaux de chaleurs brutales
Allumant leurs fronts impudents,
Ivres et bégayant la crapule et les crimes,

Ils rappellent avec des ris,
Leurs meurtres d'aujourd'hui, leurs futures victimes,
Et parmi les chansons, les cris,
Trouvent deçà, delà, sous leur main, sous leur bouche,
De femmes un vénal essaim,
Dépouilles du vaincu, transfuges de sa couche,
Pour la couche de l'assassin?

Автор этих строк не мог надеяться избежать проскрипций Террора; и именно в тюрьме, ожидая своей очереди на гильотину, были написаны его последние фрагменты. Там молодая девушка, такая же заключенная, стала героиней, пожалуй, его самых красивых строк:

LA JEUNE CAPTIVE.

"L'épi naissant mûrit, de la faux respecté;
Sans crainte du pressoir, le pampre tout l'été
Boit les doux présents de l'aurore;
Et moi, comme lui belle, et jeune comme lui,

{272}

Quoique l'heure présente ait de trouble et d'ennui,
Je ne veux point mourir encore.

"Je ne suis qu'au printemps, je veux voir la moisson;
Et comme le soleil, de saison en saison,
Je veux achever mon année.
Brillante sur ma tige, et l'honneur du jardin,
Je n'ai vu luire encore que les feux du matin,
Je veux achever ma journée.

* * * * *

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait, écoutant ces plaintes, cette voix,
Ces vœux d'une jeune captive;
Et secouant le faix de mes jours languissants,
Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve."

Последняя цитата дает представление о тюрьме Сен-Лазар, откуда он отправился на эшафот через несколько дней после написания этих строк:

Ici même, en ces parcs où la mort nous fait paître,
Où la hache nous tire au sort,
Beaux poulets sont écrits; maris, amants sont dupes.
Кокетажи; интриги соц.
On y chante, on y joue, on y lève des jupes;
On y fait chansons et bon mots;
L'un pousse et fait bondir sur les toits, sur les vitres,
Un ballon tout gonflé de vent,
Comme sont les discours des sept cents plats bélitres,

{273}

Dont Barère est le plus savant.
L'autre court; l'autre saute; et braillent, boivent, rient,
Politiqueurs et raisonneurs;
Et sur les gonds de fer soudain les portes crient,
Des juges tigres nos seigneurs
Le pourvoyeur paraît. Quelle sera la proie
Que la hache appelle aujourd'hui?

Франсуа де Нефшато, ставший режиссером после революции Фруктидора, и младший Шенье были, пожалуй, лучшими драматургами той эпохи. Первое вряд ли заслуживает подробного рассмотрения. "*Карл IX*" Шенье, сыгранный в начале революции, имел большой успех как политическая пьеса, и за ней последовало несколько других, которые служили колышками, на которые взволнованные зрители могли повесить свои политические шляпы. *Брут* Вольтера, не играемый полвека назад, сейчас был в моде; и драматургу оставалось только демонстрировать демократические настроения, чтобы угодить своей аудитории.

Дело зашло далеко, и в процессе пострадало искусство. Сюжет и диалоги приобрели лихорадочные краски Революции. Зрители вопили "*Карманьола*" или "*каира*", прежде чем поднялся занавес; а когда спектакль начался, упивались остросюжетной политической драмой, в которой папа вскоре стал самым поносимым и популярным из злодеев. Пьяный папа, которого пинает в живот его жестокий сообщник Георг III, папа, занимающийся любовью с мадам де Полиньяк, папа, окруженный европейскими тиранами, поглощенный извергающим пламя

вулканом зачарованного острова, - таковы были лакомые кусочки, от которых у ценителей драмы в Париже потекли слюнки.

Попытки Жозефа Шенье разыграть свою трагедию "*Тимолеон*" в тот момент, когда он не пользовался хорошей репутацией в Комитете общественной безопасности, могут служить примером многих подобных инцидентов. Слова "Нам нужны законы, а не кровь" в его "*Карле IX*" вызвали недовольство Робеспьера и Бийо-Варенна, и якобинцы были полны решимости предотвратить любое новое производство. Однако рукопись своего "*Тимолеона*" он прочел с большим успехом в труппе театра Республики. Вилате, возможно, останется продолжить рассказ:

Le lendemain je me trouve placé, dans la Société des Jacobins, près David et Michot. Celui-ci disait à l'autre: *Ah! la belle tragédie que celle de Timoléon; c'est un chef d'oeuvre; demande à Vilate.* Je ne pus me défendre de rendre une justice éclatante ... au génie de l'auteur. Le peintre (David) ... nous répond: *Chénier une belle tragédie! это невозможно. Son âme a-t-elle jamais pu sentir la liberté {275} pour la bien rendre? Non, je n'y crois pas.* A quelques jours de là, me trouvant avec Barère et Billaud-Varennnes, on parle de *Timoléon*. Billaud ne put dissimuler son humeur: *Elle ne vaut rien; elle n'aura pas l'honneur de la représentation. Qu'entend-il par ce vers contre-révolutionnaire:*

N'est-on jamais tyran qu'avec un diadème?

Barère, qui avait mêlé ses applaudissements à la lecture de la pièce, mais auquel j'avais déjà rapporté les propos de David, ajoute: *Oui, il n'y a pas de génie révolutionnaire; elle manque dans le plan.* Billaud à Barère: *Ne souffrons pas qu'elle soit jouée.* Barère: *Donnons lui le plaisir de quelques répétitions.*

Соответственно, было разрешено провести несколько репетиций. Последовали два представления. На третьем произошел крах.

On laisse aller la tragédie jusqu'à la scène où Aristocles va pour placer le bandeau royal sur la tête de Timophane, sous prétexte que le peuple de Corinthe concentre son indignation....

Вслед за этим человек в яме поднялся и крикнул:

Si le peuple eut besoin d'être provoqué pour s'élever contre la tyrannie, c'est une injure faite au peuple français que de lui offrir cet exemple de faiblesse et d'ineptie. A bas la toile!

The cry was taken up; a riotous scene followed; and presently: on pousse l'horreur jusqu'au point de forcer Chénier à brûler {276} lui-même, sur le théâtre, le fruit de huit mois de travaux et de veilles.

Искусство, как и литература, пришло в упадок во время революции или просто изредка подкрашивалось модными румянами. До и после - великие периоды, но на данный момент искусство, кажется, утратило свою хитрость; художник, как и Дэвид, становится политиком. Фрагонар и Грез оба выжили, чтобы увидеть Империю, но утратили свою популярность. Прикосновение Греза вряд ли можно было оценить в эпоху Дантона; приторная сладость Фрагонара была в том же роде; оба этих великих художника были разорены революцией и умерли в бедности. Вместо этих изящных мастеров ложного пасторального вкуса угасающего века возникает мощная группа военных художников: Верне, Шарле, Жерико, а позже Раффе, самый жестокий, но и самый искренний портретист армий Республики. Фальшивый классический стиль, унаследованный от эпохи Людовика XVI, претерпевает метаморфозы Давида и Гро, становится надутым, декламационным, пресным и деревянным. Огромная картина Дэвида, самое популярное полотно, висящее сейчас в Лувре, изображающее трех Горациев, поклявшихся Риму победить или умереть, передает атмосферу того периода. Фальшивые сантименты, {277} напускная героика, блестящие формулы, позиция непрофессионала - все это присутствует.

Нескольким художникам удалось пронести элегантность 18 века сквозь бурю в последующий период, особенно Прудону, которого называют Ватто революции. Его портреты женщин из семьи Бонапартов, Жозефины, Гортензии, Полины, обладают всем изяществом и очарованием более ранней эпохи, сливаются с ней непринужденностью директорского периода и пронизывают все романтизмом и индивидуализмом наступающего столетия. Ужасный контраст с этими прекрасными и обольстительными женщинами нового времени составляет мрачная фигура, запечатленная несколькими мастерскими штрихами Дэвида, когда Мария-Антуанетта, гордая и непреклонная, как всегда, но лишенная всего великолепия Версаля, с изможденным лицом, седыми, растрепанными, изуродованными ножницами волосами, проезжала мимо на повозке для заключенных по пути на гильотину. Именно гильотина, являющаяся в искусстве, как и в политике, самым мощным растворителем, стоит между Трианоном и романтиками.

КОНЕЦ

[1] К НОМЕРУ ДНЯ В:

Vendémiaire прибавьте 21, чтобы получить даты в сентябре, октябре;
Brumaire, добавьте 21, чтобы получить даты в октябре, ноябре;
Frimaire, добавьте 20, чтобы получить даты в ноябре, декабре;
Nivôse, добавьте 20, чтобы получить даты в декабре, январе;
Pluviose, добавьте 19, чтобы получить даты в январе, феврале;
Ventôse, добавьте 18, чтобы получить даты в феврале, марте;
Germinal, добавьте 20, чтобы получить даты в марте, апреле ;
Floréal, добавьте 19, чтобы получить финики в апреле, мае;
Prairial, добавьте 19, чтобы получить финики в мае, июне;
Messidor, добавьте 18, чтобы получить финики в июне, июле;
Thermidor, добавьте 18, чтобы получить финики в июле, августе;
Fructidor, добавьте 17, чтобы получить финики в августе, сентябре;
За Fructidor последовали пять *jours supplémentaires*,
the *sans cullostides*.